

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 3 (66) 2023

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Артюхов, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
22.09.2023.

Дата выхода в свет:
27.09.2023.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 21,0.
Усл. печ. л. 19,5.
Тираж 500 экз. (1 — 300).
Заказ 44.

Цена по подписке
на 2023 г.
по каталогу
«Пресса России»
1510 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2023

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Мирзозов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2023. —
No 3 (66). — 168 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 3 (66)
2023

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, Lecturer at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Artyukhov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
22.09.2023.

Date of publication:
27.09.2023.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 21,0.
Conventional print sheets 19,5.
500 copies (1 — 300).
Order 44.

Subscription price
for the 2023
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1510 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2023

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Deputy Minister of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Шевелева С. В., Цуканов А. Н.
Трансформация уголовно-правовой охраны
фискальных интересов государства
в свете поручений Президента России

Жилкин М. Г.
Проблемы уголовной ответственности
за уклонение от прохождения военной
и альтернативной гражданской службы
в период мобилизации

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

*Алексеева А. П., Белокобыльская О. И.,
Третьяков Ю. В.*
Возможности унификации критериев соотношения
терминов, включенных в понятийный аппарат
в сфере превенции преступности и преступлений

Егорова Н. А.
Проблемы правовой регламентации
уголовной ответственности за побои

Наумова Н. М.
Обеспечение ядерной и радиационной
безопасности уголовно-правовыми средствами

Сысолина Н. С.
Тенденции развития отечественного уголовного
законодательства об ответственности
лидеров преступной среды
периода X—XVI веков

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Андриенко Е. В.
Социально-правовые предпосылки участия
общественности в уголовном судопроизводстве:
институциональный подход

Данильян Э. С.
Алгоритм оценки материалов
уголовного дела

Колосович О. С.
Конкуренция нормативных положений
и научных воззрений
в понимании термина «экстрадиция»

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

9 *Sheveleva S. V., Tsukanov A. N.*
Transformation of criminal law protection
fiscal interests of the state in the light
of the instructions of the President of Russia

16 *Zhilkin M. G.*
Problems of criminal liability
for evasion from military
and alternative civil service
during the mobilization period

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

25 *Alekseeva A. P., Belokobylskaya O. I.,
Tretyakov Yu. V.*
Possibilities of unifying the criteria for the ratio
of terms included in the conceptual apparatus
in the field of crime prevention and crime

31 *Egorova N. A.*
Law regulations of criminal liability
for bodily blows

39 *Naumova N. M.*
Ensuring nuclear and radiation safety
by criminal legal means

45 *Sysolina N. S.*
Trends in the development of domestic criminal
legislation on the responsibility
of leaders of the criminal environment
of the period of the X—XVI centuries

CRIMINAL PROCEDURE

53 *Andrienko E. V.*
Socio-legal prerequisites for public participation
in criminal proceedings:
institutional approach

60 *Danilyan E. S.*
The algorithm for assessing the materials
of a criminal case

67 *Kolosovich O. S.*
Competition of regulation
and scientific views
in the understanding of the term "extradition"

<i>Печников Г. А., Соловьева Н. А., Олейник Е. А.</i> Уголовно-процессуальная наука и диалектика	73	<i>Pechnikov G. A., Solovieva N. A., Oleinik E. A.</i> Criminal procedure science and dialectics
<i>Шарипова А. Р.</i> Влияние цифровой формы на содержание процессуальной деятельности (опыт уголовного и арбитражного судопроизводства)	81	<i>Sharipova A. R.</i> Influence of the digital form on the content of procedural activity (experience in criminal and arbitration proceedings)
<i>Шкаплеров Ю. П.</i> Тенденции развития института следственных действий в уголовном процессе Республики Беларусь в XXI веке	88	<i>Shkaplerov Yu. P.</i> Tendencies of development of the institute of investigative actions in the criminal procedure of the Republic of Belarus in the XXI century
КРИМИНАЛИСТИКА		CRIMINALISTICS
<i>Дронова О. Б., Килинкарлова Е. С.</i> Нагрузка беспилотных летательных аппаратов как средства криминалистической техники: основные понятия и виды	93	<i>Dronova O. B., Kilinkarova E. S.</i> The load of unmanned aerial vehicles as a mean of forensic technology: basic concepts and types
<i>Замылин Е. И., Шевчук И. В.</i> Специфика формирования показаний опознающего (психология и наиболее устойчивые проявления психики)	103	<i>Zamylin E. I., Shevchuk I. V.</i> Specifics of testimony formation by identifier (psychology and most persistent manifestations of the psyche)
<i>Семененко Г. М., Бобовкин С. М., Базулина А. А.</i> Использование современных специализированных программных комплексов при производстве автотехнических экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений	113	<i>Semenenko G. M., Bobovkin S. M., Bazulina A. A.</i> Use of modern specialized software systems in the production of automotive technical expertise in the investigation of road transport crimes
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
<i>Васильченко Д. А.</i> Исторические явления XV—XVII веков, повлиявшие на развитие методики установления истины по совершенным противоправным деяниям	123	<i>Vasilchenko D. A.</i> Historical phenomena of the XV—XVII centuries, which influenced the development of the methodology of establishing the truth on committed illegal acts
<i>Семенчук В. В., Батоев В. Б.</i> Предпосылки формирования концепции развития оперативно-разыскной деятельности в цифровой сфере (часть 1)	132	<i>Semenchuk V. V., Batoev V. B.</i> Prerequisites for the formation of the concept of development of operational-investigative activity in the digital sphere (part 1)
Трибуна молодого ученого		WORD TO A YOUNG SCIENTIST
<i>Андреев Н. А.</i> Современные формы трансляции экстремистской идеологии в сети Интернет	137	<i>Andreev N. A.</i> Modern forms of broadcasting extremist ideology on the Internet
<i>Глазкова М. К.</i> Проблемы правового регулирования и охраны общественных отношений в сфере несостоятельности (банкротства) в России	144	<i>Glazkova M. K.</i> Problems of legal regulation and protection of public relations in the field of insolvency (bankruptcy) in Russia

Нагаев-Кочкин Ю. В.
Арест права требования при расследовании
уклонения от уплаты налогов

Шипков А. В.
О роли философских учений
в формировании гуманизма
в уголовном праве России

152 *Nagaev-Kochkin Yu. V.*
Arrest of the right of claim
in the tax evasion investigation

158 *Shipkov A. V.*
On the role of philosophical doctrines
in the formation of humanism
in the criminal law of Russia

УДК 343.359
doi: 10.25724/VAMVD.A151

**ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
ФИСКАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА
В СВЕТЕ ПОРУЧЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ¹**

Светлана Викторовна Шевелева*, Алексей Николаевич Цуканов**

* Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Decan46@yandex.ru

** Прокуратура Курской области, Курск, Россия, a.n.tsukanov@mail.ru

Аннотация. В конце 2022 — начале 2023 г. внесен ряд изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы России, нацеленных на снижение уголовно-правовых рисков необоснованного преследования. Данная статья посвящена отдельным изменениям уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сфере налоговых правоотношений на основе поручений Президента России. Дается оценка поправкам, внесенным в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в части вопросов возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям только по информации, направленной налоговыми органами в порядке ч. 3 ст. 32 Налогового кодекса Российской Федерации. На основе анализа материалов уголовных дел представлены уголовно-правовые риски, связанные с избирательным подходом правоохранительных и налоговых органов по выбору нормы Налогового кодекса Российской Федерации при передаче материалов для возбуждения уголовного дела. Представлены авторские аргументы в части необходимости изменения размеров ущерба или иных размерных признаков для целей квалификации преступлений экономической направленности.

Ключевые слова: налоговые преступления, возбуждение уголовного дела, фискальные интересы, уголовно-правовые риски

Для цитирования: Шевелева С. В., Цуканов А. Н. Трансформация уголовно-правовой охраны фискальных интересов государства в свете поручений Президента России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 9—15. doi: 10.25724/VAMVD.A151

**TRANSFORMATION OF CRIMINAL LAW PROTECTION
FISCAL INTERESTS OF THE STATE
IN THE LIGHT OF THE INSTRUCTIONS OF THE PRESIDENT OF RUSSIA**

Svetlana Victorovna Sheveleva*, Alexey Nikolaevich Tsukanov**

* Southwest State University, Kursk, Russia, Decan46@yandex.ru

** Prosecutor's Office of the Kursk Region, Kursk, Russia, a.n.tsukanov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to certain changes in criminal and criminal procedure legislation in the field of tax relations based on the Instructions of the President of Russia. An assessment is given of the amendments made to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the initiation of criminal proceedings on tax crimes only based on information sent by tax authorities in accordance with Part 3 of Article 32 of the Tax Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the materials of criminal cases, the criminal law risks associated with the selective approach of law enforcement and tax authorities in choosing the norms of the Tax Code of the Russian Federation when transferring materials for the initiation of criminal proceedings are presented. The author's arguments regarding the need to change the amount of damage or other dimensional features for the purposes of qualifying economic crimes are presented.

Keywords: tax crimes, initiation of criminal proceedings, fiscal interests, criminal risks

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2023 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-20200033)».

© Шевелева С. В., Цуканов А. Н., 2023

For citation: Sheveleva S. V., Tsukanov A. N. Transformation of criminal law protection fiscal interests of the state in the light of the instructions of the President of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—15, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A151

В условиях беспрецедентных санкций против Российской Федерации отечественная экономика показывает стабильные показатели роста, что было бы невозможно без грамотной фискальной политики. Выделяя шесть важных задач на 2023 г., Президент России В. Путин отметил, что государственные финансы России сохраняют устойчивость, а консолидированный бюджет исполнен с профицитом более чем в 1,5 млрд руб.¹ Проведена глубокая и качественная работа по цифровизации таможенных и налоговых органов, ведется работа по внедрению прозрачных и понятных для налогоплательщиков элементов администрирования. В то же время существенные изменения регулятивного законодательства требуют качественного изменения охранительного права, в первую очередь уголовного. Только в конце 2022 — начале 2023 г. внесен ряд изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы России, нацеленных на снижение уголовно-правовых рисков необоснованного преследования. Президентом России даны поручения о недопустимости уголовного преследования лиц, погасивших задолженность по налогам, о возможности возбуждения уголовного дела только по материалам проверки налоговой службы², полной или частичной декриминализации отдельных деяний в сфере предпринимательской деятельности (в том числе связанных с осуществлением предпринимательской деятельности без регистрации, лицензии или аккредитации), за совершение которых не предусмотрена или не применяется ответственность в виде лишения свободы³, пересмотре в сторону увеличения размеров неуплаченных фискальных платежей во внешнеэкономической сфере⁴. Данные поручения свидетельствуют о трансформации уголовно-правового противодействия в сфере налоговых правоотношений.

¹ Владимир Путин назвал шесть ключевых задач на 2023 год и объявил о новых решениях в социальной сфере и экономике // RG.RU: сайт. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 30.04.2023).

² Путин предложил изменения в наказании за экономические преступления // РИА Новости: сайт. 05.03.2022. URL: <https://ria.ru.html> (дата обращения: 03.01.2023).

³ Перечень поручений по итогам XXV Петербургского международного экономического форума. Пр-1269, п. 9а-1. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 03.01.2023).

⁴ Там же. П. 9б.

Часть поручений уже выполнена. Так, Федеральным законом от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ⁵ ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) дополнена пунктом 1.3, дословно воспроизводящим п. 1.1 этой же статьи, отмененной в 2014 г.: «Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198—199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела»⁶. В пояснительной записке указано, что данный законопроект разработан «в целях совершенствования правового регулирования вопросов возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях и преступлениях, связанных с осуществлением обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»⁷. Практические работники неоднозначно оценили данную новеллу. Сотрудники правоохранительных органов высказывали сомнение в целесообразности «реанимированных» положений УПК РФ, работники налоговых органов и прокуратуры указали, что подобный подход упорядочит межведомственное взаимодействие. Представители прокуратуры также отметили, что фактов возбуждения уголовного дела без материалов налоговой проверки (с 2015 по 2021 г.) в их практической деятельности не встречалось⁸. Полагаем, «опасения» отдельных ученых относительно возможности ухода от ответственности за налоговые

⁵ О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2022).

⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.10.2014).

⁷ О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: пояснительная записка к проекту федерального закона. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80928-8> (дата обращения 23.08.2022).

⁸ Опрос проводился среди сотрудников ФНС России по курской области, прокуратуры Курской области, МВД России по Курской области. Всего опрошено около 200 человек.

преступления только в силу отсутствия материалов налоговой проверки имеют гипотетический характер. Межведомственное взаимодействие предполагает обоюдное информирование¹. Так, «органами прокуратуры Российской Федерации поступившие заявления, сообщения и иная информация, содержащие сведения о признаках налоговых правонарушений, направляются в территориальные органы ФНС России. Проверка таких сведений органами прокуратуры берется на контроль»².

Тем не менее адвокаты предлагают «не терять бдительность» [1]. В соответствии с действующей Инструкцией по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями³, налоговые органы обязаны информировать Следственный комитет Российской Федерации (СК РФ) об обращении налогоплательщика в суд с заявлением о признании решения налогового органа недействительным, о принятых судом обеспечительных мерах в форме приостановления действия решения налогового органа в соответствии со ст. 101 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), что не является препятствием для возбуждения уголовного дела. Уголовно-процессуальная новелла (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ) препятствует использованию следователем результатов оперативно-разыскной деятельности (ОРД) до получения материалов налоговой проверки. Однако в рамках взаимодействия (ч. 3 ст. 82 НК РФ) результаты ОРД могут быть использованы налоговыми органами при проведении своей проверки.

Отчасти опасения правозащитников оправдались. Дело в том, что процедура передачи материалов для возбуждения уголовного дела регламентирована ч. 3 ст. 32 НК РФ, которая также была подвергнута трансформации в 2022 г⁴. В соответствии

с указанной нормой, если в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за налоговое правонарушение денежные средства не будут перечислены в полном объеме, налоговые органы обязаны направить материалы в следственные органы.

В то же время в соответствии с ч. 3 ст. 82 НК РФ налоговые и правоохранительные органы осуществляют межведомственное взаимодействие по обмену информацией, свидетельствующей о признаках налогового преступления. Данная норма не предусматривает ни порядка, ни сроков направления таких материалов следственным органам.

Так, ФНС по Новгородской области вынесла решение в отношении ООО о доначислении более 6 млн руб. по НДС, пеням и штрафам. В соответствии с п. 3 ст. 82 НК РФ материалы налоговой проверки были направлены в СУ СК РФ по Новгородской области. Не соглашаясь с подобным решением, ООО, обжалуя его в суде, указало: «...Управление не имело правовых оснований для направления материалов выездной налоговой проверки в следственные органы, в том числе для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, поскольку не наступили условия, предусмотренные пунктом 3 статьи 32 НК РФ»⁵. Ни суд первой инстанции, ни апелляционная коллегия искивые требования ООО не удовлетворила, сославшись на Соглашение о взаимодействии между Следственным комитетом Российской Федерации и Федеральной налоговой службой от 13 февраля 2012 г. № 101-162-12/ММВ-27-2/3, указав: «В материалах дела усматривается, что основанием для направления копий материалов выездной налоговой проверки в следственные органы явилось наличие у налогового органа информации, свидетельствующей о выявленных при проверке нарушениях обществом законодательства о налогах и сборах»⁶. В итоге уголовное дело было возбуждено до выполнения сроков, предусмотренных ч. 3 ст. 32 НК РФ, поскольку «...как верно установил суд первой инстанции, направлено в порядке информирования, установленном в пункте 3 статьи 82 НК РФ, на основании Соглашения, а не на основании пункта 3 статьи 32 НК РФ»⁷.

¹ См.: Кассационное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 22 ноября 2010 г. № 22-14998. Доступ из информ.-правового портала «Гарант»; Кассационное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 13 апреля 2011 г. № 22-4444. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

² Об утверждении Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями: приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 8 июня 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

⁴ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации 2022. № 29. Ч. II. Ст. 5230.

⁵ Решение Арбитражного суда Новгородской области № А44-4876/2022 от 3 октября 2022 г. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

⁶ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда № 14АП-9777/2022 от 22 декабря 2022 г. по делу № А44-4876/2022. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

⁷ Там же.

В другом уголовном деле, возбужденном также в нарушение положений ч. 3 ст. 32 НК РФ, но на основании ч. 3 ст. 82 НК РФ, ГСУ СК России по г. Москве указало: «...в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует ссылка, согласно которой... материалы направляются налоговым органом в следственные органы исключительно в порядке ч. 3 ст. 32 НК РФ... Вместе с тем налоговые органы в порядке осуществления функций налогового контроля в соответствии с ч. 3 ст. 82 НК РФ также наделены полномочиями по направлению в следственные органы материалов, свидетельствующих о совершении преступлений, предусмотренных ст. 198—199.2 УК РФ»¹. Как видно, «избирательный» подход по выбору нормативного основания направления материалов налоговой проверки для возбуждения уголовного дела имеет место. *Очевидно, в духе дальнейшей гуманизации необходимо предусмотреть, что межведомственное взаимодействие в порядке ч. 3 ст. 82 НК РФ невозможно по налоговым преступлениям.* В Курской области такое взаимодействие налажено по признакам мошенничества, связанного с возмещением НДС.

Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ во исполнение поручений Президента Российской Федерации внесены изменения в ст. 198—199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Налоговые преступления теперь относятся к категории небольшой или средней тяжести, что, соответственно, влияет на сроки давности. В целях совершенствования порядка возбуждения уголовных дел о рассматриваемой группе преступлений внесены изменения в ст. 24, 144, 148 УПК РФ. Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное должно быть прекращено, если лицо погасило полностью недоимку по налогам и страховым сборам. Целью указанных изменений было «...снижение негативных последствий для российской экономики в современных условиях и для либерализации уголовной ответственности за ряд преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и иных обязательных платежей»². Данные

изменения в целом следует оценить положительно. Действительно, существовала порочная практика, когда налогоплательщик, погасивший свою задолженность, оставался в статусе подозреваемого или обвиняемого со всеми вытекающими последствиями в виде применения меры пресечения, обеспечительных мер и т. д. Прекращение уголовного дела происходило на стадии судебного разбирательства. Что касается снижения санкций по налоговым преступлениям, то риск здесь видится в том, что, ввиду длительности налоговых проверок и иных процессуальных мероприятий, уголовное преследование будет прекращаться по нереабилитирующим обстоятельствам — истечению сроков давности, и взыскание недоимки по фискальным платежам будет осуществляться в рамках гражданского судопроизводства.

Относительно поручения Президента РФ о полной или частичной декриминализации отдельных деяний в сфере предпринимательской деятельности (в том числе связанных с осуществлением предпринимательской деятельности без регистрации, лицензии или аккредитации), за совершение которых не предусмотрена или не применяется ответственность в виде лишения свободы, сложилась неоднозначная ситуация. Федеральным законом от 21 апреля 2023 г. расширен перечень преступлений в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ³. От уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба могут быть освобождены лица за деяния, совершенные в **особо крупном размере**: за присвоение авторства (п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РФ), причинение ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ), незаконное предпринимательство (п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ), незаконную банковскую деятельность (п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ), ограничение конкуренции (п. «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ), использование инсайдерской информации (ст. 185.6 УК РФ), репатриацию денежных средств (п. «а» ч. 2 ст. 193 УК РФ). Казалось бы, указанные новеллы можно было бы оценить как некое смягчение уголовно-правовых механизмов в отдельных направлениях экономической деятельности. Но в пояснительной записке указано: «Это даст возможность обеспечить защищенность прав граждан, а также повысить поступление компенсационных средств

¹ Письмо ГСУ СК России по г. Москве от 17 августа 2022 г. № 216/3-25-22 (77юлск-3403). Цит. по: Матюнин О. Либерализация порядка уголовного преследования за налоговые преступления: особенности начала и проведения предварительного расследования. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: законопроект № 301951-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/301951-8> (дата обращения: 30.04.2023).

³ О внесении изменений в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14 апреля 2023 г. № 116-ФЗ // Российская газета. 2023. 17 апр.

в федеральный бюджет»¹. Авторы законопроекта считают, что расширение норм, позволяющих освободить от уголовной ответственности при условии возмещения в двукратном размере причиненного преступлением вреда улучшит деловой климат². Если исходить из того обстоятельства, что деловой климат и защищенность граждан могут быть улучшены отсутствием страха у предпринимателей перед уголовным законом, то допустимо предположить достижение указанной цели. Что касается повышения поступления компенсационных средств, здесь ситуация несколько иная. Часть 2 ст. 76.1 УК РФ не получила широкого распространения в практике. Например, по ч. 2 ст. 146 УК РФ в 2022 г. было осуждено 15 человек, 12 из них было назначено наказание в виде штрафа, общая сумма которого составила 312 тыс. руб., 11 человек были освобождены от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, сумма которого составила 195 тыс. руб. За все преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19 УК РФ) положения ст. 76.1 УК РФ применены лишь в отношении одного человека³.

В 2022 г. зарегистрировано 145 преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ, за незаконное предпринимательство привлечено к уголовной ответственности 272 человека⁴. 111 осужденным назначено наказание в виде штрафа, общая сумма которого составила 24 735 тыс. руб. 52 человека освобождены от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, сумма которого составила 4 127 тыс. руб.⁵ Ни один человек не освобожден

от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба⁶.

Полагаем, ст. 76.1 УК РФ следует считать «специальной» нормой по отношению к ст. 76.2 УК РФ. Иными словами, если суд придет к выводу о возможности освобождения лица от уголовной ответственности, то выбор основания должен строиться по следующему алгоритму: *если норма Особой части УК РФ в ст. 76.1 УК РФ не указана, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, т. е. по правилам ст. 76.2 УК РФ.*

Отдельного внимания заслуживает поручение Президента РФ, касающееся увеличения порогов значительного, крупного и особо крупного размеров ущерба или иных размерных признаков для целей квалификации преступлений экономической направленности (ПР-1269, п. 9б). В настоящее время на обсуждении в Государственной Думе РФ находится законопроект⁷, согласно которому предлагается повышение размеров крупного и особо крупного размеров ущерба, причиненного бюджету государства по налоговым преступлениям (табл.).

Таблица

Предлагаемые размеры ущерба по налоговым преступлениям

Статья УК	Крупный ущерб по действующему законодательству	Предлагаемый крупный ущерб	Особо крупный ущерб по действующему законодательству	Предлагаемый особо крупный ущерб
199	15,0 млн	35 млн	45 млн	100 млн
199.1	15,0 млн	35 млн	45 млн	100 млн
199.3	1,8 млн	4 млн	9 млн	20 млн
199.4	6,0 млн	13 млн	13 млн	67 млн

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 142292-8. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/lawmaking/> (дата обращения: 30.05.2023).

² Там же.

³ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=>. (дата обращения: 04.06.2023).

⁴ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 04.06.2023).

⁵ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=>. (дата обращения: 04.06.2023).

⁶ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=>. (дата обращения: 04.06.2023).

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части увеличения порогов значительного, крупного и особо крупного размеров ущерба для целей квалификации преступлений в сфере экономической деятельности): законопроект № 327269-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8> (дата обращения: 30.05.2023).

Авторы законопроекта обосновывают свою позицию ростом уровня инфляции в России («...в 2019 году... 3 %, в 2020 году — 4,9 %, в 2021 году — 8,4 %, в 2022 году, по прогнозам Банка России, инфляция достигнет беспрецедентного уровня и составит 18—23 %»¹), длительным отсутствием индексации размера ущерба преступной деятельности в сфере экономики («...последняя индексация сумм по статьям 199, 199.1, 199.2 и 199.4 была в 2011 году (+122 %)»²), «серьезными испытаниями на устойчивость», выпавшими на долю предпринимателей³. В официальном отзыве Правительства РФ предлагаемые изменения подвергнуты критике, так как размеры по ст. 199, 199.1 УК РФ повышались в 2016 г.⁴, ст. 199.3, 199.4 УК РФ были введены лишь в 2017 г.⁵, «...и осужденных лиц по ним не было, что обусловлено, в частности, высокими пороговыми значениями сумм страховых взносов, установленных примечаниями к указанным статьям»⁶. Кроме того, Правительство РФ считает, что изменения в УПК РФ (о которых мы указывали выше) достаточны, чтобы сократить количество возбуждаемых уголовных дел о налоговых преступлениях. В заключении Правового управления указана некая «выборочность» норм, где предлагается индексировать размер причиненного ущерба⁷. Комитет Государственной Думы по государствен-

ному строительству и законодательству указал, что в 2020 г. из налоговых преступлений была «...исключена возможность исчисления суммы налогов (сборов) в относительных величинах (долях в процентах), и фактически пороги крупного и особо крупного размеров были увеличены»⁸.

Стоит отметить, что в поручении Президента РФ говорится о необходимости увеличения порогов значительного, крупного и особо крупного размеров ущерба или иных размерных признаков по экономическим преступлениям без привязки к конкретным составам. Исключением является ст. 194 УК РФ. Однако именно данный состав преступления оказался вне внимания законотворцев, тогда как действительно крупный и особо крупный размеры при уклонении от уплаты таможенных платежей не индексировались с 2016 г., а инфляция за этот период составила 50 %. Если вспомнить первоначальную редакцию УК РФ, то размер причиненного ущерба по налоговым (ст. 198, 199 УК РФ) и таможенным (ст. 194 УК РФ) преступлениям был одинаковым. Дальнейшие корреляции с крупным и особо крупным ущербом в ст. 194 УК РФ нельзя признать удачными [2]. Полагаем, существующий «разрыв» в размере ущерба, причиненного бюджету государства (ст. 194, 198 и 199 УК РФ), необходимо исключить, размер причиненного ущерба фискальным интересам государства во внешнеэкономической сфере должен быть идентичен размеру ущерба, причиненного фискальным интересам России во внутриэкономической сфере.

В связи с изменением регулятивного законодательства с 1 января 2023 г. — слияние Пенсионного фонда и Фонда социального страхования, изменение подходов в расчете и взимании налогов и иных обязательных платежей (повсеместное введение единого налогового платежа) — теряется необходимость в существовании ст. 199.3, 199.4 УК РФ, так как взносы на профтравматизм «растворяются» в общей массе обязательных публичных платежей, а налогоплательщик будет подавать информацию по единой форме, где такие взносы будут консолидированы с иными платежами.

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 327269-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8> (дата обращения: 30.05.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

⁶ Официальный отзыв Правительства РФ от 30 марта 2023 г. № 470-П4 на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вносимый депутатами Государственной Думы А. В. Деминим, А. Г. Нечаевым, В. А. Даванковым. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

⁷ Заключение на проект федерального закона № 327269-8 от 12.05.2023 № вн2.2-1/2229 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы А. Г. Нечаевым, В. А. Даванковым, А. В. Деминим. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

⁸ Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 327269-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части увеличения порогов значительного, крупного и особо крупного размеров ущерба для целей квалификации преступлений в сфере экономической деятельности). Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

1. Павлов Р. Порядок возбуждения уголовных дел по налоговым составам изменился // Адвокатская газета. 2022. 1—15 мая. № 9.

2. Цуканов А. Н. Формирование современного уголовного законодательства по охране фискальных интересов России во внешнеэкономической деятельности // Юго-Западный юридический форум: сб. науч. тр. Юго-Западного юридического форума. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2021. С. 545—550.

Шевелева Светлана Викторовна,
декан юридического факультета
Юго-западного государственного университета,
доктор юридических наук, профессор;
Decan46@yandex.ru

Цуканов Алексей Николаевич,
прокурор Курской области
a.n.tsukanov@mail.ru

1. Pavlov R. The procedure for initiating criminal cases on tax structures has changed. Advocate newspaper, 2022. (In Russ.).

2. Tsukanov A. N. Formation of modern criminal legislation on the protection of Russia's fiscal interests in foreign economic activity. In: South-Western Legal Forum. Collection of scientific works of the South-Western legal forum. Kursk: Southwest State University; 2021: 545—550. (In Russ.).

Sheveleva Svetlana Victorovna,
dean of the faculty of law
of Southwest State University,
doctor of juridical sciences, professor;
Decan46@yandex.ru

Tsukanov Alexey Nikolaevich,
prosecutor of the Kursk region;
a.n.tsukanov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 04.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 26.06.2023; approved after reviewing 04.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.343.5

doi: 10.25724/VAMVD.A152

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ
И АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ
В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ**

Максим Геннадьевич Жилкин

Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
Zmax71@mail.ru

Аннотация. В связи с объявленной в Российской Федерации 21 сентября 2022 г. частичной мобилизацией и последовавшими за этим изменениями уголовного законодательства актуализировались вопросы уголовно-правовой оценки поведения лица, уклоняющегося от призыва по мобилизации. В статье на основе анализа действующего военно-мобилизационного законодательства, доктринальных позиций, правовых позиций высшей судебной инстанции и судебной практики выявлена проблема отсутствия должного уголовно-правового реагирования на случаи уклонения от призыва по мобилизации. Установлены причины такой ситуации и представлена позиция автора по означенной проблеме. Исследован вопрос об особенностях применения уголовного законодательства в особые периоды и сделан вывод о том, что действующий в России период мобилизации предопределяет необходимость учета данного обстоятельства в качестве отягчающего уголовную ответственность в силу повышенной общественной опасности таких деяний. Обращено внимание на необходимость разработки уголовного законодательства военного времени.

Ключевые слова: военное время, мобилизация, уклонение от призыва, уголовная ответственность, отягчающие обстоятельства

Для цитирования: Жилкин М. Г. Проблемы уголовной ответственности за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы в период мобилизации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 16—24. doi: 10.25724/VAMVD.A152

**PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR EVASION
FROM MILITARY AND ALTERNATIVE CIVIL SERVICE
DURING THE MOBILIZATION PERIOD**

Maxim Gennadievich Zhilkin

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, Zmax71@mail.ru

Abstract. In connection with the partial mobilization announced in the Russian Federation on September 21, 2022 and the subsequent changes in criminal legislation, the issues of criminal legal assessment of the behavior of a person evading the call for mobilization were updated. Based on the analysis of the current military mobilization legislation, doctrinal positions, legal positions of the highest judicial instance and judicial practice, the article reveals the problem of the lack of proper criminal law response to cases of evasion of conscription. The reasons for this situation are established and the author's position on this problem is presented. The question of the peculiarities of the application of criminal legislation in special periods is investigated, and it is concluded that the current mobilization period in Russia determines the need to take into account this circumstance as aggravating criminal liability due to the increased public danger of such acts. Attention is drawn to the need to develop criminal legislation of wartime.

Keywords: wartime, mobilization, draft evasion, criminal liability, aggravating circumstances

For citation: Zhilkin M. G. Problems of criminal liability for evasion from military and alternative civil service during the mobilization period. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 16—24, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A152

Часть первая статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусматривает ответственность за уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, по ч. 1 ст. 328 УК РФ было осуждено в 2018 г. — 624, в 2019 г. — 597, в 2020 г. — 554, в 2021 г. — 928, в 2022 г. — 1 121 человек. В свою очередь, число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по данной норме, составило в 2018 г. — 153, в 2019 г. — 171, в 2020 г. — 314, в 2021 г. — 141, в 2022 г. — 60 человек. Таким образом, мы наблюдаем, с одной стороны, тенденцию к двукратному увеличению числа осужденных по данной норме в последние два года по сравнению с предыдущими периодами, а с другой — резкое снижение числа прекращенных уголовных дел¹. Представляется, что такая ситуация напрямую связана с проведением специальной военной операции (далее — СВО) и последующими за 24 февраля 2022 г. событиями. По информации одного из самых цитируемых в СМИ российских интернет-ресурсов — мультимедийного холдинга РБК, в период с 1 мая по 20 сентября 2022 г. в России зафиксирован десятилетний максимум, а в последующем резкое прекращение поступления в суды уголовных дел об уклонении от военного призыва².

21 сентября 2022 г. в Российской Федерации объявлена частичная мобилизация, в соответствии с которой осуществляется призыв граждан Российской Федерации на военную службу в Вооруженные Силы Российской Федерации³. 24 сентября 2022 г. в ряд статей гл. 33 УК РФ введен новый квалифицирующий признак — совершение деяния «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий»⁴ (далее — особые периоды) с повышением за такие деяния

верхнего предела наказания в виде лишения свободы в два раза. Одновременно аналогичный признак в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, был введен в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Таким образом, законодатель установил повышенную уголовную ответственность за преступления, совершаемые, в том числе, в период мобилизации.

Процесс призыва по мобилизации оказался осложнен тем обстоятельством, что отдельные граждане, получившие предписание или повестку о явке на место сбора по призыву, стали уклоняться от данной обязанности различными способами. Широкую огласку в СМИ получил случай, произошедший в Пензенской области, когда в отношении лица, отказавшегося принять повестку о призыве по мобилизации, вначале было возбуждено дело по ч. 1 ст. 328 УК РФ за уклонение от призыва на военную службу⁵, а затем постановление следователя о возбуждении уголовного дела было отменено прокурором с правом лица на реабилитацию и компенсацию вреда, причиненного 48-часовым задержанием⁶. Основанием для такого решения, по информации, опубликованной в СМИ, явилось разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации о субъекте преступления в ч. 1 ст. 328 УК РФ⁷.

Данная ситуация выявила противоречие уголовного и иного законодательства, связанного с военной службой и мобилизацией, а также правовыми позициями высшей судебной инстанции.

В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ «О воинской обязанности»⁸, в период мобилизации, при военном положении и в военное время воинская обязанность граждан предусматривает призыв на военную службу. А часть 1 ст. 21 ФЗ «О мобилизации»⁹ гласит, что при объявлении мобилизации

⁵ URL: <https://penza.sledcom.ru/news/item/1728992/> (дата обращения: 25.05.2023).

⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5605497> (дата обращения: 25.05.2023).

⁷ О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 (ред. от 23.12.2010). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее — ППВС № 3.

⁸ О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее — ФЗ «О воинской обязанности».

⁹ О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федер. закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ (ред. от 04.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее — ФЗ «О мобилизации».

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики. URL: <http://www.cddep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 25.05.2023).

² URL: <https://www.rbc.ru/society/02/10/2022/631b76ff9a7947b437fcf810> (дата обращения: 25.05.2023).

³ Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее — Указ № 647.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее — № 365-ФЗ.

граждане, подлежащие призыву на военную службу, обязаны явиться на сборные пункты в сроки, указанные в мобилизационных предписаниях, повестках и распоряжениях военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас.

Вместе с тем ч. 1 ст. 328 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за уклонение от призыва на военную службу только при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы. Одним из таких оснований, как указано в п. «б» ч. 1 ст. 23 ФЗ «О воинской обязанности», является прохождение гражданином военной службы в Российской Федерации. Такой подход находит подтверждение и в п. 2 ППВС № 3, где в последней редакции указывается, что субъектом данного преступления являются «граждане мужского пола, достигшие установленного законом возраста, с которого они подлежат призыву на военную службу, состоящие или обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе, подлежащие в установленном законом порядке призыву на военную службу»¹.

С другой стороны, ч. 2 ст. 1 ФЗ «О воинской обязанности» говорит о том, что в период мобилизации, в период военного положения и в военное время воинская обязанность граждан определяется федеральными конституционными законами, федеральными законами, иными нормативными актами и также предусматривает призыв на военную службу по мобилизации, в период военного положения и в военное время. А в соответствии со ст. 17 ФЗ «О мобилизации» призыву на военную службу по мобилизации подлежат граждане, пребывающие в запасе, не имеющие права на отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации, за исключением лиц, имеющих судимость за отдельные преступления, перечень которых определен в законе.

Таким образом, системное толкование ФЗ «О воинской обязанности» и ФЗ «О мобилизации» однозначно констатирует обязанность гражданина, призванного на военную службу в период мобилизации, прибыть на место сбора по врученной ему повестке или выданному предписанию. Вместе с тем ч. 3

ст. 10 ФЗ «О мобилизации» устанавливает ответственность граждан за неисполнение своих обязанностей в области мобилизационной подготовки и мобилизации. То обстоятельство, что закон не уточняет вид ответственности, не исключает возможности привлечения правонарушителя как к административной, так и к уголовной ответственности.

Есть мнение, что ст. 328 УК РФ вовсе не распространяется на случаи призыва по мобилизации, так как это самостоятельный вид военной службы. Такой подход справедливо критикуется специалистами, которые полагают, что неоднократная неявка по повестке в военкомат в период мобилизации лица, находящегося в запасе, без уважительных причин составляет признаки преступления, предусмотренного ст. 328 УК РФ². Однако, как следует из ППВС № 3, уклонение от этой обязанности не является преступлением, если речь идет о лице, достигшем предельного возраста призыва на военную службу либо уже прошедшем военную службу по призыву. Так преступно ли фактическое уклонение от мобилизации?

Представляется, что законодатель, формулируя норму ст. 328 УК РФ, вообще не представлял себе даже гипотетической возможности ситуации, возникшей в России после 21 сентября 2022 г. В то же время ППВС № 3, принятый в 2008 г., вряд ли может служить надежным ориентиром в разрешении ситуации, связанной с уклонением от призыва по мобилизации. В условиях, когда последняя мобилизация в России объявлялась больше 80 лет назад, конечно же, правоприменение не могло сформировать хоть какую-нибудь практику в этом направлении за отсутствием таких событий. Поэтому сегодня нужно ориентироваться в этой части не на ППВС № 3, а на закон, в котором, как кажется, все однозначно прописано. Примечательно, что обновленная редакция ППВС № 3 от 18 мая 2023 г. также данный вопрос обходит и, по сути, подтверждает свою позицию 15-летней давности — ответственность за уклонение от призыва на граждан, призванных по мобилизации, не распространяется.

18 мая 2023 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление по вопросам применения судами военно-уголовного законо-

¹ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Мамров Ф. Уклонение от мобилизации: ответственность есть, а «статьи» нет?! // Адвокатская газета. 2023. 16—31 мая. № 10 (387). URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/uklonenie-ot-mobilizatsii-otvetstvennost-est-a-statii-net/> (дата обращения: 25.05.2023).

дательства Российской Федерации¹, в котором, в частности, разъяснил, что правоотношения, возникающие в связи с прохождением военной службы, а именно призыв на военную службу и призыв на военную службу по мобилизации или добровольное поступление на нее, имеют различные правовые основания (п. 7). Пленум при этом указал, что «прохождение военной службы по призыву является одной из форм исполнения воинской обязанности, а прохождение военной службы в добровольном порядке (по контракту) является исполнением конституционного долга по защите Отечества путем добровольного поступления на военную службу». Открытым остается вопрос: а призыв на военную службу по мобилизации это обязанность или добровольное волеизъявление? Пленум, хотя и указал на два вида призыва, но не разъяснил, в чем их отличие с точки зрения правовых последствий неисполнения обязанностей по призыву. Хотя вопрос этот явно риторический — военнообязанный *обязан* выполнить предписанные требования по призыву, а за неисполнение этой обязанности должна следовать ответственность. К тому же, и трудовое законодательство разграничивает понятия «прохождение указанным лицом военной службы по мобилизации» и «прохождение военной службы по контракту»², тем самым подчеркивая разную правовую природу возникновения данных правоотношений. Военная служба по мобилизации возникает в рамках обязанности, а уже затем может перерасти в добровольные отношения в случае заключения мобилизованным гражданином контракта о прохождении службы.

Как видится, невнятная правовая позиция Верховного Суда предопределяется полным отсутствием правоприменительной практики в данном направлении. Так, проведенный автором мониторинг архивных судебных решений по всем субъектам Российской Федерации и СПС «КонсультантПлюс» (Консультант Юрист: Версия Проф) не позволил выявить ни одного приговора об уклонении от призыва на военную службу по мобилизации. Вместе с тем в процессе мониторинга архивов судов общей юрисдикции установлена интересная тенденция,

когда суды по иску прокурора признают информацию по избеганию мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено, ссылаясь на то, что за уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы предусмотрена уголовная ответственность по ч. 1 ст. 328 УК РФ³. На наш взгляд, наблюдаемое противоречие между судебной позицией не привлекать к уголовной ответственности за уклонение от призыва по мобилизации и в то же время признавать информацию о методах уклонения от прохождения военной службы по призыву и мобилизации, размещенную в сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено на основании наличия уголовной ответственности за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы, является очевидным.

Представляется, что заниженная оценка общественной опасности уклонения от военной службы по призыву во многом обусловлена тем, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 328 УК РФ, относится к категории небольшой тяжести с установленным максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до двух лет. Анализ судебных решений показал, что суды в подавляющем большинстве случаев в качестве наказания избирают штраф в размере от пяти до ста пятидесяти тысяч рублей либо — существенно реже — лишение свободы до полутора лет, которое фактически не отбывается, а назначается условно. Таким образом, суды подтверждают позицию о том, что анализируемое преступление характеризуется наименьшей общественной опасностью по сравнению с другими преступлениями. Такое положение дел подвигает отдельных авторов делать вывод о возможности декриминализации преступления, предусмотренного ст. 328 УК РФ [1].

В то же время ППВС № 11 в п. 2 постановляет, что «преступления против военной службы, совершенные в особые периоды, характеризуются повышенной общественной опасностью». В третьем абзаце этого пункта постановления определяется, что «периоды мобилизации (общей и частичной)

¹ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее — ППВС № 11.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023). Ст. 351.7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Решение Ковровского городского суда Владимирской области от 25 ноября 2022 г. по делу № 2а-3416/2022; Решение Кольчугинского городского суда Владимирской области от 12 декабря 2022 г. по делу № 2а-916/2022; Решение Благовещенского городского суда Амурской области от 20 декабря 2022 г. № 2а-8873/2022~М-8775/2022.

или военного положения (вводимого на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях) начинаются с даты и времени начала действия мобилизации (военного положения), которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации об объявлении мобилизации (о введении военного положения), и заканчиваются датой и временем отмены (прекращения действия) мобилизации (военного положения)».

Указ № 647 устанавливает дату начала частичной мобилизации — день объявления указа, но не называет срок ее окончания. В связи с этим совершенно очевидно, что с 21 сентября 2022 г. в Российской Федерации начался и продолжается в настоящее время период мобилизации. То обстоятельство, что объявлена частичная, а не общая мобилизация, ничего не меняет, так как никаких специальных норм на этот счет законом не предусмотрено. Основное отличие общей и частичной мобилизации связано с ограничением количества граждан, призываемых в рамках мобилизации. Однако это количество никаким нормативным актом не определено, поэтому конструкция формы частичной мобилизации, заложенная в вышеназванном Указе Президента Российской Федерации, дает возможность осуществлять мобилизационные мероприятия периодически вплоть до полного исчерпания мобилизационных резервов [2].

Повышение мобилизационной готовности в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации является, согласно действующей Военной доктрине, приоритетным направлением военной политики российского государства¹. Таким образом, даже если уклонение от военной службы в мирное время не представляет большой общественной опасности (что является спорным утверждением), то это же деяние, совершенное в период мобилизации, во время которой экономика, государственное и военное управление переводится на работу в условиях военного времени, приобретает совершенно иной характер. Граждане, уклоняющиеся от обязанности по мобилизации, ставят под угрозу не только достижение количественных целей призыва, но и безопасность, и суверенитет нашей страны. Каждый мужчина, не явившийся на пункт сбора или в военкомат, — это прореха в оборонительных порядках наших вооруженных сил. Не случайно ведь призывники-срочники в зону проведения СВО не направляются, в связи с чем на моби-

лизованных ложится основная ноша ответственности за судьбы Родины на переднем рубеже военного противостояния.

С 19 октября 2022 г. на территориях четырех вновь образованных субъектов Российской Федерации введено военное положение², а еще в восьми субъектах установлен средний уровень реагирования, в рамках которого проводятся мобилизационные мероприятия в различных сферах³. На остальных территориях Российской Федерации введены более низкие уровни готовности, которые, тем не менее, предполагают проведение дополнительных охранных, режимных, ограничительных и контрольных мероприятий⁴.

С учетом того, что на территориях Российской Федерации в условиях вооруженного конфликта с сопредельным государством ведутся боевые, а фактически военные действия, а также ввиду введения на ряде территорий военного положения и проведения мобилизационных мероприятий на остальной территории страны, необходимо учитывать эти факторы как отягчающие ответственность и наказание обстоятельства. В частности, на наш взгляд, уклонение от военной службы в настоящий период должно быть отягчено обстоятельством, указанным в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ. То обстоятельство, что пока зоной боестолкновений являются отдельные регионы страны, еще не свидетельствует о том, что военные действия не приобретут более широкий охват.

Однако анализ судебной практики показал, что ни в одном случае уклонение от военной службы, совершенное в особые периоды, не рассматривалось судами в качестве отягчающего обстоятельства. К примеру, рассматривая уголовное дело по обвинению гражданина А. в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 328 УК РФ, совершенном в период проведения призывной кампании в ноябре — декабре 2022 г., Отрадненский районный суд Краснодарского края указал, что обстоятельств, отягчающих наказание подсудимому,

² О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756: указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее — указ № 757.

⁴ Там же.

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не установлено¹. Заметим, что преступление совершено в Краснодарском крае, где, в соответствии с Указом № 757, органам власти предписано проведение мобилизационных мероприятий. В других регионах также данное обстоятельство не учитывается в качестве отягчающего наказания для осужденных².

Как видно, суды заняли позицию не применять данное отягчающее обстоятельство, опираясь не на закон, а на собственное понимание сложившейся в России ситуации, по их представлению — ситуации мирного времени. Мониторинг судебных решений по уголовным делам различных категорий на предмет рассмотрения возможности применения судами рассматриваемого отягчающего обстоятельства проявил фактическое игнорирование данного положения уголовного законодательства. В тех редких случаях, когда в предъявленном органами следствия обвинении все же данное отягчающее наказание обстоятельство указывалось (всего 8 дел, рассмотренных судами по фактам совершения общеуголовных и военных преступлений после 24 сентября 2022 г.), суды не находили возможности применять его, мотивируя свое решение следующим:

1) «в судебном заседании не установлено влияния проведения частичной мобилизации, или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий на совершение подсудимым С. преступления»³;

2) «суд исключает из объема предъявленного обвинения совершение преступления в период военного положения, в военное время, либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, поскольку доказательств, подтверждающих данные обстоятельства, стороной обвинения не представлено»⁴;

3) «суд, с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности подсудимых, не находит оснований для признания вышеуказанных обстоятельств в качестве отягчающих наказание, поскольку в ходе судебного следствия не установлено данное обстоятельство»⁵;

4) «сам по себе факт действия в период инкриминируемого преступления на территории Российской Федерации (в том числе Мариинского района Кемеровской области — Кузбассе) режима мобилизации не может безусловно признаваться обстоятельством, отягчающим ему наказание. В обвинительном заключении вопрос о влиянии данного режима на преступные действия Б. не описан, режим военного положения на территории Российской Федерации в период инкриминируемого деяния не объявлялся»⁶;

5) «суду не представлено достоверных данных о том, что преступление, совершенное подсудимым, каким-либо образом имеет отношение к мероприятиям по частичной мобилизации, и на территории, на которой совершено преступление, военного положения не объявлено, вооруженного конфликта не имеется, боевые действия не ведутся»⁷;

6) «поскольку чрезвычайное и военное положение на территории <адрес> в <данные изъяты> года не вводилось»⁸.

Как видно, суды, исключая возможность применения п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в совершенно разных ситуациях исходят из двух обстоятельств. Во-первых, на конкретной территории особых режимов не вводилось, вооруженного конфликта не имеется, боевые действия не ведутся, а во-вторых, в обвинении не описано влияние режима мобилизации на совершенное лицом преступление.

⁵ Обвинительный приговор по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража) Канского городского суда Красноярского края от 22 февраля 2023 г. по делу № 1-149/2023.

⁶ Обвинительный приговор по ч. 1 ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти) Мариинского городского суда Кемеровской области от 30 марта 2023 г. по делу № 1-80/2023.

⁷ Обвинительный приговор по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража) Инзенского районного суда Ульяновской области от 7 февраля 2023 г. по делу № 1-1-11/2023; обвинительный приговор по ч. 2 ст. 3141 УК РФ (уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом ограничений) Инзенского районного суда Ульяновской области от 24 января 2023 г. по делу № 1-1-10/2023.

⁸ Обвинительный приговор по ст. 318 УК РФ, применение насилия в отношении представителя власти) Чистопольского городского суда Республики Татарстан от 24 ноября 2022 г. по делу № 1-358/2022.

¹ Приговор Отрадненского районного суда Краснодарского края от 7 апреля 2023 г. по делу № 1-72/2023.

² Приговор Мысковского городского суда Кемеровской области от 19 апреля 2023 г. по делу № 1-102/2023.

³ Обвинительный приговор по ч. 2 ст. 350 УК РФ (нарушение правил вождения или эксплуатации машин) Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 3 марта 2023 г. по делу № 1-21/2023; обвинительный приговор по ч. 1 ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...) Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 9 февраля 2023 г. по делу № 1-20/2023.

⁴ Обвинительный приговор по ч. 4 ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части или места службы) Читинского гарнизонного военного суда от 27 марта 2023 г. по делу № 1-24/2023.

Нужно сказать, что в первом случае суды следуют сложившейся судебной практике, которая увязывает применение п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ именно с официальным введением соответствующего особого режима на определенной территории¹. Однако если режимы чрезвычайного или военного положения действительно вводятся правовыми актами на определенной территории, то ситуация вооруженного конфликта, ведение военных или боевых действий — это обстановка, возникающая объективно, вне зависимости от введения особого режима, о чем и разъяснено в п. 2 ППВС № 11. А период мобилизации и вовсе связан лишь с промежуток времени от ее объявления и до завершения (правда, в приговоре слово «период» заменено словом «режим», что не соответствует закону). Как мы показали выше, именно такой период действует сейчас на территории Российской Федерации, что суды, в общем-то, и не отрицают, но, следуя сложившейся практике², ссылаются на то обстоятельство, что в обвинении не описано влияние соответствующего режима на действия подсудимых. Вместе с тем в формулировке одного из приговоров использована конструкция «с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности подсудимых», которая воспроизводится в ч. 11 ст. 63 УК РФ и относится к состоянию алкогольного опьянения, учет которого является правом суда, в отличие от обстоятельств, перечисленных в части первой названной статьи. Кроме того, если следовать логике судов, то как раз период мобилизации влияет на возникновение у гражданина мотивации на уклонение от военной службы, так как именно обязанности, связанные с мобилизацией, порождают возникновение правоотношений, в которых субъект ранее не находился. Поэтому очевидно, что объявление периода мобилизации оказывает влияние на уклонение гражданина от призыва на воинскую службу по мобилизации. Хотя такое обоснование, на наш взгляд, лишено смысла, так как, еще раз подчеркиваем, период мобилизации — это временной промежуток, который характеризуется комплексом мероприятий, в том числе призывом на военную службу. Поэтому, следуя формальной логике, конструкция, зафиксированная в соответствующих уголовно-правовых нормах, предусматривает применение данного обстоятельства абсо-

лютно ко всем преступлениям, кроме тех, в которых указанный признак учитывается в качестве квалифицирующего.

Напомним, что в УК РСФСР 1960 г.³ имелось две уголовно-правовые нормы, предусматривающих ответственность за уклонение от очередного призыва на действительную военную службу (ст. 80) с наказанием от одного года до трех лет лишения свободы и уклонение от призыва по мобилизации (ст. 81) с наказанием на срок от трех до десяти лет лишения свободы, а если это деяние совершено в военное время — лишением свободы на срок от пяти до десяти лет или смертной казнью. В наше время законодатель не провел такой дифференциации, что, конечно, является явным недостатком правового регулирования.

Интересно, что еще 24 июня 2004 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Государственная Дума) был представлен проект федерального закона № 130883-3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в котором предлагалось наряду с прочими изменениями военно-уголовного законодательства установить уголовную ответственность за уклонение от призыва на военную службу по мобилизации при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы с наказанием в виде лишения свободы на срок до пяти лет и повышенную ответственность с наказанием в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет за то же деяние, совершенное в военное время. В официальном отзыве Правительства РФ от 24 октября 2005 г. № 3384п-П4 на данный законопроект подчеркивалось, что относительно мирного времени можно говорить только о мобилизационной подготовке, а мобилизация — это режим функционирования исключительно в условиях военного времени. В 2008 г. данный законопроект после трех рассмотрений в Совете Государственной Думы и множества доработок был снят с рассмотрения, и повторно к этому вопросу депутаты уже не возвращались⁴.

³ Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР»): закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 25.04.1991). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Паспорт проекта Федерального закона № 130883-3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования военно-уголовного законодательства)» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ А. А. Сигуткиным, Н. М. Безбородовым, В. В. Чайкой) (снят с рассмотрения). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июня 2021 г. по делу № 77-2306/2021.

² Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 29 июня 2016 г. по делу № 22-5222/2016.

Вместе с тем не только законодатели, но и ученые обращали внимание на пробельность уголовного законодательства в данной сфере. Так, Н. К. Рудый, проводя компаративистское исследование в рамках своей докторской диссертации, пришла к выводу о том, что закрепление в уголовном законодательстве отдельных стран СНГ нормы об ответственности за уклонение от тренировочных сборов или мобилизации при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы представляется более удачным по сравнению с российским [3].

Предлагались и другие пути решения обозначенной проблемы. Так, В. И. Боевым на уровне докторской диссертации выдвигалась концепция создания отдельного военно-уголовного законодательства [4]. Я. Н. Ермолович высказывал критические замечания по поводу неудачной отсылки к «гипотетическому законодательству военного времени», предлагая вернуться к советскому опыту дополнения норм об отдельных преступлениях квалифицирующим признаком «совершения в военное время, в боевой обстановке или на поле боя» [5].

Федеральным законом № 365-ФЗ законоположение о том, что ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется российским законодательством военного времени, исключено из действующего уголовного законодательства путем утраты силы в соответствии с ч. 3 ст. 331 УК РФ.

Оставив без внимания инициативу создания уголовного законодательства военного времени, законодатель, очевидно, не воспринял как объективно возможные надвигающиеся криминальные риски и угрозы нашему государству, которые в итоге внезапно проявились в условиях проведения СВО. В результате власти оказались вынуждены в спешном порядке принимать точечные правовые решения посредством введения соответствующих квалифицирующих признаков, усиливающих уголовную ответственность за преступления против военной службы, дополнения п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ вышеуказанными признаками, отягчающими наказание, усиления уголовной ответственности за преступления против общественной безопасности и основ конституционного строя государства, криминализации таких деяний, как мародерство, содействие диверсионной деятельности и др. Введение в качестве отягчающих ответственность и наказание признаков совершения преступления в особые периоды проводилось в спешном порядке, без представле-

ния пояснительной записки, открытого обсуждения и соответствующей проработки, путем присоединения на стадии второго чтения 19 сентября 2022 г. соответствующей таблицы поправок к ничего не имеющего общего с данной инициативой проекту федерального закона № 160006-8 «О внесении изменения в статью 80 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации полностью охватывается признаками преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК РФ.

2. Совершение данного преступления в особые периоды предопределяет при назначении наказания необходимость учета обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

3. Для отражения высокого уровня общественной опасности совершения подобных деяний в особые периоды и с учетом сложившихся законодотворческих подходов в данном направлении предлагаем внести в ст. 328 УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства совершение преступления в особые периоды с повышением верхнего предела наказания в виде лишения свободы до пяти лет и установлением нижнего порога — от двух лет.

4. Мера, указанная в предыдущем выводе, является временной и позволяет решить лишь текущие проблемы. В плане концептуального подхода считаем необходимым вернуться к идее разработки уголовного законодательства военного времени, тем более что определенный доктринальный фундамент уже заложен.

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/160006-8> (дата обращения: 25.05.2023).

1. Филиппов П. А. Декриминализация уклонения от прохождения военной и альтернативной гражданской службы (ст. 328 УК РФ) // Lex Russica. 2015. № 12. С. 74—86.

2. Манин Я. В. Защита Отечества: призыв на военную службу по мобилизации // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 3. С. 42—63.

3. Рудый Н. К. Характеристика видов преступлений против порядка управления по законодательству стран СНГ // Российский следователь. 2008. № 11. С. 37—38.

4. Боев В. И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения: авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 39 с.

5. Ермолович Я. Н. О признании совершения преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий обстоятельством, отягчающим наказание // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 5. С. 81—86.

Жилкин Максим Геннадьевич,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент;
Zmax71@mail.ru

1. Filippov P. A. Decriminalization of evasion from military and alternative civil service (Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation). Lex Russica, 74—86, 2015. (In Russ.).

2. Manin Ya. V. Protection of the Fatherland: conscription for military service on mobilization. Police and investigative activities, 42—63, 2022. (In Russ.).

3. Rudy N. K. Characteristics of types of crimes against the order of management under the legislation of the CIS countries. Russian investigator, 37—38, 2008. (In Russ.).

4. Boev V. I. The mechanism of criminal law regulation of the martial law regime. Abstract of the dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2008: 39. (In Russ.).

5. Ermolovich Ya. N. On the recognition of the commission of a crime in conditions of armed conflict or military operations as a circumstance aggravating punishment. Law in the Armed Forces, 81—86, 2017. (In Russ.).

Zhilkin Maxim Gennadievich,
head of the department
of criminal law and criminology
of the Moscow Regional Branch
of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
doctor of juridical sciences, docent;
Zmax71@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2023; одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 29.06.2023; approved after reviewing 06.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.85

doi: 10.25724/VAMVD.A153

**ВОЗМОЖНОСТИ УНИФИКАЦИИ КРИТЕРИЕВ СООТНОШЕНИЯ
ТЕРМИНОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ
В СФЕРЕ ПРЕВЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Анна Павловна Алексеева*, **Ольга Ивановна Белокобыльская****, **Юрий Владимирович Третьяков*****

* Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, belokob-olga@yandex.ru

*** Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, nauka.in.russia@yandex.ru

Аннотация. Термин «противодействие преступности» встречается во многих отраслевых федеральных законах. Направления противодействия преступности становятся предметом исследования для представителей различных наук. Несмотря на актуальность и востребованность таких работ, ученым не удается единообразно определить объем и соотношение терминов, входящих в противодействие преступности. Криминологи полагают, что противодействие преступности состоит из предупреждения (профилактики, предотвращения, пресечения) и борьбы с преступностью, где критериями разграничения терминов выступают стадии неоконченного преступления и момент его окончания. Представители теории оперативно-разыскной деятельности считают, что противодействие осуществляется преимущественно посредством профилактики, предупреждения и предотвращения преступлений, где критерием разграничения рассматриваемых терминов является возможность причинения преступным посягательством вреда. Основная проблема в определении перечисленных терминов заключается в различии критериев, выбираемых криминологами и представителями теории оперативно-разыскной деятельности для определения соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений. Выход из создавшейся ситуации видится в законодательной унификации критериев разграничения терминов, используемых в сфере противодействия преступности.

Ключевые слова: унификация терминологии, противодействие преступности, предупреждение преступности, профилактика преступности, предотвращение преступлений, пресечение преступлений, борьба с преступностью

Для цитирования: Алексеева А. П., Белокобыльская О. И., Третьяков Ю. В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25—30. doi: 10.25724/VAMVD.A153

**POSSIBILITIES OF UNIFYING THE CRITERIA FOR THE RATIO
OF TERMS INCLUDED IN THE CONCEPTUAL APPARATUS
IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION AND CRIME**

Anna Pavlovna Alekseeva*, **Olga Ivanovna Belokobylskaya****, **Yuri Vladimirovich Tretyakov*****

* Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, belokob-olga@yandex.ru

*** Volgograd State University, Candidate of Law, nauka.in.russia@yandex.ru

Abstract. The term "anti-crime" is found in many branch federal laws. The directions of countering crime become the subject of research by representatives of various sciences. Despite the relevance and relevance of such works, scientists are unable to uniformly determine the volume and ratio of terms included in countering crime. Criminologists believe that countering crime consists of prevention (prevention, prevention, suppression) and combating crime, where the criterion for distinguishing terms is the stages of an unfinished crime and the moment

of its end. Representatives of the theory of operational-search activities believe that counteraction is carried out mainly through prevention, prevention and prevention of crimes, where the criterion for distinguishing the terms under consideration is the possibility of causing harm by a criminal encroachment. The main problem in the definition of these terms is the difference in the criteria chosen by criminologists and representatives of the theory of operational-search activities and to determine the ratio of terms included in the conceptual apparatus in the field of crime prevention and crime. The way out of this situation is the legislative unification of the criteria for distinguishing terms used in countering crime.

Keywords: unification of terminology, crime prevention, crime suppression, crime control

For citation: Alekseeva A. P., Belokobylskaya O. I., Tretyakov Yu. V. Possibilities of unifying the criteria for the ratio of terms included in the conceptual apparatus in the field of crime prevention and crime. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 25—30, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A153

Понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений включает в себя достаточно большое число терминов, которые используются в законодательстве, а также в теории разных наук.

Криминологи, определяя такие термины, как «противодействие преступности», «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», «пресечение преступлений», «борьба с преступностью», в качестве критериев их разграничения используют стадии неоконченного преступления и момент его окончания.

Наиболее общим, объединяющим понятием при этом выступает противодействие преступности, что полностью соответствует позиции законодателя, который использует данный термин в отраслевых федеральных законах, таких как «О противодействии коррупции»¹, «О противодействии экстремистской деятельности»², «О противодействии терроризму»³ и др.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» в ст. 1 «Основные понятия» определяет противодействие коррупции как деятельность по «предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений».

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» в ст. 3 «Основные направления противодействия экстремистской деятельно-

сти» закрепляет «принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц».

Федеральный закон «О противодействии терроризму» в ст. 3 «Основные понятия» предписывает считать противодействием терроризму деятельность по «предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма».

Таким образом, «противодействие преступности», исходя из федерального законодательства и позиции криминологов, включает в себя предупреждение преступности и борьбу с преступностью. Все перечисленные нормативные правовые акты едины в том, что на первом месте в противодействии стоят предупреждение и профилактика. Различия в легальном и доктринальном понимании терминов «предупреждение преступности» и «борьба с преступностью» заключается в том, что законодатель использует понятие «предупреждение» и в описании профилактических мер, и в описании мер борьбы с преступностью, что не вполне обоснованно.

Доктринальное понимание термина «предупреждение преступности» как первого элемента противодействия исходит из того, что это деятельность государства и общества, направленная на удержание потенциальных нарушителей закона от противоправного поведения [1]. Причем такое удержание может происходить на разных стадиях принятия потенциальным преступником решения о совершении преступления [2].

¹ О противодействии коррупции: федер. закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ О противодействии терроризму: федер. закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Если человек еще не задумался о противоправном поведении, в отношении него целесообразно осуществление профилактических мероприятий. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹ в ст. 2 в связи с этим определяет профилактическую деятельность как совокупность разнообразных мер, «направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». Для этого правоохранительными органами реализуются многочисленные оперативно-профилактические операции, такие как «Осторожно, пешеход», «Нетрезвый водитель», «Осторожно, мошенники», «Стоп террор» и т. д. Эти мероприятия направлены в большей мере на информирование потенциальных жертв преступлений об имеющихся угрозах, а также на информирование потенциальных преступников о повышенном внимании государственных структур к определенным вариантам поведения граждан в целях инициации у них добровольного отказа от вероятного нарушения запретов, установленных уголовным законом, на самой ранней стадии.

Если профилактические меры не принесли ожидаемого результата, то целесообразно приступить к реализации мер по предотвращению потенциально возможного преступного поведения. Предотвращение осуществляется в отношении лиц, которые занимаются подготовлением к совершению преступления. Несмотря на то что в соответствии с ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации «уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям», тем не менее, склонив потенциального преступника к отказу от продолжения преступной деятельности на ранней стадии, можно не допустить нарушения им установленных уголовным законом запретов даже по преступлениям небольшой и средней тяжести. Предотвращение осуществляется в отношении любых преступлений, и с материальным, и с формальным составом.

Пресечение преступной деятельности осуществляется на стадии покушения на совершение преступления. Важно понимать, что пресечь можно только деяния с материальным составом, т. е. те,

в которых необходимо наступление общественно опасных последствий для признания преступления оконченным. В тех преступлениях, где отсутствует стадия покушения, невозможно осуществление пресечения. Здесь после предотвращения, если потенциальный преступник все-таки не отказался от своих намерений и приступил к выполнению объективной стороны преступления, наступает сразу фаза борьбы. Например, потенциальный преступник решил совершить разбой. Профилактические мероприятия на него не подействовали. О его преступных намерениях узнал участковый уполномоченный полиции, который не позволил данному человеку реализовать свой преступный умысел, предотвратив совершение преступления. Если же потенциального преступника остановить не удалось и он успел предъявить своей жертве требования о передаче имущества под угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, то такое преступление уже считается оконченным независимо от наступления последствий. Соответственно, пресечение здесь невозможно, поскольку отсутствует стадия покушения.

Борьба с преступностью как второй элемент противодействия выражается в реакции государства на совершенное и оконченное преступление в виде выявления, раскрытия, расследования преступлений, привлечения к уголовной ответственности лиц, их совершивших, назначения им соответствующего наказания и т. д. Думается, что бороться можно только с тем, что есть, что уже произошло. Невозможно бороться с преступлениями, которых еще нет, с преступлениями, о которых человек еще даже не думал (как в профилактике); с преступлениями, о которых человек только задумался, но еще не приступил к реализации (как в предотвращении); с преступлениями, которые человек уже начал совершать, но не довел задуманное до конца (как в пресечении). В данном случае очень хорошо иллюстрирует ситуацию антропологическая теория криминологии, которая рассматривает преступность как некую болезнь общества [3]. Соответственно, лечить можно только ту болезнь, которая уже имеется. Деятельность же, направленная на то, чтобы уберечься от заболевания, называется профилактикой.

Рассмотренная криминологическая концепция выглядит вполне логичной, последовательной и обоснованной, охватывая большинство используемых в законодательстве терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений. Однако ученые,

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон № 182-ФЗ от 23 июня 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

занимающиеся исследованиями аналогичных вопросов в рамках других наук, предлагают иные варианты соотношения описываемых нами понятий.

Представители оперативно-разыскной науки в качестве критерия разграничения изучаемых нами терминов используют возможность причинения преступным посягательством вреда [4]. Термин «противодействие преступным посягательствам» определяется ими как «информирование и оказание необходимой помощи специальным и правоохранительным органам, в чью подведомственность и подследственность входят выявление, раскрытие и расследование преступлений» [4, с. 355]. Таким образом, из «противодействия» исключается первый элемент — предупреждение, который упоминается в отраслевых федеральных законах, поскольку все сводится к «выявлению, раскрытию и расследованию преступлений», т. е. к реакции государства на совершенное нарушение установленных уголовным законом запретов.

Предупреждение преступности с точки зрения теории оперативно-разыскной деятельности сводится к «недопущению причинения ущерба объектам безопасности». Объектом предупреждения здесь выступает «попытка реализации опасных свойств (проявившаяся угроза, исходящая от источника опасности и принявшая форму неоконченного правонарушения или преступления)» [4, с. 341]. Позиции представителей теории оперативно-разыскной деятельности и криминологов в данном случае частично совпадают в области реализации некоторых мер по предупреждению преступной деятельности (в криминологии — предотвращение и пресечение) на стадиях неоконченного преступления (приготовления и покушения). Различия криминологической и оперативно-разыскной теорий заключаются в том, что в оперативно-разыскной теории предупреждение (с неоконченным преступлением) не входит в понятие противодействия (выявление, раскрытие и расследование преступлений), и в предупреждении отсутствует важный профилактический блок, поскольку данной наукой профилактика рассматривается как отдельный элемент деятельности, не связанный с предупреждением и противодействием.

Профилактика в теории оперативно-разыскной деятельности определяется как деятельность общества и государства, направленная на нивелирование проявления «опасных свойств участников общественных отношений в виде угрозы объектам обеспечения безопасности» [4, с. 340]. Совершенно при этом непонятно, каким образом эти «опасные свойства» нивелируются, какими средствами про-

исходит воздействие на субъектов. Полагаем, позиция законодателя, обозначенная в ст. 2 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», где речь идет о воспитательном воздействии, является наиболее приемлемой.

Что касается иных терминов, встречающихся в отраслевом законодательстве, таких как «пресечение» и «борьба с преступностью», то представители теории оперативно-разыскной деятельности либо их вообще никак не комментируют, либо дают явно неточные формулировки, вводящие в заблуждение относительно их сущности. Так, А. И. Мелихов в своем исследовании отмечает, что «в Федеральном законе „Об оперативно-разыскной деятельности“ термин „предотвращение“ используется верно, когда речь идет о ситуациях, связанных с угрозой нарушения антикоррупционных требований (п. 3 ч. 8 ст. 7), поскольку субъектом предотвращения является потенциальный нарушитель» [4, с. 343]. Думается, что термин «предотвращение», равно как и «пресечение», и «борьба с преступностью», не может быть связан с деятельностью «потенциального правонарушителя», поскольку данные элементы противодействия преступности реализуются преимущественно специализированными структурами — правоохранительными органами — в целях останова начавшегося преступления (предотвращение, пресечение) или реагирования на оконченное преступление (борьба с преступностью). Содержание же термина «борьба с преступностью», который упоминается в отраслевых федеральных законах как второй элемент противодействия преступности, в работах по оперативно-разыскной деятельности и вовсе не анализируется.

Несмотря на наличие положительных моментов в криминологической и оперативно-разыскной теориях относительно толкования терминов, используемых в сфере превенции преступности и преступлений, в обеих присутствуют и явные недостатки.

Минус криминологической теории противодействия преступности заключается в том, что, имея в качестве предмета исследования преступность и преступное поведение, теория противодействия опирается на конкретные преступления и момент окончания преступлений.

Минус оперативно-разыскной теории заключается в том, что разграничение терминов привязано к возможности причинения преступным посягательством вреда. В этом случае деяния с формальным составом, где наступление общественно опасных

последствий не является обязательным элементом, остаются вне зоны превентивного воздействия.

Проблема унификации терминов «противодействие преступности», «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», «пресечение преступлений», «борьба с преступностью», являясь актуальной и до сих пор не разрешенной, лежит не столько в плоскости гармонизации определения данных понятий, сколько в плоскости гармонизации критериев их разграничения. Учитывая, что законодательная позиция по поводу соотношения данных терминов в настоящее время отсутствует,

представители разных наук предлагают собственные варианты их соотношения. Тем не менее унифицировать их понимание пока никому так и не удалось. В результате наших рассуждений мы приходим к выводу о том, что унификация терминологии в сфере превенции преступности и преступлений, безусловно, нужна. Она должна быть реализована через законодательство, в котором следует четко обозначить критерии соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений.

1. Алексеева А. П. Криминология. Общая часть: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 80 с.

2. Воронин Ю. А., Майоров А. В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 7—16.

3. Николаев А. С. Закономерности становления антропологической школы криминологии и актуальность использования ее методик в современной науке // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 1 (1). С. 76—80.

4. Мелихов А. И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград: ВА МВД России, 2023. 604 с.

1. Alekseeva A. P. Criminology. General part. Tutorial. Volgograd: VA of MIA of Russia; 2020: 80. (In Russ.).

2. Voronin Yu. A., Mayorov A. V. Theoretical foundations of the formation of a system for combating crime in Russia. Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law, 7—16, 2013. (In Russ.).

3. Nikolaev A. S. The laws of the formation of the anthropological school of criminology and the relevance of the use of its methods in modern science. Law: retrospective and perspective, 76—80, 2020. (In Russ.).

4. Melikhov A. I. Conceptual foundations for ensuring national security in the process of operational-search activities of the internal affairs bodies. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Volgograd: VA of MIA of Russia; 2023: 604. (In Russ.).

Алексеева Анна Павловна,

профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор; alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Белокобыльская Ольга Ивановна,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; belokob-olga@yandex.ru

Alekseeva Anna Pavlovna,

professor at the department of criminal law, criminology and criminal executive law of Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor; alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Belokobylskaya Olga Ivanovna,

associate professor at the department of operational-search activities and special equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent; belokob-olga@yandex.ru

Третьяков Юрий Владимирович,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук;
nauka.in.russia@yandex.ru

Tretyakov Yuri Vladimirovich,
associate professor at the department
of criminal process and criminalistics
of Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
nauka.in.russia@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 03.07.2023; approved after reviewing 12.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.615.1

doi: 10.25724/VAMVD.A154

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБОИ

Наталья Александровна Егорова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

egonatalex@yandex.ru

Аннотация. В статье содержится критический анализ ч. 2 ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, введенной Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 203-ФЗ. Отмечается, что введение данной нормы означает появление уже третьей разновидности уголовно наказуемых побоев, что позволяет констатировать существование в современном уголовном законодательстве России системы норм о посягательствах на телесную неприкосновенность личности. «Стержнем» данной системы стала идея об отсутствии у побоев, не «отягощенных» дополнительными признаками, общественной опасности, присущей преступлениям. В то же время целесообразность существования множества норм, содержащих уголовно-правовой запрет побоев, вместо одной видится не бесспорной; при наличии трех самостоятельных оснований уголовной ответственности за побои общественная опасность этого деяния остается недооцененной. Уголовная ответственность ни за один из трех видов побоев не дифференцирована при помощи квалифицирующих признаков, выделенных в зависимости от таких обстоятельств, как особенности субъекта преступления, потерпевшего, орудия преступления.

Особое внимание уделено проблемам толкования понятия «преступление, совершенное с применением насилия», используемого в диспозиции новой уголовно-правовой нормы. С учетом теоретических подходов к пониманию насилия, а также положений действующего уголовного законодательства сделан вывод, что данный термин означает любое запрещенное уголовным законом России деяние, совершенное с применением физического насилия. Обоснована необходимость расширения круга преступлений, судимость за которые имеет криминообразующее значение для состава побоев (а в перспективе — возможно, характер квалифицирующего признака). Предложены возможные варианты решения этой проблемы на правотворческом уровне.

Ключевые слова: побои; судимость; преступление, совершенное с применением насилия; физическое насилие; психическое насилие

Для цитирования: Егорова Н. А. Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за побои // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 31—38. doi: 10.25724/VAMVD.A154

LAW REGULATIONS OF CRIMINAL LIABILITY FOR BODILY BLOWS

Natalya Aleksandrovna Egorova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

egonatalex@yandex.ru

Abstract. This article provides the critical appraisal of part 2 art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation introduced by the Federal Law dated June 28, 2022 No. 203-FZ. It has been pointed out that the introduction of this norm means the formation of the third variety of criminally punishable blows what enables to acknowledge the fact that there is a norms system concerning offence against physical integrity of a person in the criminal laws of Russia. The "core" of this system is the idea that bodily blows not "loaded" by extra signs have no public danger inherent to crimes. Whereas the practicability of existence of variety of norms containing the penal prohibition of blows in substitution for one norm has been founded not to be beyond dispute; subject to the existence of three standalone grounds of criminal responsibility for bodily blows the public danger of such act remains unappreciated.

The criminal responsibility for none of three bodily blow types has not been differentiated by means of qualifying factors outlined depending on circumstances such as specific features of crime perpetrator, victim, and instrument of crime.

The special attention has been given to matters how to interpret the definition "crimes committed by force" used in the disposition of a new rule of the criminal law. Considering theoretical approaches to the understanding of violations as well as valid criminal law provisions the conclusion has been drawn that this definition means any act prohibited by the Criminal Code of Russia committed by force. The necessity for extension of crimes range has been grounded which convictions have crime relating importance for bodily blow composition (hereafter probably — qualifying factor nature). Possible solutions have been proposed herein at the law-making level.

Keywords: blows, criminal conviction, crime committed by force, physical violence, psychical violence

For citation: Egorova N. A. Law regulations of criminal liability for bodily blows. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 31—38, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A154

Современный этап развития уголовного законодательства примечателен, в частности, изменениями уголовного законодательства об ответственности за преступления против телесной неприкосновенности личности. Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 203-ФЗ изложена в новой редакции ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)¹. В данную статью введена часть вторая, что, однако, не связано с появлением квалифицированного состава, т. е. с дифференциацией уголовной ответственности за побои. В части 2 статьи 116.1 УК РФ предусмотрен самостоятельный состав преступления — «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 настоящего Кодекса, лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия (курсив наш. — Н. Е.)» (что нашло отражение и в измененном названии ст. 116.1 УК РФ). В данном случае наличие у субъекта побоев, совершенных при отсутствии мотивов, указанных в ст. 116 УК РФ, судимости — не квалифицирующий, а криминообразующий признак состава.

С одной стороны, данная новелла принята для исправления явно несправедливой ситуации, когда лицо, подвергнутое административному наказанию за побои и снова совершившее такие же действия, подлежало уголовной ответственности, а лицо, не привлекавшееся к административной ответственности, но имевшее судимость за побои, к уголовной ответственности не могло быть привлечено. В связи с этим ст. 116.1 УК РФ стала предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской

Федерации, который пришел к выводу, что данная статья не соответствует Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту права на личную неприкосновенность и права на охрану достоинства личности от насилия в случае, когда побои нанесены или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершены лицом, имеющим судимость за предусмотренное в этой статье или аналогичное по объективным признакам преступление, ведет к неоправданным различиям между пострадавшими от противоправных посягательств, ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию». Перед законодателем была поставлена задача устранить выявленное противоречие путем внесения изменений в УК РФ (постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» от 8 апреля 2021 г. № 11-П. (постановление КС РФ № 11-П)), и соответствующие изменения в уголовный закон были внесены.

С другой стороны, дополнение ст. 116.1 частью 2 означает появление уже третьей разновидности уголовно наказуемых побоев, что позволяет констатировать существование в современном уголовном законодательстве России системы норм о посягательствах на телесную неприкосновенность личности: 1) побои, совершенные из хулиганских побуждений либо по экстремистским мотивам (ст. 116 УК РФ); 2) побои, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ); 3) побои, совершенные лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ). Как представляется, «стержень» данной системы стала идея об отсутствии

¹ Если не указано иное, доступ к упомянутому в настоящей статье нормативным правовым и судебным актам осуществляется из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

у побоев, не «отягощенных» дополнительными признаками, общественной опасности, присущей преступлениям.

Целесообразность существования множества норм, содержащих уголовно-правовой запрет побоев, вместо одной видится небесспорной. Как ни парадоксально, при наличии трех самостоятельных оснований уголовной ответственности за побои общественная опасность этого деяния остается недооцененной. Придавая криминообразующий характер хулиганским и экстремистским мотивам, законодатель тем самым принижает ценность телесной неприкосновенности как самодостаточного блага, игнорирует основной объект посягательства (личность). Не менее дискуссионны конструкции, содержащиеся в ст. 116.1 УК РФ: в них общественная опасность уголовно наказуемых побоев связывается с административной (ч. 1) либо уголовной (ч. 2 этой же статьи) преюдицией; опасность побоев как таковых нивелируется.

Вместе с тем уголовная ответственность ни за один из трех видов побоев не дифференцирована при помощи квалифицирующих признаков, выделенных в зависимости от таких обстоятельств, как особенности субъекта преступления (совершение деяния группой лиц или группой лиц по предварительному сговору); особенности потерпевшего (заведомо несовершеннолетний; беспомощное лицо; женщина, заведомо для виновного находящаяся в состоянии беременности; лицо, осуществляющее служебную деятельность или выполняющее общественный долг); орудия преступления (совершение деяния с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия).

Основной вопрос, появившийся с введением состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, — толкование понятия «*преступление, совершенное с применением насилия*». Насилие — один из способов совершения многих преступлений. В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. насчитывалось свыше 55 статей, предусматривающих ответственность за преступления, совершаемые данным способом [1, с. 9].

В настоящее время прямое указание на насильственный способ совершения преступления встречается в 64 статьях Особенной части УК РФ (в ред. по состоянию на май 2023 г.): ст. 116, 116.1, 117, 120, 126, 127, 127.1, 127.2, 131, 132, 139, 141, 142, 144, 148, 149, 150, 151, 161, 162, 163, 166, 170.1, 178, 179, 185.5, 194, 203, 206, 211, 212, 213, 221, 226, 226.1, 227, 229, 229.1, 230, 230.1, 239, 240, 241, 243.4, 244, 278, 279, 282,

283.1, 283.2, 286, 296, 302, 309, 313, 318, 321, 322, 330, 333, 334, 335, 356.1, 357 УК РФ.

Кроме того, в законодательном описании ряда составов преступлений термин «насилие» и производные от него прямо не упоминаются, но насилие как способ совершения преступления подразумевается. Таковы, например, убийства — ст. 105—108 УК РФ, а также специальные особо квалифицированные его виды — ст. 277, 295, 317 УК РФ; доведение до самоубийства путем жестокого обращения — ч. 1 ст. 110 УК РФ; неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего — ст. 156 УК РФ; террористический акт — ст. 205 УК РФ; преступления, совершенные с применением пытки — ч. 4 ст. 286, ч. 3 ст. 302 УК РФ; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой — ст. 361 УК РФ и др.

Однако содержание понятия «насилие» в уголовном праве остается недостаточно определенным.

В науке уголовного права насилие трактуется как «общественно опасное противоправное физическое или психическое воздействие на другого человека, совершаемое вопреки или помимо его воли, представляющее опасность для его жизни или здоровья в момент применения, лишение свободы, могущее повлечь причинение вреда здоровью различной степени тяжести или смерть» [2, с. 16]. В свою очередь, доктринальные дефиниции физического и психического насилия не всегда позволяют различить названные виды насилия. В одной из широко известных научных работ физическое насилие понимается как «общественно опасное противоправное воздействие на организм другого человека против его воли» [3, с. 6]. Приведенное определение почти не отличается от определения понятия насилия вообще, ведь противоправное воздействие на организм потерпевшего может быть не только физическим, но и психическим. Однако определение физического насилия, предложенное Л. Д. Гаухманом, показательное: оно согласуется с использованием законодателем термина «насилие» для обозначения только физического насилия.

Доктрине уголовного права известны и более конкретные дефиниции физического насилия, позволяющие отграничить его от насилия психического. Так, Р. Д. Шарапов под преступным физическим насилием подразумевает «умышленное неправомерное причинение вредного физического последствия другому человеку против или помимо его воли путем энергетического (механического, физического, химического, биологического) воздействия на органы, ткани или физиологические функции

организма потерпевшего» [4, с. 8]. Особенности физического насилия в данной трактовке признаются специфические способы воздействия на организм потерпевшего и вредные «физические» последствия такого воздействия.

В тексте уголовного закона понятия «физическое насилие», «психическое насилие» не употребляются. Под *насилием* последовательно подразумевается исключительно физическое насилие [5, с. 24; 6, с. 523]. При описании же психического насилия законодатель предпочитает термин «угроза» (ст. 120, 126, 127.1, 127.2, 131, 132, 139, 141, 142, 144, 148, 149, 150, 151 УК РФ и др.).

Такой подход просматривается как в диспозициях, так и в названиях статей Особенной части УК РФ. К примеру, в названии ст. 296 УК РФ («Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования») угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества четко отделена от насилия (насильственных действий). В частях 1 и 2 данной статьи речь идет об угрозах строго определенных видов, а в чч. 3 и 4 — о насилии двух видов (точнее, если следовать букве закона, «деяниях, предусмотренных частями первой или второй», т. е. угрозах, совершенных с применением насилия). Название ст. 334 УК РФ «Насильственные действия в отношении начальника», интерпретированное с учетом содержания диспозиции ч. 1 данной статьи («Нанесение побоев или применение иного насилия в отношении начальника...»), также дает основания полагать, что под насилием имеется в виду только физическое насилие, а угроза, независимо от ее содержания, находится за рамками понятия «насилие».

Определить объем и содержание понятия «преступление, совершенное с применением насилия» в норме ч. 2 ст. 116.1 УК РФ можно, ответив на следующие частные вопросы.

1. В «преступлении, совершенном с применением насилия» (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ) под насилием имеется в виду только физическое или также психическое насилие?

2. В указанной норме понятием «преступление, совершенное с применением насилия» охватываются любые по характеру общественной опасности преступления, совершенные с применением насилия (изнасилование, насильственный грабеж, разбой, вымогательство, угон, хулиганство, самоуправство, а также прочие, перечисленные выше), или только деяния, посягающие на жизнь или здоровье человека, предусмотренные статьями гл. 16 УК РФ?

3. Под преступлениями, совершенными с применением насилия, понимаются только насильственные преступления в буквальном смысле этого слова либо также преступления, относимые к насильственным, но совершаемые иными способами (например, с использованием беспомощного состояния потерпевшего — ст. 131, 132 УК РФ, материальной или иной зависимости потерпевшего — ст. 133 УК РФ)?

Отвечая на **первый вопрос** (к слову, поставленный в официальном отзыве Верховного Суда Российской Федерации от 02.09.2021 на проект Федерального закона о внесении рассматриваемых изменений в ст. 116.1 УК РФ), следует отметить, что «преступление, совершенное с применением насилия», с учетом принятого в уголовном законе России ограничительного толкования понятия «насилие», следовало бы понимать как преступление, совершенное с применением только физического насилия. Подчеркнем, что в ч. 2 ст. 116.1 УК РФ ничего не сказано о судимости за преступление, совершенное с *угрозой* применения насилия или совершения каких-либо иных нежелательных для потерпевшего действий (бездействия), равно как и о судимости за саму угрозу как самостоятельное преступление (ст. 119 УК РФ).

Аргументом против отнесения в ч. 2 ст. 116.1 УК РФ к «преступлениям, совершенным с применением насилия» деяний, совершенных путем насилия психического (т. е. всевозможных угроз), также может служить признанный законодателем криминообразующий характер предыдущей судимости за «преступление, совершенное с применением насилия» именно для побоев или иных насильственных действий, причинивших физическую боль, объективная сторона которых предполагает лишь физическое насилие. Примечательно, что на данный момент «судимость за преступление, совершенное с применением насилия» имеет составообразующее значение только для побоев (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ).

Положительный ответ на **второй вопрос** основан на буквальном толковании уголовного закона¹. Однако и здесь могут возникнуть сомнения, ибо придание криминообразующего свойства признаку судимости за любое преступление, способом которого стало насилие, независимо от основного объекта посягательства, значительно расширяет основание уголовной ответственности по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ.

¹ Исыяманов И. С. Нанесение побоев лицом, ранее судимым за преступление, совершенное с применением насилия // Праворуб: сайт. URL: <https://pravorub.ru/articles/100732.html> (дата обращения: 13.10.2022).

Размышляя над ответом на **третий вопрос**, необходимо помнить, что в ч. 2 ст. 116.1 УК РФ речь идет о судимости за «преступление, совершенное с применением насилия», а не за насильственное преступление. Поэтому логично предположить, что ведущую роль должен играть именно способ совершения преступления, за которое ранее было осуждено лицо, а не место этого преступления в классификации. Следовательно, судимость лица, нанесшего побои, за насильственные действия сексуального характера, совершенные без применения физического насилия либо угроз его применения к потерпевшему или иным лицам, но исключительно с использованием беспомощного состояния потерпевшего (ч. 1 ст. 132 УК РФ), не должна быть основанием для квалификации содеянного по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ. Справедливо ли это, отвечает ли интересам потерпевшего — уже другой вопрос.

Все сказанное дает основания для предварительного вывода, что *под «преступлением, совершенным с применением насилия», в ч. 2 ст. 116.1 УК РФ следует понимать любое запрещенное УК РФ деяние, совершенное с применением физического насилия*. Именно такой подход просматривается в пояснительной записке к внесенному Правительством Российской Федерации проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» № 536-8, содержащему анализируемые изменения и дополнения в ст. 116.1 УК РФ¹ (проект № 536-8).

Сомнения в правильности такого решения возникают в результате анализа правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который в п. 6 постановления КС РФ № 11-П констатирует отсутствие надлежущей уголовно-правовой защиты от насилия в случае, когда побои нанесены лицом, «имеющим судимость за предусмотренное в этой статье *или аналогичное по объективным признакам преступление*» (курсив наш. — Н. Е.). Таким образом, преступление, судимость за которое учитывается при квалификации по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, должно быть аналогично побоям по объективным признакам (объекту и объективной стороне). При таком толковании объем понятия «преступление, совершенное с применением насилия» неиз-

бежно сужается до побоев, т. е. деяний, запрещенных ст. 116, ч. 1 ст. 116.1, ст. 117 УК РФ (в части систематического нанесения побоев), и вот почему. «Аналогичный» означает «сходный, подобный» [7, с. 22]. С точки зрения формальной логики аналогия уместна в отношении объектов, сходных между собой в *существенных* признаках [8, с. 114; 9, с. 161—162]. Представляется, что иные, кроме предусмотренных ст. 116, ч. 1 ст. 116.1, а также ст. 117 (в указанной части) УК РФ, насильственные преступления не могут быть признаны *аналогичными* побоям по своим объективным признакам. Зададимся вопросом: аналогичны ли побоям преступления, предусмотренные ст. 105, 111, 112, 115 УК РФ? Думается, нет (даже если последствия, обязательные для названных составов, наступили в результате многократного нанесения ударов потерпевшему), так как названные преступления различаются именно по существенным признакам. Основной объект названных преступлений — жизнь (для убийства), здоровье (для преступлений, предусмотренных ст. 111, 112, 115 УК РФ), а не телесная неприкосновенность, как при побоях; общественно опасные последствия этих преступлений выражаются в смерти или во вреде здоровью той или иной степени тяжести, чего не должно быть при побоях. По смыслу п. 1.2 постановления КС РФ № 11-П, в указанном документе речь идет об уголовной ответственности лица, наносившего побои заявительнице, при наличии у данного лица судимости именно за побои. В части 1 ст. 116.1 УК РФ под «аналогичным деянием» подразумевается правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Тем не менее в пояснительной записке к проекту № 536-8 авторы акцентируют внимание на том, что правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации основана на конкретной ситуации, однако «на устойчивость противоправного поведения совершившего побои лица указывает не только факт повторного совершения им аналогичного по объективным признакам преступления, но и *других преступлений, элементом объективной стороны которых выступает насилие*» (курсив наш. — Н. Е.), поэтому усиление уголовной ответственности за побои связано с судимостью не только за побои, но и за другие преступления, совершенные с применением насилия.

Таким образом, обращение к пояснительной записке к проекту № 536-8 свидетельствует в пользу сделанного выше предварительного вывода.

¹ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/536-8?ysclid=lf7vr8i6sl514608031> (дата обращения: 14.03.2023).

Выборочное изучение судебной практики также показывает, что применительно к ч. 2 ст. 116.1 УК РФ суды признают преюдициальное значение судимости лица, нанесшего побои, за любые преступления, совершенные с применением физического насилия. Так, известны случаи осуждения по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ лиц, имеющих судимость за убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ)¹, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ)², умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ)³, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ)⁴, применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ)⁵.

Однако вопросы о преюдициальном значении для применения ч. 2 ст. 116.1 УК РФ судимости за преступления, совершенные с применением только психического насилия, а равно без насилия, но с использованием беспомощного или зависимого состояния потерпевшего, остаются открытыми.

Так, в приговоре по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, вынесенном в отношении К., имеющего судимость за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ, не указано, был ли К. осужден за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья,

*либо за угрозу применения насилия в отношении представителя власти или его близких*⁶.

На наш взгляд, для усиления уголовно-правового противодействия насильственной преступности предпочтительнее расширение круга преступлений, судимость за которые имеет криминообразующее значение для состава побоев. Возможно распространительное толкование понятия «преступление, совершенное с применением насилия» в ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, а именно — включение в содержание термина «насилие» не только физического насилия, но и любых угроз, а также использования беспомощного состояния, а равно материальной или иной зависимости потерпевшего. Ведь едва ли возможно обосновать справедливость привлечения к уголовной (а не административной) ответственности за побои лица, судимого за квалифицированное вымогательство (совершенное с применением насилия — п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ), и отсутствие такой необходимости, если лицо было судимо за вымогательство простое (ч. 1 ст. 163 УК РФ) или даже квалифицированное, но совершенное без применения физического насилия.

Однако в дальнейшем обозначенную проблему необходимо решить на правотворческом уровне. Возможны два способа такого решения: 1) замена в диспозиции ч. 2 ст. 116.1 УК РФ понятия «преступление, совершенное с применением насилия» формулировкой «преступление, совершенное с применением насилия, угроз, с использованием беспомощного состояния либо материальной или иной зависимости потерпевшего»; 2) закрепление в диспозиции ч. 2 ст. 116.1 УК РФ или норме примечания к ст. 116.1 УК РФ исчерпывающего перечня преступлений, охватываемых понятием «преступление, совершенное с применением насилия» (второй вариант предлагался в одной из версий законопроекта).

В перспективе, во избежание появления подобных законодательных новелл, порождающих правоприменительные проблемы, целесообразно возвращение в УК РФ единого основания ответственности за побои независимо от мотивов совершения преступления, а также без указания на административную преюдицию в качестве криминообразующего признака. Мотивы, указанные в диспозиции ст. 116 УК РФ, а также предыдущая судимость за насильственное преступление могли бы стать квалифицирующими признаками (наряду с обстоятельствами, перечисленными выше: совершением преступления группой лиц, в отношении несовершеннолетнего и др.). Как уже отмечалось, вывод

¹ Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия от 9 февраля 2023 г. по уголовному делу № 1-55/2023. URL: https://akzisky-hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=53859474&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 23.05.2023).

² Приговор Аскизского районного суда Республики Хакасия от 13 февраля 2023 г. по уголовному делу № 1-58/2023. URL: https://akzisky-hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=54017930&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 23.05.2023).

³ Приговор Эжвинского районного суда г. Сыктывкара от 18 ноября 2022 г. по уголовному делу № 1-326/2022. URL: https://ejvasud-komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=135231323&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ Приговор Сернурского районного суда Республики Марий Эл от 26 января 2023 г. по уголовному делу № 1-4/2023. URL: https://sernursky-mari.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=52974916&case_uid=3370ab25-61a0-4fec-823c-712811009552&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 15.03.2023).

⁵ Приговор Алатырского районного суда Чувашской Республики от 17 января 2023 г. по уголовному делу № 1-7/2023. URL: https://alatirsky-chv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=88650171&case_uid=2f20f209-8457-45dd-bc58-02a3a74cd9c7&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 15.03.2023).

⁶ Там же.

об отсутствии необходимой для уголовно-правового реагирования общественной опасности побоев при их совершении впервые был и остается довольно спорным, о чем свидетельствует следующий пример.

П. А. М., находясь по месту жительства, в ходе конфликта с С. Е. В., действуя умышленно, на почве личных неприязненных отношений, в целях причинения потерпевшей физической боли, нанес ей два удара металлическим тазом по голове, затем повалил ее на пол и нанес три удара ногой по голове и шее, выворачивал левую руку, в результате чего причинил ей физическую боль и телесные повреждения в виде двух ссадин на правой половине шеи, ушиба мягких тканей теменной области и ушиба левого локтевого сустава, которые не повлекли вреда здоровью. Мировым судьей П. А. М. был привлечен к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ с назначением административного наказания в виде обязательных работ¹.

Характер действий П. А. М. (неоднократные удары с использованием достаточно тяжелого металлического предмета, удары ногой), количество (не менее пяти) и локализация нанесенных потерпевшей ударов (голова и шея), уязвимое положение потерпевшей (падение на пол и нахождение на полу во время нанесения ударов в жизненно важные органы) заставляют усомниться в справедливости применения административно-правовых, а не уголовно-правовых мер за подобные деяния.

В любом случае в ближайшее время необходимо обобщение судебной практики применения ч. 2 ст. 116.1 УК РФ с дачей официальных разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, рассмотренным в данной статье.

1. Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. Москва: Спарк, 1997. 139 с.

2. Иванова В. В. Преступное насилие: учеб. пособие для вузов. Москва: ЮИ МВД РФ: Книжный мир, 2002. 83 с.

3. Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. Москва: Юрид. лит., 1969. 120 с.

4. Шарапов Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 1999. 242 с.

5. Безручко Е. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России // Уголовное право. 2014. № 5. С. 24—26.

6. Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Право». 2018. Т. 9, вып. 4. С. 522—534.

1. Violent criminality. Ed. by V. N. Kudryavtsev, A. V. Naumov. Moscow: Spark; 1997: 139. (In Russ.).

2. Ivanova V. V. Criminal violence. Study guide for universities and colleges. Moscow: Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Books world; 2002: 83. (In Russ.).

3. Gaukhman L. D. Fight against violent encroachments. Moscow: Legal literature; 1969: 120. (In Russ.).

4. Sharapov R. D. Criminal assessment of the physical violence. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1999: 242. (In Russ.).

5. Bezruchko E. Usage of the definition "Violence" in criminal laws of Russia. Criminal law, 24—26, 2014. (In Russ.).

6. Bezverkhov A. G., Norvartyan Yu. S. Correlation of categories "violence" and "threat" in the currently valid criminal law of Russia. Vestnik of Saint Petersburg University. Series "Law", 522—534, 2018. (In Russ.).

¹ Обобщение судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ, рассмотренным мировым судьей Шарлыкского района Оренбургской области за 2021 год. URL: <https://shr.kodms.ru/press/obobshenie-sudebnoj-praktiki-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-predusmotrennyh-statej-611-koap-rf-rassmotrennye-mirovym-sudej-sharlykского-rajona-orenburgskoj-oblasti-za-2021-god> (дата обращения: 14.03.2023).

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. Москва: АЗЪ, 1995. 928 с.

8. Тер-Акопов А. А. Юридическая логика: учеб. пособие. 2-е изд. Москва: ОМЕГА-Л, 2006. 256 с.

9. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учеб. для юрид. вузов. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: ТК Велби: Проспект, 2008. 240 с.

7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and phraseological units. 2nd ed., rev. and add. Moscow: AZ; 1995: 928. (In Russ.).

8. Ter-Akopov A. A. Legal logic. Study guide. 2nd ed. Moscow: OMEGA-L, 2006: 256. (In Russ.).

9. Kirillov V. I., Starchenko A. A. Logic. Textbook for legal universities. 6th ed., rev. and add. Moscow: TK Velby; Prospect; 2008: 240. (In Russ.).

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
egonatalex@yandex.ru

Egorova Natalya Aleksandrovna,
professor at the criminal law department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
egonatalex@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 05.06.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.34

doi: 10.25724/VAMVD.A171

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЯДЕРНОЙ И РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Наталья Михайловна Наумова

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, natalyaanaumova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются нормы об ответственности за преступления, посягающие на ядерную и радиационную безопасность, предусмотренные ст. 215, 220, 221, 246 и 247 Уголовного кодекса Российской Федерации, на предмет их соответствия целям предупреждения. Приводится криминологическое обоснование обеспечения ядерной и радиационной безопасности уголовно-правовыми средствами. Ядерные и радиационные материалы и технологии представляют потенциальную угрозу для безопасности и здоровья людей, а также окружающей среды. Уголовно-правовые меры направлены на противодействие незаконному обращению с такими материалами, а также на установление ответственности за их неправомерное использование. Уголовно-правовые средства также направлены на предотвращение потенциальных преступлений в сфере ядерной и радиационной безопасности, на контроль и надзор за оборотом радиоактивных материалов, создание специальных международных и национальных органов, ответственных за мониторинг и регулирование безопасности в ядерной и радиационной сфере. Делается вывод о том, что законодатель и правоприменитель не в полной мере используют криминологические знания в целях обеспечения должной уголовно-правовой защищенности сферы использования атомной энергии.

Ключевые слова: ядерная безопасность, радиационная безопасность, криминологическая безопасность, общественная безопасность, унификация преступлений, посягающих на ядерную и радиационную безопасность

Для цитирования: Наумова Н. М. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности уголовно-правовыми средствами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 39—44. doi: 10.25724/VAMVD.A171

ENSURING NUCLEAR AND RADIATION SAFETY BY CRIMINAL LEGAL MEANS

Natalia Mikhailovna Naumova

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, natalyaanaumova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the norms on liability for crimes infringing on nuclear and radiation safety provided for in Articles 215, 220, 221, 246 and 247 of the Criminal Code of the Russian Federation for compliance with their prevention objectives. The criminological justification of ensuring nuclear and radiation safety by criminal legal means is given. Nuclear and radiation materials and technologies pose a potential threat to human safety and health, as well as the environment. Criminal legal measures are aimed at countering the illegal handling of such materials, as well as establishing responsibility for their misuse. Criminal legal means are also aimed at preventing potential crimes in the field of nuclear and radiation safety, at controlling and supervising the circulation of radioactive materials, creating special international and national bodies responsible for monitoring and regulating safety in the nuclear and radiation sphere. It is concluded that the legislator and the law enforcement officer do not fully use criminological knowledge in order to ensure proper criminal and legal protection of the sphere of atomic energy use.

Keywords: nuclear safety, radiation safety, criminological safety, public safety, unification of crimes encroaching on nuclear and radiation safety

For citation: Naumova N. M. Ensuring nuclear and radiation safety by criminal legal means. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 39—44, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A171

Атомная энергетика сегодня — один из самых востребованных в мире способов получения энергии. Несмотря на статус самой «зеленой», она потенциально может стать причиной катастрофических последствий, причем не только для окружающей среды и ее компонентов, но и для населения. Тем не менее ядерная промышленность намного эффективнее и рентабельнее традиционных видов получения энергии, а благодаря современным научным разработкам, направленным на создание замкнутого топливного цикла на АЭС, в будущем может быть пересмотрено ее соотношение с угольной, нефтяной и другими видами отраслей в энергетическом комплексе страны, где на атомную отрасль сегодня приходится порядка 20 % общей выработки. Кроме того, это позволит разрешить проблему радиоактивных отходов¹.

Как одна из наиболее технологичных, область использования мирного атома, к сожалению, подвержена и негативному воздействию криминалитета, что представляет реальную угрозу ядерной и радиационной безопасности, являющейся важной составляющей общественной безопасности страны [1]. Такие вызовы, безусловно, не могут остаться без адекватной реакции государства и его правовой системы, успешность которой зависит от качества законодательства об ответственности за посягательства на ядерную и радиационную безопасность, его целостности, логичности, совершенства. И ключевую роль здесь играют уголовно-правовые средства противодействия преступности в области использования атомной энергии [2].

Однако уже на стадии правовой регламентации появляются первые недостатки в системе обеспечения ядерной и радиационной безопасности. Так, при изучении отраслевого законодательства обнаруживаются пробелы в имеющейся терминологии, выражающиеся в отсутствии законодательного определения понятия «ядерная безопасность», хотя оно является ключевым и используется наряду с радиационной безопасностью (непосредственно связанной с воздействием ионизирующего излучения на людей и окружающую среду) в нормативных правовых актах различного

уровня, в том числе основном Федеральном законе «Об использовании атомной энергии», регламентирующем деятельность в сфере атомной энергетики² [3]. Понимание сферы общественных отношений в области ядерной и радиационной безопасности имеет важное значение для правоохранительных органов, поскольку именно на них и будет направлено криминогенное воздействие. При решении вопроса о привлечении виновного к ответственности и установлении ее отраслевой принадлежности правоприменителю необходимо определить, на какие общественные отношения направлено посягательство, каков его характер и степень общественной опасности. Все это в конечном итоге напрямую влияет на достижение целей и задач наказания виновного, одной из которых является превентивная функция права.

Правонарушения, совершаемые в области использования атомной энергии, можно разделить на две большие группы — нарушение установленных правил и незаконное обращение ядерных материалов, радиоактивных веществ и отходов. В зависимости от характера и степени тяжести самого деяния и его возможных или наступивших последствий виновный подлежит дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. Однако возникает вопрос: может ли вообще такая сфера, как использование атомной энергии, ввиду своей потенциальной опасности стать причиной, возможно, непоправимых последствий для экологической, экономической и общественной безопасности, вследствие как непреднамеренных, так и умышленных действий людей, из-за ряда не до конца решенных вопросов (например, об утилизации радиоактивных отходов), по причине того, что при нестабильной политической ситуации объекты атомной энергетики становятся потенциально еще более опасными, поскольку могут сами стать орудием совершения преступлений, в том числе международного характера? Мы имеем дело с той сферой общественных отношений, где каждая ошибка может стать фатальной не только для населения или окружающей среды, отдельного города или страны: при определенных обстоятельствах

¹ Генерация электроэнергии // Росатом: официальный сайт. URL: <https://www.rosatom.ru/production/generation/> (дата обращения 01.07.2023).

² Об использовании атомной энергии: федер. закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

последствия могут охватить весь мир. В связи с этим показателен опыт Японии, где по результатам продолжительных судебных разбирательств по факту трагедии на АЭС «Фукусима-1» топ-менеджеры компании «ТЕРСО» были признаны виновными с обязательством выплаты ущерба, оцененного в рекордные 95 млрд долларов, который вряд ли будет возмещен даже частично¹.

По нашему мнению, обеспечению ядерной и радиационной безопасности может способствовать и административное и уголовное законодательство, но при условии четкого законодательного разграничения объекта и предмета правового регулирования, а также характера и степени общественной опасности деяний административно- и уголовно-правового характера, чего на данный момент, к сожалению, не наблюдается. Так, имеется конкуренция норм ч. 3 ст. 9.6 «Нарушение правил использования атомной энергии и учета ядерных материалов и радиоактивных веществ» Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ)² и ч. 1 ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)³ по предполагаемым общественно опасным последствиям в виде возникновения угрозы жизни или здоровью людей и окружающей среде (ч. 3 ст. 9.6 КоАП РФ) или возможности наступления смерти человека или радиоактивного заражения окружающей среды (ч. 1 ст. 215 УК РФ), при том что в обеих нормах деяние в объективной стороне предполагает нарушение установленных правил в области использования атомной энергии. В такой ситуации законодатель оставляет правоприменителю решение вопроса о разграничении вида ответственности, что, в свою очередь, может нарушить принципы справедливости и равенства всех перед законом, а также стать детерминантой других правонарушений, в том числе коррупционного характера [4]. Возможным выходом из сложившейся ситуации может стать изменение административного законодательства или применение института административной преюдиции,

что, по нашему мнению, будет более эффективной мерой.

Ввиду своей уникальности, специфичности и очень высокой степени потенциальной опасности область использования атомной энергии должна защищаться наиболее эффективными средствами. Ненадлежащее использование достижений атомной промышленности может привести к различным негативным последствиям. Так, в результате совершения правонарушений в рассматриваемой области возможны последствия, которые не причинят вред окружающей среде, ее компонентам или человеку. В то же время подобные нарушения могут повлечь катастрофические последствия и оказать существенное воздействие на население или окружающую среду, в том числе сделать определенную территорию непригодной для обитания на долгие годы. Например, в 1957 г. произошла авария на химкомбинате «Маяк» в Челябинской области, кроме того, продолжительное время радиоактивные отходы сбрасывались в реку Теча, протекающую через несколько поселков, вследствие чего произошло заражение окружающей среды, последствия которого не устранены до сих пор, а на территории около 16 тыс. гектаров сегодня располагается закрытый Восточно-Уральский заповедник⁴.

Именно поэтому область общественных отношений, обладающая настолько повышенной степенью потенциальной опасности, должна защищаться самыми жесткими из возможных механизмов, которыми являются меры уголовно-правового характера. Безусловно, нормы об административной ответственности за правонарушения в области использования атомной энергии имеют право на существование. Однако когда речь идет непосредственно о ядерной и радиационной безопасности и соответствующая правовая норма в диспозиции предусматривает последствия, которые по своей степени и характеру общественной опасности соответствуют наивысшей степени, тогда и само деяние обладает уголовно-правовыми свойствами, а, следовательно, правовая норма должна быть уголовной.

Криминальное воздействие на атомную энергетику может оказываться не только в сфере обеспечения ядерной и радиационной безопасности, но и в сфере информационной, экологической, правовой, антитеррористической и антитеррористической безопасности. Наиболее эффективными

¹ Fukushima nuclear disaster: ex-bosses of owner Tepco ordered to pay ¥13tn // The Guardian: официальный сайт. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/13/fukushima-nuclear-disaster-ex-bosses-of-owner-tepco-ordered-to-pay-yen-13tn-tokyo-court> (дата обращения: 01.07.2023).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Единственный в России радиоактивный заповедник // Челябинск онлайн: официальный сайт. URL: <https://74.ru/text/ecology/2021/04/29/69887963/> (дата обращения: 01.07.2023).

методами противодействия таким посягательствам являются организационно-правовые меры, лидирующее место среди которых занимают уголовно-правовые средства противодействия преступности.

Поэтому, основываясь на понимании криминологической безопасности, обозначаемой как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от преступности и являющейся одним из приоритетных направлений государственной политики по обеспечению общественной безопасности, в соответствии с Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г.¹, обозначая уголовно-правовой механизм наиболее эффективным средством противодействия преступности в области применения атомной энергии, используя результаты проведенного в рамках исследования интервьюирования экспертов², предлагаем следующее определение: ядерная безопасность как объект уголовно-правовой охраны и криминологической безопасности представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, обеспечивающееся регламентной работой ядерных установок, от возникновения чрезвычайных ситуаций в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами», 221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ», 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» и 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» УК РФ.

В настоящий момент институт обеспечения ядерной и радиационной безопасности включает в себя ряд деяний, три из которых (ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», 220 «Незаконное обращение с ядерными

материалами или радиоактивными веществами», 221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ» УК РФ) расположены в главе преступлений против общественной безопасности, а еще два (ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» и 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» УК РФ) отнесены к экологическим преступлениям. Проведенный анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что количество зарегистрированных преступлений, посягающих на ядерную и радиационную безопасность, отнесенных законодателем к преступлениям против общественной безопасности, заметно ниже аналогичного показателя экологических преступлений, совершаемых в области использования атомной энергии³.

Однако в результате анализа правоприменительной практики, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, из 80 изученных приговоров за период с 2000 по 2022 г. по ст. 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» и 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» УК РФ ни один из них не относился к уголовному делу о преступлениях против ядерной и радиационной безопасности. Все они были связаны с незаконным обращением химических или бактериологических веществ и отходов либо с нарушением правил охраны окружающей среды, не связанных с изменениями радиоактивного фона, что, по нашему мнению, свидетельствует о чрезмерной дифференциации уголовной ответственности и наличии дублирования уголовно-правовых норм об ответственности

¹ Концепция общественной безопасности: указ Президента РФ от 14 ноября 2013 г. № ПП-2685 // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 01.07.2023).

² В 2022—2023 гг. были проинтервьюированы специалисты в области атомной энергетики: Евгений Евгеньевич Городный — специалист по функциональной безопасности станций, работал на французскую компанию Electrecite de France, опыт работы 11 лет; Юрий Кириллович Петреня — директор института энергетики, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук; Александр Анатольевич Калютин — заведующий кафедрой атомной и тепловой энергетики Института энергетики и транспортных систем, кандидат технических наук.

³ По данным ГИАЦ МВД России (форма ЕГС-1), было зарегистрировано преступлений, предусмотренных ст. 215 УК РФ: в 2010 г. — 7, 2011 г. — 4, 2012 г. — 4, 2013 г. — 1, 2014 г. — 3, 2015—2017 гг. — 0, 2018 г. — 1, 2019—2021 гг. — 0, 2022 г. — 2; преступлений, предусмотренных ст. 220 УК РФ: в 2010 г. — 8, 2011 г. — 7, 2012 г. — 12, 2013 г. — 5, 2014 г. — 1, 2015 г. — 4, 2016 г. — 6, 2017 г. — 6, 2018 г. — 2, 2019 г. — 2, 2020 г. — 6, 2021 г. — 0, 2022 г. — 8; преступлений, предусмотренных ст. 221 УК РФ: в 2010 г. — 1, 2011 г. — 1, 2012—2013 гг. — 0, 2014 г. — 3, 2015 г. — 1, 2016 г. — 1, 2017—2018 гг. — 0, 2019 г. — 1, 2020 г. — 1, 2021 г. — 0, 2022 г. — 1; преступлений, предусмотренных ст. 246 УК РФ: в 2010 г. — 7, 2011 г. — 6, 2012 г. — 8, 2013 г. — 6, 2014 г. — 27, 2015 — 27, 2016 г. — 28, 2017 г. — 45, 2018 г. — 49, 2019 — 34, 2020 г. — 57, 2021 г. — 69, 2022 г. — 66; преступлений, предусмотренных ст. 247 УК РФ: в 2010 г. — 44, 2011 г. — 39, 2012 г. — 70, 2013 г. — 56, 2014 г. — 42, 2015 г. — 54, 2016 г. — 67, 2017 г. — 155, 2018 г. — 120, 2019 г. — 116, 2020 г. — 101, 2021 г. — 82, 2022 г. — 74.

за посягательства на ядерную и радиационную безопасность в ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики» и 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» УК РФ и ст. 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами» и 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» УК РФ, непосредственно влияющих на процесс раскрытия и расследования преступлений ввиду разной подведомственности их составов, достоверность статистических данных, а следовательно, и на систему мер по предупреждению рассматриваемых видов преступлений.

Точность криминологических прогнозов неразрывно связана с корректностью статистических данных, чего в рассматриваемом примере нет, поскольку фабулы «экологических» преступлений, совершаемых в области использования атомной энергии, при анализе статистических данных о количестве совершенных по ст. 246 и 247 УК РФ преступлений не позволяют выделить из них и оценить реальное количество деяний, посягающих на ядерную и радиационную безопасность. Для решения этой проблемы, основываясь на схожести составов, регулировании ими однородной группы общественных отношений, общем объекте правового регулирования, его важности и особенностях, тяжести возможных общественно опасных последствий, а также действий в одной сфере — области использования атомной энергии, мы предлагаем идею унификации уголовного законодательства об ответственности за посягательства на ядерную и радиационную безопасность посредством устранения имеющихся признаков дублирования составов в части, касающейся ядерной и радиационной безопасности, путем объединения ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики» и 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» УК РФ, ст. 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами» и 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» УК РФ.

Кроме того, не стоит недооценивать криминологическое прогнозирование. Совершенствование процесса уголовно-правового противодействия преступности должно основываться не только на результатах правоприменительной деятельности, но и на географии преступности, криминологических прогнозах о ее динамике и формировании новых ее проявлений в результате социально-политических, экономических и других

факторов. Иными словами, вывод криминологических исследований становится началом уголовно-правовых [5]. И только использование результатов исследований по этим двум направлениям позволяет выстроить эффективную систему противодействия преступлениям, посягающим на ядерную и радиационную безопасность, начиная с законотворческой деятельности.

Ядерная и радиационная безопасность, будучи важными составляющими криминологической и общественной безопасности, являются значимыми объектами уголовно-правовой охраны. Эффективность комплекса уголовно-правовых мер, направленных на противодействие преступлениям в области использования атомной энергии, зависит прежде всего от имеющихся у правоприменителя инструментов в виде правовых норм.

Наличие криминальных угроз в любой сфере жизни общества обуславливает необходимость разработки системы мер противодействия ей. Криминальные угрозы ядерной и радиационной безопасности не являются исключением. Для достижения оптимального уровня безопасности и создания эффективного механизма противодействия преступности в области использования атомной энергии необходимо изучить ее как явление, установить состояние преступности и ее проявления. Использование криминологии и ее методов позволяет создавать и совершенствовать наиболее эффективные системы криминологического и уголовно-правового противодействия преступности, в том числе в сфере использования мирного атома.

Приведенные данные свидетельствуют о несовершенстве правового регулирования в области использования атомной энергии. Конкуренция административных и уголовно-правовых норм, наличие признаков дублирования составов преступлений, негативно влияющих на статистические данные, а следовательно, и на систему мер по предупреждению противоправных посягательств, криминальные угрозы рассматриваемой сфере, потенциальная опасность области использования атомной энергии, которая может привести к непоправимым катастрофическим последствиям для населения, окружающей среды и ее компонентов, не только ввиду умышленных криминальных угроз, но и вследствие нарушений регламентной работы ядерно-энергетического комплекса, подтверждает необходимость использования именно уголовно-правовых мер при обеспечении ядерной и радиационной безопасности.

Уголовно-правовые меры в большинстве случаев выступают последним рубежом обороны, самым

жестким методом регулирования общественных отношений, однако в нашем случае в некоторых ситуациях они являются если не единственными, то ключевыми средствами обеспечения криминологической безопасности в области использова-

ния атомной энергии, которые при должном подходе окажут непосредственное влияние не только на уголовное, но и на административное законодательство, регулирующее общественные отношения в рассматриваемой сфере.

1. Кузнецова Н. И. Глобальные проблемы современности: понятие, сущность и классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 140—147.

2. Кузнецова Н. И., Шкеле М. В. Механизм причинения вреда окружающей среде как объекту уголовно-правовой охраны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (54). С. 34—39.

3. Актуальные проблемы теории экологического права / Е. Н. Абанина, А. П. Алексеева, А. П. Анисимов [и др.]. Москва: Юрлитинформ, 2019. 520 с.

4. Бавсун М. В., Николаев К. Д. Проблемы юридической оценки преступлений против общественной безопасности, «сопряженных» с убийством // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 31—34.

5. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. 2022. № 3 (139). С. 3—16.

1. Kuznetsova N. I. Global problems of modernity: concept, essence and classification. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 140—147, 2023. (In Russ.).

2. Kuznetsova N. I., Shkele M. V. The mechanism of causing harm to the environment as an object of criminal law protection. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 34—39, 2018. (In Russ.).

3. Abanina E. N., Alekseeva A. P., Anisimov A. P. (et al.) Actual problems of the theory of environmental law. Moscow: Yurlitinform; 2019: 520. (In Russ.).

4. Bavsun M. V., Nikolaev K. D. Problems of legal assessment of crimes against public safety "associated" with murder. Russian Justice, 31—34, 2010. (In Russ.).

5. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. On the need to develop and adopt a concept for the development of criminal law policy. Criminal law, 3—16, 2022. (In Russ.).

Наумова Наталья Михайловна,

адъюнкт Санкт-Петербургского университета
МВД России;
natalyaanaumova@yandex.ru

Naumova Natalia Mikhailovna,

associate adjunct
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
natalyaanaumova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 07.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 03.07.2023; approved after reviewing 07.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.2(091)

doi: 10.25724/VAMVD.A155

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИДЕРОВ ПРЕСТУПНОЙ СРЕДЫ ПЕРИОДА X—XVI ВЕКОВ

Наталья Сергеевна Сысолина

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, kindgirl-natalie@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье проанализированы становление и развитие ответственности лидеров преступной среды в отечественном законодательстве периода X—XVI вв. Дано авторское видение содержания понятий «лидер преступной среды» и «криминальный авторитет». Исходя из этого, положения светского законодательства, устанавливающие уголовную ответственность за преступления, совершенные в соучастии, соотнесены с особенностью наказаний за лидерство в общественно опасных деяниях по церковному праву. Проанализированы мнения ученых о становлении института соучастия в отечественном уголовном праве на указанном этапе. Автором зафиксировано отсутствие в светском законодательстве норм, обособляющих организатора преступления как вид соучастника и его индивидуализированную ответственность, а также ответственность лидеров преступной среды в целом. Сделан вывод, что прототипом современных уголовно-правовых норм об ответственности криминальных лидеров послужило именно церковное право, которое регулировало общественные отношения, возникавшие на почве межличностных конфликтов, не угрожающих непосредственно общественной безопасности и государственному строю.

Ключевые слова: преступная среда, лидер преступной среды, криминальный лидер, криминальный авторитет, уголовная ответственность, организатор преступления, институт соучастия, организованная преступность

Для цитирования: Сысолина Н. С. Тенденции развития отечественного уголовного законодательства об ответственности лидеров преступной среды периода X—XVI веков // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 45—52. doi: 10.25724/VAMVD.A155

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION ON THE RESPONSIBILITY OF LEADERS OF THE CRIMINAL ENVIRONMENT OF THE PERIOD OF THE X—XVI CENTURIES

Nataliya Sergeevna Sysolina

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, kindgirl-natalie@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the formation and development of the responsibility of the leaders of the criminal environment in the domestic legislation of the X—XVI centuries. The author's vision of the content of the concepts "leader of the criminal environment" and "criminal authority" is given. Proceeding from this, the provisions of secular legislation establishing criminal liability for crimes committed in complicity are correlated with the peculiarity of punishments for leadership in socially dangerous acts under church law. The opinions of scientists on the formation of the institution of complicity in domestic criminal law at this stage are analyzed. The author has recorded the absence of norms in secular legislation that separate the organizer of the crime as a kind of accomplice and his individualized responsibility, as well as the responsibility of the leaders of the criminal environment as a whole. It is concluded that the prototype of modern criminal law norms on the responsibility of criminal leaders was precisely church law, which regulated social relations that arose on the basis of interpersonal conflicts that did not directly threaten public security and the state system.

Keywords: criminal environment, leader of the criminal environment, criminal leader, criminal authority, criminal responsibility, organizer of the crime, institute of complicity, organized crime

For citation: Sysolina N. S. Trends in the development of domestic criminal legislation on the responsibility of leaders of the criminal environment of the period of the X—XVI centuries. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 45—52, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A155

Многообразие общественных отношений обусловлено постоянным развитием порождающей их среды. В широком смысле под средой понимается совокупность природных и социальных условий, в которых протекает жизнедеятельность людей [1]. Следовательно, частью общей среды человека является среда социальная, определяющая его реализацию как члена общества и влияющая, таким образом, на его поведение.

В юридической науке самым опасным для общества поведением признается преступление. Совокупность всех преступлений, совершаемых на конкретной территории в определенный период времени, образует социальное негативное явление преступности со своими закономерностями и тенденциями развития. Исходя из этого, преступность следует рассматривать как продукт некой части социальной среды — преступной (или криминальной).

Таким образом, под преступной (криминальной) средой следует понимать часть социальной среды, которая определяет преступное поведение отдельных членов общества и продуктом которой является преступность в целом. Полагаем, что преступная среда охватывает совокупность объективных социальных явлений и процессов, детерминирующих преступность, а также лиц, находящихся под влиянием данных факторов.

Наиболее опасным для общества проявлением криминальной среды является организованная преступность, представляющая собой результат слаженной работы групп индивидов, обеспечиваемой наличием криминогенных условий. Очевидно, что наряду с исполнителями, непосредственно совершающими общественно опасное деяние, наибольшую общественную опасность представляют именно организаторы преступления, функционально обеспечивающие преступную деятельность других соучастников в соответствии с ч. 3 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а также иные лидеры преступной среды.

Рассматривая такие понятия, как «организатор преступления» и «лидер преступной среды», отметим, что содержание второго из них шире. Так, согласно С. И. Ожегову и Н. Ю. Шведовой, лидером признается «человек, пользующийся авторитетом и влиянием в каком-нибудь коллективе» [2, с. 326].

В словаре Л. И. Скворцова приведено схожее определение с уточнением, что «в слове „лидер“ содержится смысл, связанный с первенствованием, положением во главе, впереди и т. п.» [3, с. 375].

Таким образом, под лидером преступной среды (криминальным лидером) на данном этапе исследования будем понимать как организатора преступления в том смысле, каким его наделяет содержание ч. 3 ст. 33 УК РФ, исходя из выполняемой им роли (ввиду того, что любой организатор обладает определенным набором лидерских характеристик, позволяющих устроить совместную деятельность других соучастников и руководить ею), так и иное лицо, которое обладает авторитетом в преступной среде и способно влиять на криминальную деятельность ее членов, пусть даже такое лицо непосредственно не организует преступление и не руководит им, а также не создает организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию). Полагаем, что в данном контексте лидера преступной среды, способного выступать не только организатором преступления, но и пользующегося уважением членов данной среды и распространяющего на них свое преступное влияние, также уместно именовать криминальным авторитетом. Именно с указанной точки зрения проанализируем тенденции развития отечественного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность лидеров преступной среды, в период с начала образования Древнерусского государства и до конца XVI в.

В первую очередь следует обозначить истоки становления института соучастия, поскольку введение в законодательство повышенной ответственности за групповые преступления является прообразом современных норм об уголовной ответственности участников организованных форм преступности.

Известно, что самые ранние нормы уголовного права Древней Руси можно обнаружить уже в договорах с Византией, которые заключили Олег (907, 911 гг.), Игорь (944 г.) и Святослав (971 г.) с греческими царями и цесарями [4]. Отдельными статьями указанных договоров оговаривалась ответственность за такие деяния, как убийство, причинение вреда здоровью, кражи, грабежи и разбои, но без специальной регламентации ответственности за совершение указанных деяний в группе.

Вместе с тем некоторые исследователи допускают, что в ст. 7 Договора 911 г. уже могла идти речь о групповом преступлении («возьмет что либо дружне») [5, с. 536], однако перевод нормы в разных источниках показывает, что речь идет об изъятии имущества не группой, а у другого человека [4; 6]. По этой причине связывать зачатки института соучастия с указанным источником права на данном этапе полагаем преждевременным.

Анализируя положения Русской Правды, ученые приходят к выводу, что первый прототип института соучастия содержится в ее Краткой редакции [7—9], формирование которой связывают с временным промежутком от середины XI в. до 30-х гг. XII в. [10]. Так, ст. 31 устанавливала ответственность за совершение кражи несколькими лицами и в качестве наказания определяла штраф в одну гривну и 30 резан в случае, если преступник действовал в одиночку, и в три гривны и 30 резан — когда исполнителей было несколько.

Мнения ученых по поводу такой дифференциации ответственности расходятся. Значительная группа исследователей предполагает, что текст Краткой редакции содержит неточность в определении размера штрафа за совершение кражи одним лицом, который, вероятнее всего, составлял все те же три гривны и 30 резан, как и в случае действий нескольких лиц [4; 10]. Такая ошибка объясняется возможной опiskeй переписчиков, поскольку в ст. 41 Пространной редакции Русской Правды за то же деяние наказание для всех соучастников устанавливалось равное и составляло три гривны и 30 резан. Кроме того, ст. 40 Краткой редакции также содержала меры ответственности за групповую кражу овец, предусматривая равное наказание для каждого вора, вне зависимости от степени причиненного вреда.

Другие специалисты допускают, что в Краткой редакции Русской Правды действительно могла содержаться норма, устанавливающая наказание за совершение преступления несколькими лицами в три раза строже, чем за действия одного субъекта, что логически вполне оправданно [5].

Пространная редакция исследуемого источника права, формирование которой связывают с XI—XIII вв., содержит большее количество норм, упоминающих совершение преступления несколькими лицами. Так, в ст. 41—44 предусмотрена ответственность за групповое совершение кражи, содержащая недифференцированное наказание — штраф — для каждого вора-соисполнителя, совершившего преступление совместно с другими. Кроме того, в тексте Русской Правды появляется такой

вид соучастника, как пособник («хранивший краденое» — ст. 121), который несет такую же ответственность, как исполнитель. Исключением является случай кражи, совершенной свободным человеком совместно с холопом. Первому в общем порядке назначается наказание в виде продажи — штрафа. В свою очередь, за несвободного холопа, не признаваемого субъектом уголовной ответственности, отвечает господин, который вправе выдать его потерпевшему либо уплатить за него штраф, равный, согласно ст. 46, двукратной стоимости украденного. Норма ст. 121 является ярким примером дифференциации мер правового воздействия на разных лиц в зависимости от их социального статуса, а не в зависимости от роли в преступлении, совершенном в соучастии.

Полагаем также, что Пространная редакция Русской Правды в целом признает повышенную общественную опасность группового преступления ввиду сплоченности его субъектов, наличие которой, помимо прочего, могло быть обусловлено родственными связями. Такой вывод следует из положений ст. 121, которая предусматривает освобождение от ответственности жен и детей преступника-холопа только в том случае, если они не совершали вместе с ним преступления. Иначе господин был обязан поступить с ними аналогично главе их семьи — «заплатить за него или выдать голову».

В то же время лица, внесшие наибольший вклад в совершение преступления, в том числе путем подстрекательства к преступлению или его организации, не обозначены в Русской Правде в качестве отдельных соучастников, для которых может быть установлено иное наказание. Стоит согласиться с мнением А. Богдановского, утверждавшего, что древнее уголовное право рассматривает соучастие в преступлении, основываясь только «на внешней обстановке известного факта и не проникающее... до воли человека. Поэтому естественно, что оно наказывает всех соучастников в преступлении по мере того вреда, который они совершили, не обращая никакого внимания на то, как кто совершил этот вред и насколько он хотел этого» [11, с. 128].

На положениях Русской Правды позднее было основано местное законодательство отдельных княжеств и земель периода феодальной раздробленности X—XV вв., среди которых важнейшую роль сыграли Новгородская и Псковская судные грамоты.

Новгородская судная грамота, создание которой относится, по разным источникам, к периоду

1440—1471 гг., действовала в Новгородской феодальной республике. В статье 6 данного источника права предусмотрены штрафы за «наведение наводок» на участников судебного процесса, что, по оценкам некоторых специалистов, подразумевало под собой побуждение толпы к нападению на суд либо на противную сторону [10]. С точки зрения института соучастия такой наводчик выполнял подстрекательские функции, а также мог играть роль организатора «наводки», что, впрочем, не исключает непосредственного совершения им преступления совместно с другими соисполнителями. Вместе с тем под «наведением наводок» некоторые историки понимают дискредитацию или клевету [12]. В таком переводе толкование нормы указанной статьи в контексте института соучастия в преступлении, разумеется, исключается.

Псковская судная грамота, созданная, по некоторым оценкам, в 1387 г. и трижды отредактированная к третьей четверти XV в., дополняла положения Русской Правды. По этой причине норма, устанавливающая равное наказание для соучастников преступления, кажется вполне логичной и соответствующей системе отечественного законодательства того периода. Так, в ст. 120 устанавливается единое наказание в один рубль для каждого лица, совершившего побор, без разграничения ролей соучастников.

Таким образом, анализ светского законодательства периода X—XV вв. позволяет заключить, что и в договорах Руси с Византией, и в Русской Правде, и в источниках права отдельных княжеств и земель периода феодальной раздробленности не выделяется организатор преступления как вид соучастника и его персонифицированная ответственность, а также ответственность лидеров преступной среды в целом. В какой-то мере это связано с тем, что преступность на данном этапе еще не настолько организована, чтобы представлять угрозу для государства и общества.

Вместе с тем нельзя отрицать и наличие ее организованных форм. К примеру, ушкуйничество — явление, возникшее в результате деятельности вооруженных группировок Новгородской республики в XII—XV вв., состоящих из городских низов, официально не связанных с ее властями, но отстаивавших ее интересы в конфликтах с соседними землями, — признается некоторыми исследователями проявлением именно организованной преступности [13]. Походы ушкуйников на гребных судах при этом отличались, главным образом, своим грабительским характером [14]. Осуществляемые с ведома князя или посадника, такие разграбления

соседних земель и простого народа порой выходили из-под контроля, однако санкции со стороны властей к ушкуйникам не применялись [15].

Параллельно со светскими законами действовали княжеские церковные уставы и уставные грамоты, регулирующие отношения между церковью и государственной властью. Полагаем, что данные памятники права имеют особое значение для определения первоисточников, устанавливающих ответственность криминальных лидеров.

Так, важнейшие нормы, определяющие уголовную ответственность разных соучастников преступления и действовавшие на всей территории Киевской Руси, содержались в Уставе князя Ярослава Мудрого о церковных судах, составленном с привлечением киевского митрополита Илариона. Краткая и Пространная редакции данного документа восходят к одному архетипу, датируемому Я. Н. Щаповым еще 1051—1054 гг. Однако Пространная редакция возникла раньше Краткой и относится к временному периоду XII — первой четверти XIII в. [16]

Примечательна ст. 53 Пространной редакции, содержащая перечень оснований расторжения брака, что, на первый взгляд, относится к семейному праву, а не уголовному. В числе прочих п. 3 признает основанием для развода покушение на убийство мужа при помощи других людей, а п. 6 — наведение женой воров и веление им совершить кражу имущества супруга. В таком контексте следует согласиться с мнением Э. В. Георгиевского, который полагает, что Пространная редакция Устава предусматривает такие виды соучастников, как подстрекатель и организатор [5].

Более поздняя Краткая редакция Устава середины XIV в., связываемая с правлением князей Семена (1340—1353 гг.) или Ивана II (1353—1359 гг.) и митрополитов Феогноста или Алексея [16], а также некоторые варианты текстов Пространной редакции (Архивный и Маркеловский изводы) содержат норму, где организатор преступления, выполняющий также роль исполнителя, более четко обособляется в тексте правовой нормы от других соисполнителей и подлежит более тяжкому наказанию.

Так, в ст. 7 Краткой редакции устанавливается ответственность за групповое изнасилование — «толоку»: «Аже девку умолвить к себе кто и дать в толоку, на умолвнице епископу 3 гривны серебра, а девце за сором 3 гривны серебра; а на толочнех по рублю, а князь казнить». Речь идет о случаях, когда мужчина приглашает к себе женщину и совместно с другими мужчинами совершает с ней насильственное половое сношение. Примечательно, что за то же деяние, совершенное одним мужчиной, в Уставе предусмотрена отдельная статья.

Из текста ст. 7 следует, что пригласивший потерпевшую наказывается шестью гривнами, три из которых взыскиваются в пользу епископа и три — в пользу женщины в качестве возмещения ущерба, а его соисполнители — штрафом в один рубль.

Вместе с тем буквальное толкование текста данной нормы не позволяет с уверенностью назвать мужчину, пригласившего потерпевшую, непосредственным организатором преступления в том смысле, которым его наделяет современная ч. 3 ст. 33 УК РФ. Теоретически организатором мог быть любой из соисполнителей-наильников, выполнявший также роль подстрекателя и подговоривший своего друга пригласить женщину или совершивший иные действия по организации преступления или его руководству. Разумеется, подобных уточнений в Уставе не имеется, но уже по тексту статьи очевидно, что именно пригласившему отводится роль лидера в преступлении, а его деяния оцениваются как более общественно опасные в сравнении с поведением остальных наильников.

К слову, аналогичные нормы, касающиеся упомянутых выше покушения на убийство супруга, кражи его имущества при помощи других людей, а также группового изнасилования, содержатся и в более позднем памятнике церковного права — «Правосудие митрополичье», источником которого мог служить Устав Ярослава Мудрого.

Полагаем, что одна из характерных особенностей развития уголовной ответственности криминальных лидеров обнаруживается именно в Пространной и Краткой редакциях Устава князя Ярослава Мудрого о церковных судах, сформировавшихся к XII — середине XIV в. Особенность данного этапа заключается в том, что прототип уголовной ответственности лидеров преступной среды содержится вовсе не в светском законодательстве, регулировавшем отношения между разными социальными классами, а в церковном, предусматривавшем ответственность больше за межличностные конфликты, которые, по сути, не несли угрозы государственному строю. Именно церковное право первым устанавливает повышенную ответственность за лидерство в преступлении (указанная выше ст. 7 Краткой редакции Устава князя Ярослава о церковных судах), в то время как светский закон данные положения не развивает и предпочитает уравнивать соучастников как в их роли в совершении преступного деяния, так и в наказании.

Э. В. Георгиевский считает, что данное обстоятельство обусловлено, с одной стороны, разным характером общественных отношений, охраняемых вышеуказанными источниками права, и тех благ,

по поводу которых возникали эти общественные отношения. Так, предмет хищения мог быть разделен между соучастниками, а вот невозможность разделить «предмет» того же группового изнасилования «вполне вероятно приводила к необходимости определять, а значит и серьезнее наказывать того, кто являлся инициатором» [5, с. 540]. С другой стороны, разницу в регламентации ответственности соучастников преступления в светском и церковном законодательстве Э. В. Георгиевский связывает со значительным влиянием на становление отечественных церковных норм византийского законодательства [5].

Различие в характере общественных отношений, охраняемых Русской Правдой и Уставом Ярослава Мудрого, очевидно, но, по нашему мнению, связано вовсе не с характеристикой «делимости» предмета преступления. Более аргументированной представляется версия Я. Н. Шапова, который справедливо относил статьи, предусматривающие ответственность за похищение женщины, изнасилование (включая групповое — «толоку»), измену и пр., не к уголовному законодательству, а к семейному [16]. Именно поэтому их нет в светских законах — отношения между мужчиной и женщиной находились в юрисдикции церкви. В свою очередь, церковь тщательным образом охраняла все общественные отношения, связанные с жизнью, здоровьем, честью, достоинством, браком, ставя их на ступень выше права собственности в рамках своей юрисдикции и стараясь разграничивать ответственность субъектов, посягающих на данные блага. Так, кражи вещей, предусмотренные ст. 27—28 Краткой редакции Устава, наказываются епископом и князем без определенной денежной ставки, на их усмотрение, а похищение, изнасилование и блуд — фиксированным штрафом.

Что касается влияния норм византийского права на систему наказаний в Уставе, такой вывод нам кажется преждевременным. Исследователи склоняются к тому, что церковное право Древней Руси было весьма самобытным и значительно отличалось от византийского как введением новых видов общественно опасных деяний, так и наказуемостью уже известных преступлений [10]. В части ответственности организатора преступления в групповом изнасиловании Устав Ярослава Мудрого явно выделяет и само преступление, и роль пригласившего потерпевшую мужчины как особо опасные, поскольку именно за групповое изнасилование, в отличие от изнасилования одним субъектом, наказание не зависело от социального статуса потерпевшей.

Анализ законодательства Московского государства периода централизации с конца XIV по XV в. показывает, что первый кодифицированный закон — Судебник Ивана III 1497 г., — несмотря на развитие понятия преступления и расширение перечня преступлений, снова не уделяет внимания институту соучастия, игнорируя дифференциацию ответственности лиц, совместно совершающих преступление. Аналогичным образом обходит данные вопросы и основной закон, действовавший на Руси в период укрепления сословно-представительной монархии, — Судебник Ивана IV 1550 г.

Соучастие в виде пособничества, однако, упоминается в грамотах губных и земских изб (первой половины XVI в.), призванных бороться с преступностью и заниматься розыском беглых, а также в Приговоре о разбойных делах от 18 января 1555 г. из Уставной книги разбойного приказа 1551—1556 гг. Ответственность организаторов преступлений при этом названные памятники права не устанавливают.

В данный период важную роль в становлении уголовной ответственности лидеров преступной среды снова играет церковное законодательство. В Стоглаве — сборнике решений Стоглавого собора 1551 г. — прослеживается государственно-церковная охрана отношений, связанных с воспитанием населения в духе православия в целях укрепления, в том числе, центральной власти государя. Ответ на вопрос 22 в гл. 41 обосновывает запрет на хранение и пропаганду содержания еретических произведений, которые, по мнению церкви, относились к предсказанию будущего. Так, государевой опале — немилости царя — и отлучению от церкви подвергались все те, кто даже после первичного покаяния продолжает хранить и, что важно, учить других знаниям из таких книг, как «рафли, шестокрыл, воронограй, остромиий, зодей, алманах, звездочетьи, аристотель, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическая и коби бесовские, которые прелести от бога отлучают» [17, с. 309]. Налицо введение ответственности за инакомыслие, противостояние идеологии церкви, которая рассчитывает в данном вопросе на поддержку государства. К слову, этот же принцип прослеживается далее в гл. 93, запрещающей обращаться к авторитетам языческой веры — волхвам, колдунам и т. п., подвергавшимся гонениям еще со времен Владимира Святославовича [17].

Полагаем, что церковь таким способом добила своего рода наказания от государства за некое лидерство в религиозном преступлении, совершаемом путем пропаганды опасной идеологии («иных

учили и прельщали» [17, с. 309]). В тексте нормы о соучастии речи не ведется, однако в случае успешного формирования у других лиц еретических взглядов можно провести определенную параллель между действиями виновного — идейного вдохновителя и современными лидерами преступной среды, которые придерживаются криминальной идеологии и распространяют ее (например, так называемые воровские традиции). Борьбу церкви и государства с инакомыслием в XVI в. можно отдаленно сравнить с современным противодействием криминальным авторитетам, которые не всегда и не только организуют совершение отдельных преступлений или преступную деятельность в целом, но и являются идеологами криминального мира, обеспечивая привлечение в преступную среду новых членов, разделяющих некое общее мировоззрение.

Разумеется, пропаганда еретических книг к числу светских преступлений («лихих дел») все же не относилась, тем более что гл. 63 Стоглава напоминает о недопустимости вмешательства светских судов в церковные дела [17]. Однако нельзя игнорировать данную норму как одну из ранних попыток привлечения к ответственности за возможность приобретения авторитета, противостоящего религии, а значит и государству, что закономерно признавалось общественно опасным деянием. На рассматриваемом этапе развития такая политика способствовала укреплению центральной государственной власти на пути становления абсолютной монархии.

Кроме того, гл. 69 Стоглава упоминает о соучастии в церковных преступлениях. Речь идет о «продаже» в отношении священнослужителей, т. е. их безосновательном обвинении в чем-либо, совершенном путем сговора тиунов или недельщиков с ябедниками и блудницами, а также о вымогательстве и принудительном завладении поклонными деньгами мирян. Тиуны или недельщики, хотя и не называются прямо организаторами обозначенных деяний, несут ответственность строже, чем их соучастники — ябедники и блудницы. Так, помимо возвращения потерпевшим имущества в тройном размере, тиуны и недельщики несут дополнительное наказание в виде лишения права занимать свои должности [17].

Следовательно, Стоглав 1551 г. с его подчеркнутым идейно-политическим единством церкви и государства при одновременном разграничении их юрисдикции сохраняет тенденцию становления ответственности лидеров преступной среды,

заданную Уставом князя Ярослава Мудрого о церковных судах. Уголовная ответственность организаторов, квалификация их действий как наиболее опасных соучастников преступления на данном

этапе не развита, отдаленно прослеживается не в светских законах, а в церковном праве, где содержатся прообразы современных норм.

1. Человек и общество: словарь-справочник / И. Д. Коротец, Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 544 с.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2006. 938 с.

3. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений / Л. И. Скворцов. Москва: Оникс: Мир и Образование, 2009. 1104 с.

4. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С. В. Юшкова. Москва: Госюриздат, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X—XII вв. 287 с.

5. Георгиевский Э. В. Генезис института соучастия в уголовном праве Древней Руси // Актуальные проблемы истории государства и права. 2013. № 5 (30). С. 535—542.

6. Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. 2-е изд. Киев, 1876. 235 с.

7. Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве: Онтологический аспект / под ред. О. Ф. Шишова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 127 с.

8. Федорова М. В. Институт соучастия в законодательстве России в 10—17 веках // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 77—85.

9. Прокументов Л. М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 164 с.

10. Российское законодательство X—XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9 т. Т. 1 / отв. ред. В. Л. Янин; под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1984. 432 с.

11. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого: рассуждение А. Богдановского. Москва: Тип. Каткова и К°, 1857. 145 с.

12. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С. В. Юшкова. Москва: Госюриздат, 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII—XV вв. 442 с.

13. Евдокимов А. В., Воробьев А. В. От татей к ворами: история организованной преступности в России. Москва: Эксмо, 2023. 384 с.

1. Korotets I. D., Shtompel L. A., Shtompel O. M. Man and society. Dictionary-reference. Rostov on Don: Phoenix; 1996: 544. (In Russ.).

2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., add. Moscow: A TEMP; 2006: 938. (In Russ.).

3. Skvortsov L. I. A large explanatory dictionary of correct Russian speech: 8000 words and expressions. Moscow: Onyx: Mir and Education; 2009: 1104. (In Russ.).

4. Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 1: Monuments of the law of the Kiev state. X—XII centuries. Ed. by S. V. Yushkov. Moscow: Gosyurizdat; 1952: 287. (In Russ.).

5. Georgievsky E. V. Genesis of the institute of complicity in the criminal law of Ancient Russia. Actual problems of the history of the state and law, 535—542, 2013. (In Russ.).

6. Vladimirovsky-Budanov M. A textbook on the history of Russian law. Issue 1. 2nd ed. Kiev; 1876: 235. (In Russ.).

7. Ivanov N. G. The concept and forms of complicity in Soviet criminal law. An ontological aspect. Ed. by O. F. Shishov. Saratov: Saratov University Publishing House; 1991: 127. (In Russ.).

8. Fedorova M. V. Institute of complicity in the legislation of Russia in the X—XVII centuries. Issues of Russian justice, 77—85, 2020. (In Russ.).

9. Prozumentov L. M. Group crime: questions of theory and practice. Tomsk: Publishing house of Tomsk University; 2010: 164. (In Russ.).

10. Russian legislation of the X—XX centuries. The Legislation of Ancient Russia. In 9 vols. Vol. 1. Ed. V. L. Yanin; general ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal literature; 1984: 432. (In Russ.).

11. The development of concepts of crime and punishment in Russian law before Peter the Great. Reasoning by A. Bogdanovsky. Moscow: Typography of Katkov and Co.; 1857: 145. (In Russ.).

12. Monuments of Russian law. In 8 issues. Issue 2. Monuments of the law of feudal-fragmented Russia. XII—XV centuries. Ed. by S. V. Yushkov. Moscow: Gosyurizdat; 1953: 442. (In Russ.).

13. Evdokimov A. V., Vorobyov A. V. From tates to thieves: the history of organized crime in Russia. Moscow: Eksmo; 2023: 384. (In Russ.).

14. Усенко О.Г. О сущности и хронологических рамках ушкунничества // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конф. (11—13 ноября [1999 г.]). Великий Новгород: НовГУ, 1999. Ч. 1. С. 48—54.

15. Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. 395 с.

16. Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI—XIV вв. Москва: Наука, 1972. 338 с.

17. Российское законодательство X—XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9 т. Т. 2 / отв. ред. А. Д. Горский; под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1985. 519 с.

14. Usenko O. G. O history and chronological framework of ushkuinichets. In: The past of Novgorod and Novgorod lands. Materials of conference, 11—13 November 1999. Part 1. Veliky Novgorod: NovSU; 1999: 48—54. (In Russ.).

15. Bernadsky V. N. Novgorod and Novgorodskaya Zemlya in XV century. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Science of Soviet Union; 1961: 395. (In Russ.).

16. Shchapov Ya. N. Princely statutes and cer-cov in ancient Russia. XI—XIV centuries. Moscow: Nauka; 1972: 338. (In Russ.).

17. Russian legislation of the X—XX centuries. The Legislation of Ancient Russia. In 9 vols. Vol. 2. Ed. A. D. Gorsky; general ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal literature; 1985: 519. (In Russ.).

Сысолина Наталья Сергеевна,
преподаватель кафедры
уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
kindgirl-natalie@yandex.ru

Sysolina Nataliya Sergeevna,
lecturer at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
kindgirl-natalie@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.07.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 07.07.2023; approved after reviewing 18.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.211.5
doi: 10.25724/VAMVD.A156

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Екатерина Валерьевна Андриенко

Экспертно-криминалистический центр МВД по ДНР, Донецк, Россия
Katherine_Beley@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению и уточнению социально-правовых предпосылок участия общественности в уголовном судопроизводстве. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Доказывается положение о необходимости и целесообразности правовой регламентации направлений и форм участия общественности в уголовном судопроизводстве (как одной из сфер публично-политических прав граждан), основных организационных и процедурных вопросов, межинституциональной компетенции общественности, прав и обязанностей их представителей, гарантий их неприкосновенности и, одновременно с этим, гарантий соблюдения прав и свобод лиц, против которых направлена их деятельность. Проведен анализ норм Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов правозащитного и правоустанавливающего содержания, а также актов, включающих участие общественности в механизм системы осуществления (отправления) уголовного правосудия и других документов. В результате сделан вывод о том, что участие общественности в уголовно-процессуальной деятельности, как требование международного права, должно признаваться и имплементироваться во внутринациональное законодательство всех стран, претендующих на построение правового государства и становление гражданского общества. Данный подход, по мнению автора, также должен соблюдаться и в Российском государстве.

Ключевые слова: участие общественности, управление публичными делами, правовой режим, народный суверенитет, уголовное судопроизводство, институциональный подход, представительная демократия

Для цитирования: Андриенко Е. В. Социально-правовые предпосылки участия общественности в уголовном судопроизводстве: институциональный подход // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 53—59. doi: 10.25724/VAMVD.A156

SOCIO-LEGAL PREREQUISITES FOR PUBLIC PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: INSTITUTIONAL APPROACH

Ekaterina Valeryevna Andrienko

Expert Forensic Centre of the Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic, Donetsk, Russia,
Katherine_Beley@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study and clarification of the socio-legal prerequisites for public participation in criminal proceedings. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. The position on the necessity and expediency of legal regulation of directions and forms of public participation, in criminal proceedings (as one area of public and political rights of citizens), basic organizational and procedural issues, inter-institutional competence of the public, the rights and obligations of their representatives, guarantees of their inviolability and, at the same time, guarantees of observance of the rights and freedoms of persons against whom their activities are directed. The analysis of the norms of the Constitution of the Russian Federation and international legal acts of human rights and legal content, as well as acts that include public participation in the mechanism of the system of implementation (administration) of criminal justice and other documents is carried out. As a result, it is concluded that public participation in criminal proceedings, as a requirement of international law, must be recognized and implemented in the domestic legislation of all countries that claim to build

a state of law and the formation of a civil society. This approach, according to the author, should also be observed in the country of Russia.

Keywords: public participation, management of public affairs, legal regime, popular sovereignty, criminal justice, institutional approach, representative democracy

For citation: Andrienko E. V. Socio-legal prerequisites for public participation in criminal proceedings: institutional approach. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 53—59, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A156

Общественность, выступая субъектом правовых отношений, вправе принимать участие в управлении публичными делами, что следует из положений ст. 32 Конституции Российской Федерации¹. Безусловно, такое участие не должно осуществляться вне рамок правового режима, которые установлены государственными институтами и соответствующими нормативными правовыми актами. Иными словами, как очень точно замечает Г. С. Беляева, такая форма взаимодействия государства и общественности может быть реализована лишь «согласно особому нормативному порядку регулирования, который основан на установленных и обеспеченных государством правовых средствах, направленных на создание условий для удовлетворения интересов субъектов права, который выражается в специфике способов и гарантий его реализации и базируется на действии общих принципов, приводящих все его элементы в единую упорядоченную систему» [1, с. 30]. Исходя из этой мысли, становится возможным говорить об особой актуальности и практической значимости проблемы, связанной с правовой регламентацией направлений и способов участия общественности в уголовном судопроизводстве, как одной из сфер публично-политических прав граждан. В данном случае речь идет о межинституциональной компетенции, правах, обязанностях, гарантиях неприкосновенности представителей общественности, базовых организационно-процедурных вопросах, а также о соблюдении прав и обязанностей лиц, против которых направлена их деятельность. Решение указанной проблемы в данный момент является одной из важнейших задач публичной власти.

Аргументацию данного положения следует начать с того, что правовую основу того или иного общественного (социального) института составляет совокупность специально установленных норм, направленных на его должное урегулирование, содержащихся в различных источниках права. Под общественным (социальным) институтом мы пони-

маем социальное образование в структуре общества, связи и отношения внутри которого нормативно закреплены, организационно оформлены и регулярно воспроизводятся для целей обеспечения эффективного и результативного участия субъектов такого образования в управлении делами государства, в частности различных механизмах уголовного судопроизводства. Данные нормы, в зависимости от направления деятельности общественного института, могут содержаться на различных уровнях правовой иерархии. Действительно, правовое обеспечение участия представителей общественности в указанных механизмах, будучи объективной необходимостью и актуальной насущностью, определяется как национальным законодательством, так и нормами международного права.

Главное место в механизме участия общественности в уголовном судопроизводстве, а также в системе защиты соответствующих социально-экономических прав и свобод личности занимает Конституция Российской Федерации, включающая нормы прямого действия и составляющая фундамент правового регулирования института защиты прав и свобод личности. Как правильно отметил М. А. Краснов, «высшей ценностью признается не просто человек, но человек с его правами и свободами, а их признание, соблюдение и защита закрепляются как обязанность государства» [2, с. 190]. Данные права и свободы человека и гражданина обеспечиваются материально, организационно и юридически, гарантируются и защищаются государством, в определенных случаях и общественными силами. Ввиду масштабности их разделяют на группы: личные права и свободы, публично-политические права и свободы, экономические, социальные и культурные права и свободы и права по защите других прав и свобод граждан.

Права и свободы граждан непосредственным образом корреспондируют их основным обязанностям. Так, с одной стороны, они подразумеваются в силу логической связи с соответствующими правами и свободами — как необходимость уважать их. С другой стороны, обязанности, развивающие права и свободы, намеренно за-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

креплены в конституционных нормах вместе с этими правами и свободами. Как говорится в ч. 2 ст. 6 Конституции России, каждый гражданин обладает соответствующими правами и несет установленные законом обязанности. Законодатель при этом придерживается принципа равенства обязанностей. С практической точки зрения данная норма означает, что ни один гражданин не может освобождаться от исполнения тех или иных обязанностей [3]. В равной степени бремя реализации конституционных обязанностей возложено на всех без исключения граждан Российской Федерации.

В то же время важно, что единственным источником власти в государстве, как определено ст. 3 Конституции Российской Федерации, является ее многонациональный народ, осуществляющий свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Народный суверенитет как верховная власть народа предполагает подчинение поведения отдельных индивидов воле всего народа. Таким образом, народный суверенитет — это принцип, в соответствии с которым народ государства рассматривается как единственный законный и правомерный носитель верховной власти или как источник государственного суверенитета [4]. Данный принцип является теоретическим и правовым основанием народовластия в Российской Федерации. Гарантия против возврата к тоталитаризму, установлению единоличной диктатуры регламентируется следующей конституционной нормой: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону» (ч. 4 ст. 3).

Обеспечение прав и обязанностей каждого гражданина, которые скалываются в сфере участия общественности в управлении публичными делами, охватывают область как общественной, так и политической свободы, что обусловлено реализацией принципа народовластия на федеральном, региональном и местном уровнях [5]. Соответственно, право на такую форму взаимодействия государства и общества гарантируется подлинно демократической организацией всей политической системы общества, Конституцией и текущим законодательством Российской Федерации, всей практикой организации различных форм власти, вовлекающей каждого гражданина в активную общественную деятельность.

Вышесказанное позволяет сделать заключение о том, что режим народовластия, действующий в Российской Федерации, распространяется в том числе на правоохранительную систему и уголов-

ное судопроизводство. Гражданская активность в данной сфере является одним из приоритетных показателей развития демократии в стране, что свидетельствует о значимости ее роли, в частности, в контексте логики развертывания в различных социально-исторических условиях, и, соответственно, имеет непосредственное выражение в уголовно-процессуальной политике Российского государства. Так, общеизвестно, что народная власть — это система, реализуемая через выборных представителей; в изучаемом контексте она рассматривается как народное представительство, т. е. представительство, осуществляемое уполномоченными общественными организациями по делам членов своих организаций, а также других граждан, права и интересы которых они защищают (международный) аспект) [6].

Вместе с тем следует согласиться с А. В. Гавриловой в том, что существует несколько оснований для возникновения отношений в рамках народного представительства: во-первых, такое представительство обусловлено обязанностью по оказанию правовой помощи своим членам, во-вторых, целеполаганием общественной организации (защита прав потребителей и пр.) и характеризуется добровольческим соглашением контрагентов [7]. Непосредственное свое воплощение данная система находит в представительных органах власти, без существования и функционирования которых не представлялось бы возможным добиться представительной демократии, а также укрепить конституционный механизм народовластия. Под представительной демократией, вслед за Н. В. Джагарян, мы будем понимать «особую систему и политико-правовой режим управления делами государства и входящих в его состав публично-территориальных образований, при которых на основе верховенства права, всеобщности, равенства, политического и идеологического многообразия и многопартийности обеспечиваются реальные возможности для граждан формулировать, выражать и отстаивать свои публично значимые интересы и иные органы публичной власти, а также примыкающие к ней институты гражданского общества, гарантируется адекватное выражение воли народа в деятельности органов публичной власти, их подконтрольность и ответственность перед народом» [8, с. 132].

Как уже было отмечено выше, народ, обладая волей и наделенный властью, вправе действовать опосредованно через своих представителей. В данном контексте В. И. Червонюк вполне обоснованно утверждает, что представительная власть — это «фундаментальная форма, институциональный и достаточно эффективный инструмент для реа-

лизации народного суверенитета» [9, с. 131]. Из этого следует логическое заключение о том, что суверенитет народа и народное представительство находятся в тесной, нестатичной, однако органичной взаимосвязи. Кроме того, как представляется, представительной демократией, как специфической формой истинного народовластия, во многом определяется сущностная природа парламентаризма и его прикладное назначение. По мнению А. А. Керимова, существует множество разновидностей парламентаризма, которые обусловлены исторической спецификой становления и развития разных стран мира, их принадлежностью к той или иной правовой семье, сформированными к настоящему времени правовыми системами [10].

Существование системы народного представительства обусловлено функционированием органов публичной власти. В связи с этим Б. С. Эбзеев поясняет, что народное представительство не является общественным органом, который существует и действует вне пределов государства, права и закона. Народное представительство выступает неотъемлемым элементом государственного механизма, тогда как парламент является органом государственной власти [11]. Весьма уместными представляются рассуждения и Н. А. Филипповой, которая полагает, что народное представительство — это не просто опосредованный инструмент, которым владеет и пользуется народ в своих интересах [12]. Сущность народного представительства несколько шире и глубже. Так, следуя рассуждениям автора, понимание народного представительства не ограничено народными интересами; его целесообразно рассматривать как результат действий народа, наделенного волей и властью. Кроме того, А. В. Шиндина уточняет, что для народного представительства весьма важен признак коллегиальности [13]. Данный атрибут фундаментален для понимания представительной демократии и по отношению к институту выборности имеет важное прикладное значение. Отметим, что далеко не все выборные органы власти являются по своей природе представительными, следовательно, критерий выборности не всегда может быть положен в основу представительных органов власти.

Учитывая обозначенные выше точки зрения, полагаем, что в экстраинституциональном контексте народное представительство — это органичная система публично-правовых институтов и отношений, коррелирующих с осуществлением властной деятельности коллегиальным путем. Существующие законодательные органы власти на государственном уровне способствуют выраже-

нию и практическому воплощению народного представительства, а следовательно, являются субъектами правоотношений, в силу которых представитель народа в пределах порученных ему полномочий совершает юридическое действие от имени и в интересах представляемого им народа, вследствие чего у последнего возникают права и обязанности в сфере судопроизводства (гражданского, административного, уголовного). По своим сущностным признакам полноценное функционирование народного представительства прямо зависит от парламентаризма, для которого именно представительные органы законодательной власти выступают в качестве институциональной платформы.

Подтверждение этому обнаруживается в нормах международного права, в частности, в документах правозащитного и правоустанавливающего характера, а также актах, включающих участие общественности в механизм осуществления уголовного правосудия. В качестве примера первых можно назвать ч. 1 ст. 21 Всеобщей Декларации прав человека, ст. 8 Декларации ООН «О праве и обязанностях отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общественные права человека и основные свободы», п. «а» ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах и пр.; вторых — пп. 1.2, 2.1, 2.3, 2.5, 5.1, 17 и др. Токийских правил, где прямо указывается об обеспечении более активного участия общественности в отправлении правосудия по уголовным делам. Кроме того, обращает на себя внимание ст. 3.2 Бангалорских принципов поведения судей, согласно положениям которой правосудие должно быть открытым, а граждане должны реализовывать свое право на открытое судебное разбирательство, предполагающее, соответственно, беспрепятственный доступ представителей общественности для реализации социального контроля.

Действительно, говоря об участии общественности в осуществлении правосудия, нельзя обойти вниманием вопрос об открытости судебных разбирательств. В настоящее время имеется широкий спектр проблем, относящихся как к гласности самого судебного разбирательства, так и информированности граждан о деятельности судов. Как известно, в связи с распространением COVID-19 в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в ряде регионов был ограничен допуск на объекты судебной системы. В связи с этим приобретает особую актуальность популяризация опыта проведения трансляций судебных заседаний посредством сети Интернет и, соответственно, пересмотр норм, допускающих такой формат участия общественности в судопроизводстве.

Несмотря на то что транслирование судебных заседаний является важным средством реализации гласности судебного разбирательства (ст. 15.1 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ¹), оно не имеет в настоящее время должной процессуальной регламентации. Еще в 2006 г. в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации указывалось, что дефицит гласности правосудия порождает нарушения процессуальных прав участников судебного процесса, а в конечном итоге затрудняет реализацию конституционного права на судебную защиту². В Докладе же за 2021 г. аналогичным образом в качестве одного из направлений дальнейших усилий государства и Уполномоченного, которое позволит укрепить гарантии защиты прав человека в нашей стране, называется «обеспечение доступа граждан к справедливому правосудию, укрепление открытости в работе правоохранительных органов»³.

Стоит отметить, что вопрос участия общественности в государственных делах, в том числе в отправлении правосудия, неоднозначен. Например, С. Тейман отмечает, что он не является чисто юридическим — это, что более вероятно, политический вопрос разделения властей. По мнению автора, историческая практика доказывает, что «смешанные суды и суды присяжных, как и профессиональные судьи, не ограждены от политических манипуляций... <...> Сегодня (С. Тейман пишет об этом в начале 2000-х гг. — Е. А.) для примера достаточно взглянуть на недемократические режимы в арабском и мусульманском мире, которые не допускают никакого народного участия. Пожалуй, только Нидерланды, как страна с долгим демократическим прошлым и практически отсутствующими традициями суда присяжных, является исключением из правила» [14, с. 69]. До недавнего времени в большинстве стран Латинской Америки в уголовном процессе не было ни присяжных заседателей, ни шеффенов. Однако запущенный в конце прошлого столетия тренд всеобщей демократизации общественной жизни в значительной степени повлиял на становление идеологии участия непро-

фессиональных стейкхолдеров, во многом благодаря вкладу академического, юридического и гражданского сообщества, ярким подтверждением чему стала прошедшая в Сиракузах в 1999 г. научная конференция на тему «Участие непрофессионалов в уголовном судопроизводстве в XXI в.». В ней приняли участие 24 государства [15].

Как представляется, в настоящее время общественность (гражданское общество) следует рассматривать в виде масштабной системы с тесными взаимосвязями институтов как внутри нее, так и за ее пределами, которые функционируют автономно (по аналогии с ветвями власти) и не допускают бесконтрольного вмешательства и любых проявлений злоупотреблений в действиях (бездействии) со стороны представителей публичной власти. Данный социальный аспект чрезвычайно важен при отправлении правосудия и полноценном разрешении уголовных дел, и данный тезис доказывается нормами международного права. Так, в Руководящих принципах в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, принятых на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в сентябре 1985 г. в Милане, прямо сказано: «Предупреждение преступности и уголовное правосудие следует рассматривать не как изолированные проблемы, которые решаются упрощенческими и непоследовательными методами, а скорее как сложные и широкие направления деятельности» (п. 15). В данном документе система уголовного правосудия признана средством контроля и сдерживания преступности (п. 21) и указано на необходимость обеспечения широкого вовлечения общественности в уголовное судопроизводство в этих целях (пп. 24, 27—30)⁴.

Проведенное исследование позволяет заключить, что привлечение общественности к деятельности системы уголовного правосудия является важным и необходимым условием придания ей таких качеств, как гуманность, эффективность и справедливость. Участие народа в уголовно-процессуальной деятельности, как требование международного права, должно признаваться и имплементироваться во внутринациональное законодательство всех стран, претендующих на построение правового государства и становление гражданского общества. Именно такой подход должен соблюдаться и в российском государстве.

¹ Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СЗ РФ. 2008. № 52. Ч. I. Ст. 6217.

² Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 г. // Рос. газ. 2006. 29 июня.

³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. Москва, 2022. С. 13.

⁴ Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия / Упр. ООН по наркотикам и преступности, Вена. Нью-Йорк: ООН, 2008. 396 с.

1. Беляева Г. С. Понятие правового режима в теории права: основные подходы // Вестник СГЮА. 2012. Доп. вып. (85). С. 26—31.

2. Краснов М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд. дом ВШЭ, 2020. 511 с.

3. Морозов А. Н., Каширкина А. А. Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права: преемственность и новизна // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 118—125.

4. Левин И. Д. Суверенитет. Санкт-Петербург: Юрид. центр — Пресс, 2003. 371 с.

5. Липчанская М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: традиционные формы и современные тенденции // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 124—133.

6. Гессен В. Н. Основы конституционного права. Москва: Книга по Требованию, 2013. 452 с.

7. Гаврилова А. В. Общественное представительство и участие представителей общности в судопроизводстве: историко-правовой анализ // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2020. № 2. С. 17—27.

8. Джагарян Н. В. Представительная демократия — универсальная характеристика современной концепции народовластия // Вестник СГЮА. 2014. № 4 (99). С. 127—132.

9. Червонюк В. И. Представительная природа законодательной власти: современный контекст // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 130—137.

10. Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2015. 38 с.

11. Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 3—12.

12. Филиппова Н. А. Публичное (народное) представительство: конституционная доктрина как фактор выбора между модернизацией и архаизацией российского государства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. Т. 8, № 2. С. 5—18.

13. Шиндина А. В. Институт делегирования в системе народного представительства // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 2. С. 62—68.

1. Belyaeva G. S. The concept of a legal regime in the theory of law: basic approaches. Journal of the SSLA, 26—31, 2012. (In Russ.).

2. Krasnov M. A. Introduction to constitutional law with explanation of complex issues. Textbook. 2nd ed., repr. and add. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2020: 511. (In Russ.).

3. Morozov A. N., Kashirkina A. A. Constitutional transformations in the Russian Federation and the interaction of international and domestic law: continuity and novelty. Journal of Russian Law, 118—125, 2022. (In Russ.).

4. Levin I. D. Sovereignty. Saint Petersburg: Legal Center — Press; 2003: 371. (In Russ.).

5. Lipchanskaya M. A. Participation of citizens of the Russian Federation in the management of state affairs: traditional forms and modern trends. Leningrad Law Journal, 124—133, 2013. (In Russ.).

6. Gessen V. N. Fundamentals of Constitutional law. Moscow: Book on Demand; 2013: 452. (In Russ.).

7. Gavrilova A. V. Public representation and participation of public representatives in legal proceedings: historical and legal analysis. Journal of the Omsk State University. Series "Right", 17—27, 2020. (In Russ.).

8. Dzhagaryan N. V. Representative democracy — a universal characteristic of the modern concept of democracy. Journal of the SSLA, 127—132, 2014. (In Russ.).

9. Chervonyuk V. I. Representative nature of legislative power: the modern context. Journal of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 130—137, 2017. (In Russ.).

10. Kerimov A. A. Parliamentarism as a factor of political power legitimacy in modern Russia. Abstract of the dissertation of the doctor of political sciences. Yekaterinburg; 2015: 38. (In Russ.).

11. Ebzееv B. S. The people, people's sovereignty and representation: doctrinal foundations and constitutional practice. State and law, 3—12, 2016. (In Russ.).

12. Filippova N. A. Public (people's) representation: constitutional doctrine as a factor of choice between modernization and archaization of the Russian state. Political expertise: POLITEX, 5—18, 2012. (In Russ.).

13. Shindina A. V. Institute of delegation in the system of people's representation. Journal of the Volga Institute of Management, 62—68, 2016. (In Russ.).

14. Тейман С. Суд присяжных положительно изменит уголовный процесс в Казахстане // Юрист (Казахстан). 2004. № 10. С. 65—72.

15. Львова Е. Суд народа в XXI веке: по материалам международной конференции в Сиракузах // Российская юстиция. 1999. № 12. С. 10—11.

Андриенко Екатерина Валерьевна,
главный эксперт
экспертно-криминалистического центра
МВД по ДНР;
Katherine_Beley@mail.ru

14. Teiman S. Jury trial will positively change the criminal process in Kazakhstan. Lawyer (Kazakhstan), 65—72, 2004. (In Russ.).

15. Lvova E. The Court of the people in the XXI century: based on the materials of the international conference in Syracuse. Russian Justice, 10—11, 1999. (In Russ.).

Andrienko Ekaterina Valeryevna,
chief expert of expert forensic centre
of the Ministry of Internal Affairs
of the Donetsk People's Republic;
Katherine_Beley@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2023; одобрена после рецензирования 30.06.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 22.06.2023; approved after reviewing 30.06.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.132
doi: 10.25724/VAMVD.A157

АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Элина Сергеевна Данильян

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, foxelina@mail.ru

Аннотация. Статья состоит из двух частей. В первой части анализируются данные статистики, свидетельствующие о значительном количестве регистрируемых в России нарушений законов при надзоре за их исполнением, в том числе при производстве следствия и дознания, со стороны Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Проанализированы научные труды, составляющие теоретическую основу в вопросе оценки материалов уголовного дела. Во второй части автором раскрыты базовые элементы алгоритма оценки материалов предварительного расследования, обращено внимание на широкий перечень субъектов, которые могут применять предложенный алгоритм, проанализированы существующие методики оценивания в виде полей оценок уголовно-правовых отношений, математических матриц, в результате чего выдвинуты предложения по их применению. Представлены результаты проведенного анкетирования по вопросам методик проверки и оценки материалов уголовного дела. Автор рассматривает процесс оценки материалов уголовного дела с нескольких позиций: одна связана с оценкой доказательств с точки зрения уголовно-процессуального закона, вторая — с точки зрения этапов расследования и криминалистических знаний. Обосновывает алгоритм оценки материалов предварительного расследования с позиции этапов предварительного расследования, выделяя этап доследственной проверки, первоначальный, последующий и заключительный.

Ключевые слова: предварительное расследование, следователь, руководитель следственного органа, алгоритм, оценка, уголовное дело, этапы расследования, доказательство, допустимость, относимость, достоверность, протокол следственного действия, полномочия, обвинительное заключение, качество расследования, нарушения законности

Для цитирования: Данильян Э. С. Алгоритм оценки материалов уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 60—66. doi: 10.25724/VAMVD.A157

THE ALGORITHM FOR ASSESSING THE MATERIALS OF A CRIMINAL CASE

Elina Sergeevna Danilyan

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, foxelina@mail.ru

Abstract. Structurally, the article consists of two parts. The first part analyzes statistical data that testify to a significant number of violations of laws registered in Russia in the course of supervising their implementation, including in the course of investigation and inquiry by the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. The works of scientists who make up the theoretical basis in the studied issue of evaluating the materials of a criminal case are analyzed. In the second part, the author reveals the theoretical foundations of the algorithm for assessing preliminary investigation materials, draws attention to a wide range of subjects that can apply the proposed algorithm, analyzes existing assessment methods in the form of fields for assessing criminal law relations, mathematical matrices, as a result of which proposals for their application are put forward. The results of the survey on the methods of verification and evaluation of the materials of the criminal case are presented. The author considers the process of assessing the materials of a criminal case from several positions: one is related to the assessment of evidence from the point of view of the criminal procedure law, the second — from the point of view of the stages of investigation and forensic knowledge. The author substantiates the algorithm for assessing the materials of the preliminary investigation from the standpoint of the stages of the preliminary investigation, highlighting the stage of the pre-investigation check, initial, subsequent and final.

Keywords: preliminary investigation, investigator, head of the investigative body, algorithm, assessment, criminal case, stages of investigation, evidence, admissibility, relevance, credibility, protocol of an investigative action, powers, indictment, quality of the investigation, violations of the law

For citation: Danilyan E. S. The algorithm for assessing the materials of a criminal case. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 60—66, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A157

Ежегодно Генеральной прокуратурой Российской Федерации фиксируется не менее 4 млн нарушений законов при надзоре за их исполнением на досудебной стадии уголовного судопроизводства. В 2022 г. в отчете об основных результатах прокурорской деятельности в части, касающейся надзора за исполнением закона, соблюдением прав человека и гражданина, выявлено 4 212 828 (в 2021 г. — 4 251 163) нарушений закона, на протяжении более пяти лет статистика свидетельствует о наличии достаточно большого количества нарушений законов при производстве следствия и дознания¹. Для изменения такой ситуации в правоохранительных органах, специализирующихся на расследовании уголовных дел, необходимо повышать качество предварительного расследования, где первостепенную роль играет алгоритм оценки материалов предварительного расследования как самим следователем, так и его руководителем.

Ошибки следователей, сотрудников органа дознания при производстве отдельных следственных либо процессуальных действий может повлечь признание доказательств недопустимыми и их исключение из доказательств по уголовному делу. Кроме того, изучение, обобщение как уголовно-процессуальных, так и криминалистических аспектов системной методики оценки и проверки материалов уголовного дела, алгоритмов выявления и устранения технических, процессуальных ошибок и нарушений законодательства будет способствовать повышению качества предварительного расследования, уменьшению количества нарушений закона при расследовании уголовных дел.

Проблема качества материалов предварительного расследования как в теории, так и в практике органов предварительного расследования весьма актуальна. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты оценки процесса предварительного расследования включают в себя исследования, связанные с оценкой доказательств в досудебном производстве, оценкой и анализом произведенных следственных действий и приня-

тых процессуальных решений, качеством предварительного расследования в целом. Вопросы о проблемах предварительного расследования затрагиваются во многих научных работах известных ученых, например О. Я. Баева, В. И. Власова, В. А. Лазаревой, А. М. Ларина, В. Н. Кудрявцевой, Т. Г. Морщаковой, И. Л. Петрухина, С. Б. Россинского и др.

В научной литературе нет единого понимания критериев качества предварительного расследования. Так, одни авторы исследуют непосредственно доказательства, производя их оценку. Например, в работах Р. В. Костенко, Н. В. Профатиловой, В. С. Балакшина, С. Г. Крысина, Н. В. Костовской, В. М. Карпенко, В. М. Бозрова, В. А. Семенцова, И. И. Белохортова, А. И. Паршина, Н. М. Перетяtko, В. Д. Зеленского затронуты вопросы оценки доказательств на различных стадиях уголовного судопроизводства. Другие ученые, такие как А. Д. Назаров, И. М. Комаров, Е. И. Ян, В. П. Климчук, О. А. Попова, А. М. Баранов, Е. С. Лапин, Т. В. Барсукова, уделяют внимание возможным ошибкам в предварительном расследовании, предлагая различные способы их устранения. Третьи (К. С. Степанов, А. Г. Бенер) предлагают авторские критерии качества уголовного судопроизводства.

При анализе вышеупомянутых авторов научных исследований нам не удалось обнаружить диалектического, системно-функционального подхода к методике оценки (уголовно-процессуальной и криминалистической) предварительного расследования. По нашему мнению, сама эта методика нуждается в комплексном анализе.

Исследования в области оценки качества, эффективности и результатов предварительного расследования могут стать основой для разработки уголовно-процессуальных и криминалистических аспектов системной методики оценки материалов уголовного дела, оптимизации качества процесса предварительного расследования.

Процесс оценки материалов предварительного расследования затрагивает различные стадии уголовного судопроизводства, начиная с проверки сообщения о преступлении и заканчивая судебным рассмотрением материалов дела.

Значение слова «оценка» раскрывается в толковых словарях. Например, согласно словарю

¹ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781> (дата обращения: 28.04.2023).

С. И. Ожегова, оценка означает мнение о ценности, уровне или значении чего-либо¹. В Новейшем философском словаре слово «оценка» трактуется как способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта². Таким образом, деятельность по оценке чего-либо связана с мнением оценивающего субъекта по поводу объекта исследования (изучения). Лицо, производящее оценку, опирается на свои знания (гносеологический аспект) и, по нашему мнению, применяет логические методы в данном процессе. Слово «алгоритм» в толковом словаре С. И. Ожегова раскрывается как совокупность действий, правил для решения какой-либо задачи³. В исследовании мы используем данное понятие в значении последовательной совокупности действий субъектов, осуществляющих предварительное расследование.

В уголовно-процессуальном законе нет закрепленной нормы об оценке предварительного расследования, закон предусматривает только оценку доказательств, указывая на правила ее проведения (ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). В уголовно-процессуальном законе среди принципов указана свобода оценки доказательств, что подтверждает ее значимость в уголовном судопроизводстве (ст. 17 УПК РФ).

Несмотря на то что в законе определен четкий перечень субъектов оценки доказательств (судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель), с подобной деятельностью в предварительном расследовании может сталкиваться защитник, обвиняемый на заключительном этапе расследования при ознакомлении с материалами уголовного дела и обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением), потерпевший и его представитель — также при ознакомлении с материалами уголовного дела на указанном этапе расследования. Кроме того, данные субъекты могут столкнуться с возможностью и необходимостью оценки предварительного расследования при ознакомлении с результатами тех следственных действий, в производстве которых они принимали непосредственное участие.

Полагаем, что оценивать качество предварительного расследования, а также доказательства может и руководитель следственного органа, ведь большинство его полномочий в уголовном судопроизводстве связаны именно с предварительным расследованием (ст. 39 УПК РФ): начиная с дачи поручений о производстве предварительного следствия следователю и заканчивая утверждением постановления следователя о прекращении производства по уголовному делу (в том числе изъятие уголовных дел у следователей, проверка материалов проверки сообщения о преступлении, право произвести предварительное следствие в полном объеме). Рассматривая полномочия начальника подразделения дознания, отметим, что они также связаны с оценкой производства дознания по уголовному делу. Руководитель следственного органа и начальник органа дознания первыми оценивают материал доследственной проверки, который поступает для принятия решения о возбуждении уголовного дела из органа дознания. По какой причине перечень субъектов в оценке доказательств ограничен законодателем, как мы описали выше, не совсем ясно. Мы согласны с И. Б. Михайловской и В. М. Карпенко в том, что включение в перечень субъектов, правомочных осуществлять оценку доказательств руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, необходимо [1; 2].

Мы не ставим целью исследовать вопрос необходимости оценки доказательств субъектами, осуществляющими расследование, поскольку уверены в такой необходимости. Такой вид деятельности реализуется при принятии практически всех процессуальных решений (начиная с принятия решения о возбуждении уголовного дела и заканчивая окончанием предварительного расследования), при производстве отдельных следственных действий (как на подготовительном этапе, так и на рабочем). Следователь (дознаватель) независим в своей оценке материалов предварительного расследования, в том числе доказательств, он несет персональную ответственность за принятие процессуального решения по уголовному делу, за результат и качество произведенного следственного действия. Таким образом, следователь (дознаватель) осуществляет оценочную деятельность на протяжении всего производства по делу.

В ходе работы над исследованием на тему «Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты оценки предварительного расследования» было проведено анкетирование следователей органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации в целях получения информации об оценке качества предварительного расследования, отзывов о предложенных алгоритмах такой оценки, а также изучения позиции право-

¹ Толковый словарь С. И. Ожегова. URL: <https://slovar.ozhegova.ru/ozhegov.php> (дата обращения: 01.11.2023).

² Новейший философский словарь. URL: <https://slovar.cc/fil/slovar/2480637.html> (дата обращения: 01.11.2023).

³ Толковый словарь С. И. Ожегова. URL: <https://slovar.ozhegova.ru/ozhegov.php> (дата обращения: 01.11.2023).

применителя по вопросам исследования. На вопрос «Сталкивались ли Вы в своей профессиональной деятельности с методикой проверки и оценки материалов уголовного дела (предварительного расследования)?» 40 % респондентов ответили отрицательно, 60 % опрошенных указали, что все же используют определенную методику проверки материалов уголовного дела, ссылаясь на ведомственные приказы (но не указали, на какие именно). Однако на вопрос: «Знакомы ли Вы с методикой оценивания материалов четырьмя полями в декартовой системе координат, предложенной в учебнике В. А. Михайлова?» 100 % респондентов заявили, что не знакомы и не применяли такие аналитические средства оценки качества предварительного расследования¹.

А. Г. Бенер в диссертационном исследовании «Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона об оценке качества уголовного судопроизводства» [3] проанализировал «поля оценки» уголовно-процессуальных правовых отношений. Четыре поля оценки в уголовно-процессуальном пространстве (в нашем случае в качестве такого пространства возможно рассматривать материалы уголовного дела) представляют собой вариативность ситуаций, которые могут возникнуть в расследовании, например:

- 1) поле позитивных уголовно-процессуальных правоотношений при положительной оценке;
- 2) поле негативных уголовно-процессуальных правоотношений при позитивной оценке;
- 3) поле негативных уголовно-процессуальных правоотношений при негативной оценке;
- 4) поле позитивных уголовно-процессуальных правоотношений при негативной оценке.

В данных полях оценки правоотношения выступают как те или иные действия лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства (подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, свидетели и др.), а непосредственно та или иная оценка дается следователем в принятии им процессуальных решений либо производстве отдельных следственных действий. Очевидно, что негативно оценены могут быть ситуации, связанные с каким-либо нарушением законности, выбором неверной тактики при производстве следственных действий, ошибками в принятии процессуальных решений. Как негативные правоотношения могут рассматриваться

любые нарушения уголовно-процессуального закона, невыполнение требований закона, уклонение от их выполнения.

Использование «полей оценок», на наш взгляд, применимо для проведения научных исследований в области уголовного процесса, криминалистики, поскольку такие поля помогают выстроить определенную матрицу с вариантами нарушений и ошибок, выявить их виды и т. п. Для повседневной деятельности следователя такие оценки весьма сложны в использовании, ему необходимо оценить материалы предварительного расследования с определенной целью — для принятия законного и обоснованного решения.

В научном мире предлагалось несколько вариантов теорий с применением математических оценок в области уголовного судопроизводства. Схожую с проанализированной в диссертационном исследовании А. Г. Бенера систему оценок описал профессор С. Г. Ольков, выдвинув идеи о построении матрицы состояний согласованности точных, субъективных и объективных оценок в системе юридической ответственности и применения мощных математических методов при решении различных юридических задач [4].

В правоприменительной практике ни одна из описанных выше систем оценок не реализована в области предварительного расследования, что подтвердили респонденты, которые не знают об их существовании.

Чаще всего следователь (дознатель; лицо, производящее расследование) оценивает качество, эффективность и результат предварительного расследования в следующих ситуациях:

- 1) получив материал проверки по сообщению (или заявлению) о преступлении для принятия решения о возбуждении уголовного дела либо иного решения;
- 2) получив уголовное дело для производства предварительного расследования;
- 3) при принятии процессуальных решений по делу, требующих исследования и оценки отдельных доказательств в материалах дела;
- 4) на заключительном этапе расследования при (и после) составлении обвинительного заключения (обвинительного акта).

Оценка предварительного расследования связана с его изучением, проверкой.

В первом случае следователь оценивает материалы, проверяя не просто основания и повод для возбуждения уголовного дела, но и соблюдение законности при производстве доследственной

¹ Результаты анкетирования сотрудников следственных подразделений, проходивших повышение квалификации в КрУ МВД России в 2020—2023 гг.

проверки, каким образом принималось заявление, сообщение о преступлении, как проведены следственные действия до возбуждения уголовного дела (те, которые возможно провести на основании уголовно-процессуального закона), в случае, когда сообщению о преступлении предшествовало административное расследование — законность его производства, как собраны следы, объекты, свидетельствующие о преступлении, и др.

С позиции уголовно-процессуального права, сопоставив понятия оценки, проверки, изучения материалов предварительного расследования, мы полагаем, что для следователя начальной точкой в процессе такого познания будет сравнение свойств доказательств для дальнейшего оценивания с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, достаточности (ст. 88 УПК РФ).

В оценке предварительного расследования следователь (как и иной субъект уголовного судопроизводства, имеющий отношение к оценке материалов дела), в первую очередь ориентируется на соблюдение процессуальных норм в материалах дела, фактически речь идет о законности как о главном принципе уголовного судопроизводства. Но без логической оценки материалов предварительного расследования такой процесс нельзя назвать полноценным. С помощью логических приемов происходит познание при исследовании материалов предварительного расследования.

В. А. Лазарева отмечала, что «наибольшее число допущенных в следственной и судебной практике ошибок связано с односторонностью или неполнотой исследования обстоятельств дела, нарушением правил собирания доказательств, неправильной оценкой доказательств, что влечет за собой принятие незаконных, необоснованных и несправедливых решений по уголовному делу» [5]. В связи с этим мы полагаем уместным рассматривать метод оценки материалов уголовного дела с методом оценки доказательств в деле: законность и установление относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — с точки зрения достаточности для разрешения дела.

Исходя из требований закона, совокупность таких свойств доказательств является базисом для всестороннего, полного и объективного исследования материалов предварительного расследования. Необходимо согласиться с К. В. Лаврушкиной, которая пишет, что «отсутствие элемента в оценке доказательств делает невозможным использование факта как доказательства в конкретном уголовном деле» [6].

Полагаем, что оценку процесса предварительного расследования возможно рассматривать как систему оценки доказательств в уголовном деле, в основе которой свойства (критерии) доказательств в своей совокупности (относимость, допустимость, достоверность и достаточность), базирующиеся на принципах законности и обоснованности.

В исследовании О. А. Науменко, посвященном вопросам криминалистического анализа качества предварительного расследования, было указано два варианта начала оценки предварительного расследования: «1) с изучения и оценки обвинительного заключения, сопоставляя с содержанием материалов уголовного дела; 2) с изучения постановления о возбуждении уголовного дела и материалов доследственной проверки». Согласимся с существованием обоих вариантов в практике следователей, так как следователь, заканчивая производство, уделяет особенное внимание составлению обвинительного заключения. Необходимо также согласиться с автором в том, что в случае выбора алгоритма оценки первого варианта могут возникнуть ошибки и просчеты со стороны субъекта, осуществляющего предварительное расследование: «Недопустимые доказательства не будут включены в обвинительное заключение, а обстоятельства, при которых они были получены, могут иметь значение для оценки материалов дела» [7].

Мы убеждены в том, что алгоритм оценки предварительного расследования необходимо начинать с изучения оснований и поводов для возбуждения уголовного дела — материалов проверки сообщения или заявления о преступлении. Субъект, производящий оценку материалов предварительного расследования, должен четко понимать и знать систему обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию. В каждом уголовном деле перечень обстоятельств, подлежащих установлению, не полностью совпадает с закрепленным уголовно-процессуальным законом (ст. 73 УПК РФ), так как с точки зрения криминалистических знаний, устанавливая способ совершения преступления, необходимо установить и способ подготовки, совершения и сокрытия преступления (в некоторых случаях и многоструктурный способ совершения, например, вымогательства, где в установление способа совершения должен входить и способ завладения имуществом). Без криминалистических знаний невозможно полноценно оценить качество предварительного расследования. Мы предлагаем рассматривать алгоритм оценки с позиции этапов предварительного расследования: этап

доследственной проверки, первоначальный, последующий и заключительный этапы.

Итак, на основании изложенного полагаем возможным выделить следующий алгоритм оценки материалов уголовного дела (предварительного расследования):

1) изучение постановления о возбуждении уголовного дела, поводов и оснований для принятия решения (объяснений, заявлений, протоколов осмотра места происшествия, иных материалов, собранных до принятия решения о возбуждении дела);

2) изучение материалов дела, составленных на первоначальном этапе расследования (протоколов допросов потерпевших, свидетелей, подозреваемых, протоколов осмотра, иных следственных действий, произведенных на данном этапе);

3) изучение материалов дела на последующем этапе (чаще всего это протоколы очных ставок, протоколы проверки показаний на месте и др.);

4) изучение материалов дела на заключительном этапе расследования (обвинительного заключения, ходатайств, заявлений и жалоб, поданных после ознакомления с заключением участниками

предварительного расследования, ответов на ходатайства, иных протоколов и др.).

На каждом из предложенных этапов алгоритма необходимо оценивать имеющиеся в деле доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ).

При предложенном алгоритме необходимо учитывать особенности реквизитов протоколов следственных действий, обращать внимание на технические ошибки, наличие обязательных участников при производстве следственных действий, их подписей. На наш взгляд, внедрение предлагаемого алгоритма в деятельность руководителей следственных подразделений, уполномоченных проверять материалы уголовных дел, будет способствовать наиболее эффективной и оперативной проверке законности, обоснованности, достаточности и достоверности доказательств в проверяемом уголовном деле, установлению ошибок в расследовании и скорейшему их устранению со стороны следователей и дознавателей.

1. Карпенко В. М. Оценка доказательств следователем и дознавателем в досудебном производстве по уголовным делам: монография. Москва: ВНИИ МВД России, 2009. 164 с.

2. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). Москва: Проспект, 2003. 142 с.

3. Бенер А. Г. Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2007. 189 с.

4. Ольков С. Г. Математическое моделирование законного, обоснованного и справедливого приговора по уголовному делу // Публичное и частное право. 2012. № 2 (14). С. 142—151. Его же. Аналитическая юриспруденция: учеб. 3-е изд. Сургут: Изд. центр Сургут, 2012. 1125 с.; Его же. Публичное и частное право. 2012. № 1 (13). С. 213—215; Его же. Матрица состояний согласованности точных, субъективных и объективных оценок в системе юридической ответственности. Вероятность нахождения системы судей в справедливом и несправедливом состоянии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4 (14). С. 26—30.

1. Karpenko V. M. Evaluation of evidence by the investigator and interrogator in pre-trial proceedings in criminal cases. Monograph. Moscow: All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs; 2009: 164. (In Russ.).

2. Mikhailovskaya I. B. Goals, functions and principles of Russian criminal justice (criminal procedural form). Moscow: Prospekt, 2003: 142. (In Russ.).

3. Bener A. G. Evaluation of the quality of criminal proceedings: identification and prevention of violations of the criminal procedure law. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Surgut; 2007: 189. (In Russ.).

4. Olkov S. G. Mathematical modeling of a legal, justified and fair sentence in a criminal case. Public and private law, 142—151, 2012. (In Russ.). Idem. Analytical jurisprudence. Textbook. 3rd ed. Surgut: Idem. Publishing Center Surgut; 2012: 1125. (In Russ.); Idem. Public and private law, 213—215, 2012. (In Russ.); Idem. Matrix of consistency states of accurate, subjective and objective assessments in the system of legal responsibility. The likelihood of finding the system of judges in a fair and unfair state. Bulletin of the Kazan Institute of Law of the Russian Ministry of Internal Affairs, 26—30, 2013. (In Russ.).

5. Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие. Самара: Самарский ун-т, 2007. 302 с.

6. Лаврушкина К. В. Правовые свойства доказательств // NovalInfo.Ru. 2021. № 125. С. 25—26.

7. Науменко О. А. К вопросу о криминалистическом анализе качества предварительного расследования // Общество и право. 2022. № 2 (80). С. 83—87.

5. Lazareva V. A. Problems of proof in the modern criminal process in Russia. Training manual. Samara: Samara university; 2007: 302. (In Russ.).

6. Lavrushkina K. V. Legal properties of evidence. NovalInfo.Ru, 25—26, 2021. (In Russ.).

7. Naumenko O. A. On the issue of forensic analysis of the quality of the preliminary investigation. Society and law, 83—87, 2022. (In Russ.).

Данильян Элина Сергеевна,

начальник кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
foxelina@mail.ru

Danilyan Elina Sergeevna,

head of the department of criminalistics
of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
candidate of juridical sciences, docent;
foxelina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 14.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 341.44
doi: 10.25724/VAMVD.A158

КОНКУРЕНЦИЯ НОРМАТИВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ И НАУЧНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ В ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА «ЭКСТРАДИЦИЯ»

Оксана Сергеевна Колосович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 1019810198@mail.ru

Аннотация. В нормативных правовых актах различного уровня, в официальных документах, юридической литературе нет единого понимания терминов «выдача», «передача», «экстрадиция». Понятие «экстрадиция» в отечественных нормативных правовых актах, регулирующих экстрадиционную деятельность, отсутствует. В локальных актах и юридической литературе термин «экстрадиция» применяется в различных смыслах: от выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора и транзитной перевозки выданных лиц до выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, транзитной перевозки выданных лиц, передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является или постоянно в нем проживает, либо для применения принудительных мер медицинского характера. Непоследовательное использование терминов «экстрадиция», «выдача», «передача» означает отсутствие их четкого понимания, следовательно, велики риски негативных последствий как для правоприменителя, так и для лица, в отношении которого принимается решение о выдаче, препятствует развитию нормативного регулирования экстрадиционного производства. Сделан вывод, что процесс развития международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства обусловил трансформацию терминов «экстрадиция», «выдача», «передача». В современных условиях выдача и передача признаются различными процедурами, но представляется логичным объединить их общим термином «экстрадиция».

Ключевые слова: экстрадиция, выдача, передача, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства

Для цитирования: Колосович О. С. Конкуренция нормативных положений и научных воззрений в понимании термина «экстрадиция» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 67—72. doi: 10.25724/VAMVD.A158

COMPETITION OF REGULATION AND SCIENTIFIC VIEWS IN THE UNDERSTANDING OF THE TERM "EXTRADITION"

Oksana Sergeevna Kolosovich

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 1019810198@mail.ru

Abstract. There is no common understanding of the terms "extradition", "transfer", "extradition" in normative legal acts of various levels, in official documents, legal literature. There is no concept of the term "extradition" in domestic regulatory legal acts regulating extradition activities. In local acts and legal literature, the term "extradition" is used in various senses: from the extradition of a person for criminal prosecution or execution of a sentence and transit transportation of extradited persons, to the extradition of a person for criminal prosecution or execution of a sentence, transit transportation of extradited persons, transfer of a person sentenced to imprisonment to serve a sentence in a State, a citizen of which it is or permanently resides in it, or for the application of compulsory medical measures. Inconsistent use of the terms "extradition", "extradition", "transfer" means the lack of a clear understanding of them, therefore, the risks of negative consequences for both the law enforcement officer and the person against whom the decision on extradition is made are great, hinders the development of regulatory regulation of extradition proceedings. It is concluded that the process of development of international cooperation in the field of criminal justice has led to the transformation of the terms "extradition", "extradition",

"transfer". In modern conditions, "extradition" and "transfer" are recognized as different procedures, but it seems logical to combine them with the general term "extradition".

Keywords: extradition, rendition, transfer, international cooperation in criminal proceedings

For citation: Kolosovich O. S. Competition of regulation and scientific views in the understanding of the term "extradition". Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 67—72, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A158

Глобализация общества серьезно повлияла на миграцию, которая стала неотъемлемой частью современного мира, в том числе в России. По данным МВД России, миграционная активность в нашей стране растет. Так, территориальными органами иностранным гражданам и лицам без гражданства в 2020 г. оформлено 224 666 виз временно проживающего лица, в 2021 г. — 216 442, в 2022 г. — 299 569; разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства в 2020 г. оформлено 62 686, в 2021 г. — 93 031, в 2022 г. — 95 328; количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в 2020 г. — 9 802 448, в 2021 г. — 13 392 897, в 2022 г. — 16 870 094 (см. рис.)¹. По данным Государственной информационной системы миграционного учета, из прибывших

в 2020 г. на территорию Российской Федерации 85,4 % граждане СНГ².

Международная миграция стала важным фактором, влияющим на развитие различных отраслей экономики нашего государства. Однако сопутствующим фактором роста миграции стал рост преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства: в 2020 г. — 34 400, в 2021 г. — 36 420, в 2022 г. — 40 154, а также рост преступлений, совершенных в отношении них: в 2020 г. — 15 981, в 2021 г. — 15 961, в 2022 г. — 16 082 (см. рис.)³.

² Результаты реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» в 2020 году // мвд.рф: сайт. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2126203> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Показатели преступности России. Портал правовой статистики // crimestat.ru: сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 01.07.2023).

¹ Статистические сведения по миграционной ситуации // мвд.рф: сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 01.07.2023).

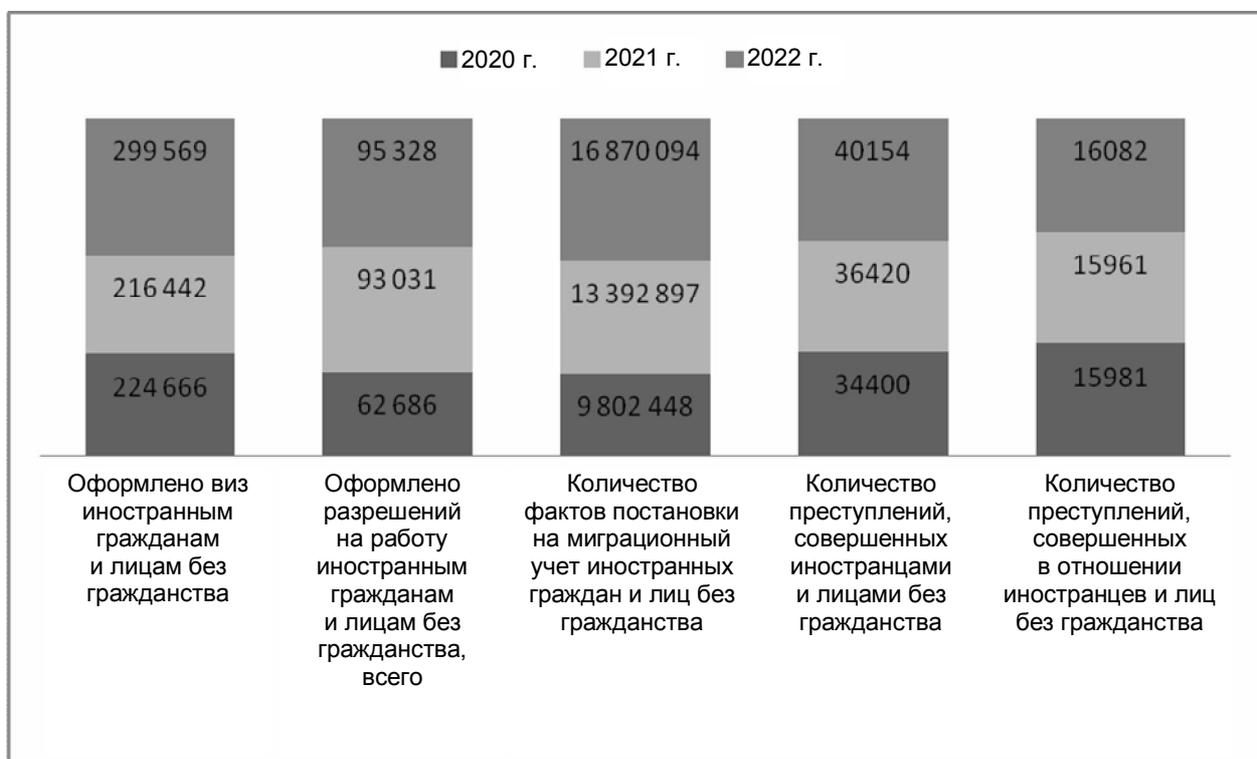

Рис.

Обычной практикой стал выезд за границу граждан Российской Федерации с целью избежать привлечения к уголовной ответственности. По-прежнему актуальными остаются ИТ-преступления, совершенные удаленно, в том числе на территории иностранного государства. Для эффективного расследования подобного вида преступлений и в разумный срок необходимо сотрудничество между государствами и их правоохранительными органами, международными организациями. Например, по официальным данным МВД России, в 2020 г. в международный розыск объявлено 1,2 тыс. преступников, а для розыска через каналы Интерпола — 8,3 тыс. (+12,4 %) обвиняемых (подозреваемых), установлено местонахождение 228 обвиняемых, из них задержано 166¹.

В сложившихся условиях важнейшим направлением международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является выдача лиц. Данное сотрудничество осуществляется с 80 странами, чаще всего со странами СНГ (особенно Белоруссией и Узбекистаном), а также Ираком, Эквадором, Камбоджей, Египтом, Перу и Марокко. В результате десяти лет работы Россией направлено «свыше пяти тысяч запросов о выдаче лиц для уголовного преследования и исполнения приговора суда, рассмотрено более 19 тысяч таких запросов, поступивших из-за рубежа»².

Несмотря на то что выдача является древним и важным направлением международного сотрудничества, в юриспруденции рассматриваемый термин не получил однозначного понимания, более того, он часто подменяется термином «экстрадиция». Существующее нормативное регулирование данного вида международного сотрудничества не способствует разрешению этого вопроса. Вместе с тем непоследовательное применение терминов и, соответственно, отсутствие их четкого понимания влечет за собой негативные последствия как для правоприменителя, так и для лица, в отношении которого принимается решение о выдаче. Если в начале формирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизвод-

ства неоднозначное понимание терминов объяснимо, то в современных условиях такой подход недопустим.

Примером применения законодателем различной терминологии может служить выдача, регулируемая несколькими отраслями права:

— в ч. 2 ст. 63 Конституции РФ применяется словосочетание «Выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления...»;

— в ст. 13 УК РФ — «Выдача лиц, совершивших преступление», выдача «...для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания...»;

— в гл. 54 УПК РФ — «Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора».

Такой подход отечественного законодателя не удивляет, так как традиция применения различной терминологии была известна исследователям еще по памятникам древнерусского права. Более того, термин «выдача» употреблялся с момента появления письменных источников русского права: в ст. 11 Русской Правды Краткой редакции и ст. 12 Договора Руси с Византией 911 г. говорится о «выдаче челядина», в ст. 13а, 14 Договора Руси с Византией 911 г. — о «выдаче преступника». В одних работах, посвященных исследованию памятников древнерусского права, термин «выдача челядина» отождествляют с термином «выдача преступника» [1], в других эти термины по своему содержанию различались, поскольку челядин не свободное лицо и не мог быть признан субъектом преступления [2].

В более поздних источниках русского права к выдаче преступников приравнивалась выдача перебежчиков. Так, согласно договору со Швецией 1649 г., выдавались преступники и другие перебежчики с территории договорившихся государств [3].

Если мы обратимся к нормативным актам, содержащим основные положения по регулированию экстрадиционной деятельности как национального, так и международного характера, то увидим, что термин «экстрадиция» не применяется, а содержание деятельности по выдаче в международных и национальных актах в целом регламентируется единообразно. Например, Европейская конвенция о выдаче 1957 г., Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1947 г.³, ст. 61, 63 Конституции РФ,

¹ Результаты реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» в 2020 году // мвд.рф: сайт. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2126203> (дата обращения: 01.07.2023).

² Интервью начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ Петра Городова информационному агентству РИА Новости 12 января 2021 г. // epp.genproc.gov.ru: сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=58085835> (дата обращения: 01.07.2023).

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1947 г. «Выдача преступников войны и изменников». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ст. 13 УК РФ, гл. 54 УПК РФ, Указание Генеральной прокуратуры РФ от 5 марта 2018 г. № 116/35¹.

Аналогичная терминология применяется и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 с разъяснением практики рассмотрения выдачи и передачи лиц².

Что касается термина «экстрадиция», то сфера его применения в России — это прежде всего подзаконные нормативные акты, официальная документация и юридическая литература. Например, в приказе Федеральной службы исполнения наказаний от 28 августа 2010 г. № 387³, п. 57.1 приказа Минюста России «Об утверждении Наставления по связи в уголовно-исполнительной системе» от 13 июня 2007 г. № 123⁴.

В отдельных документах выдача и экстрадиция употребляются как синонимы. Например, в п. 1.5.4 приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 124⁵, в подп. 5 п. 3 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний⁶, в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 г.⁷

¹ О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора: указание Генеральной прокуратуры РФ от 5 марта 2018 г. № 116/35. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О мерах по совершенствованию информационно-аналитической деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 28 августа 2010 г. № 387. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Наставления по связи в уголовно-исполнительной системе: приказ Минюста РФ от 13 июня 2007 г. № 123. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 июня 2021 г. № 124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

Исключением можно назвать положения Федерального закона «О полиции», содержащие в себе оба термина — в п. 13 ч. 2 ст. 14 выдачу и п. 43 ч. 3 ст. 17 экстрадицию. И если используемый в законе термин «выдача» вписывается в понимание Европейской конвенции о выдаче 1957 г. и гл. 54 УПК РФ, то определить, в какой сфере деятельности употребляется термин «экстрадиция», крайне затруднительно. В подзаконных правовых актах содержание термина «экстрадиция» по смыслу совпадает с термином «выдача».

В юридической литературе в целом можно выделить три точки зрения:

1) термины «выдача» и «экстрадиция» обозначают разные виды деятельности [4];

2) термины «выдача» и «экстрадиция» одинаковые по своему содержанию, однако применять предпочтительнее более универсальный термин «экстрадиция» [5];

3) термин «экстрадиция» объединяет в себе выдачу и передачу. Например, А. Г. Вениаминов экстрадицией называет выдачу, передачу осужденных лиц для отбывания наказания в государство, гражданами которого они являются или постоянно в нем проживают, передачу для применения принудительных мер медицинского характера [6].

Логика присуща каждой из изложенных точек зрения, так как наиболее древним является термин «выдача», а термин «экстрадиция» впервые был применен Францией в декрете от 19 февраля 1791 г., регламентировавшем отдельные процедуры выдачи (переводе с лат. — передача извне) [7].

Термин «передача» также понимается неоднозначно. В международных актах содержание этого термина шире, чем в гл. 55 УПК РФ, так как, помимо передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, тоже содержит передачу осужденных или подозреваемых для исполнения приговора или для уголовного преследования, если выдан ордер на арест или иное судебное решение, подлежащее принудительному исполнению (ст. 21 Рамочного решения Совета Европейского Союза о европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами от 13 июня 2002 г. № 2002/584/ПВД)⁸, или передачу обвиняемых Международному уголовному суду (Римский статут Международного уголовного

⁸ О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами: рамочное решение Совета Европейского Союза от 13 июня 2002 г. 2002/584/ПВД. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

суда 1998 г.), или передачу лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения (Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения 1997 г.).

В контексте проводимого исследования вызывает интерес то, что целью заменены экстрадиции на передачу объявлена необходимость отмены государствами Евросоюза формальной процедуры экстрадиции (п. 1 преамбулы Рамочного решения Совета Европейского Союза от 13 июня 2002 г. № 2002/584/ПВД). Таким образом, с позиции международного права различие между выдачей и передачей стало не столь очевидным: принудительный характер выдачи распространяется на передачу лиц на основании Европейского ордера на арест; передаче подлежат не только осужденные, но и лица, страдающие психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения.

Вместе с тем общими чертами выдачи и передачи можно назвать стремление договаривающихся

государств к единообразию в процедурном вопросе, обеспечение соблюдения прав и свобод граждан и лиц без гражданства, защита собственных граждан, доставка лица из одного государства в другое. Представляется неслучайным применение законодателем в ст. 467 УПК РФ словосочетания «передача выдаваемого лица». Общей для обеих процедур является согласованная деятельность двух и более государств в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что в процессе развития международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства произошла трансформация правовой природы экстрадиции, выдачи, передачи. В современных условиях выдача и передача признаются различными процедурами, однако, принимая во внимание решение одних задач и единую природу, очевидно, что они представляют собой самостоятельные части одного целого, т. е. экстрадиции.

1. См., напр.: Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2002. 462 с.

2. См., напр.: История государства и права СССР. Ч. 1 / под ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 280 с.

3. Таганцев Н. С. Курс уголовного права. Часть общая: лекции. 2-е изд., пересмотр. и доп. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1902. 815 с.

4. См., напр.: Воронин О. В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 37—40.

5. См., напр.: Джигирь А. И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 26 с.

6. Вениаминов А. Г. Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 28 с.

7. Бойцов А. И. Выдача преступников. Санкт-Петербург: Юрид. центр, 2004. 474 с.

1. See, for example: Volevodz A. G. Legal foundations of new directions of international cooperation in the field of criminal procedure. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2002: 462. (In Russ.).

2. See, for example: The History of State and Law of the USSR. Part 1. Ed. by O. I. Chistyakov, I. D. Martysevich. Moscow: Publishing House of Moscow university; 1985: 280. (In Russ.).

3. Tagantsev N. S. Course of criminal law. General part: lectures. 2nd ed. Saint Petersburg: State Printing House; 1902: 815 (In Russ.).

4. See, for example: Voronin O. V. On the concept, content, types, types and established models of extradition. Criminal Justice, 37—40, 2018. (In Russ.).

5. See, for example: Dzhigir A. I. Institute of Extradition of persons who have committed a crime: problems of criminal law regulation. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2008: 26. (In Russ.).

6. Veniaminov A. G. Institute of extradition as a form of international legal cooperation of the Russian Federation in the field of criminal proceedings. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2010: 28. (In Russ.).

7. Boitsov A. I. Extradition of criminals. Saint Petersburg: Law Center; 2004: 474. (In Russ.).

Колосович Оксана Сергеевна,
докторант научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
1019810198@mail.ru

Kolosovich Oksana Sergeevna,
doctoral student of the research department
of Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
1019810198@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 20.06.2023; approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.4

doi: 10.25724/VAMVD.A159

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НАУКА И ДИАЛЕКТИКА**Геннадий Алексеевич Печников***, **Наталья Алексеевна Соловьева****, **Олейник Екатерина Андреевна*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,

egonatalex@yandex.ru

** Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,

solovievana@volsu.ru

*** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,

yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Аннотация. В статье доказывается необходимость распространения логики материалистической диалектики как всеобщей объективной закономерности внешнего мира и человеческого мышления на право, включая уголовный процесс, и на науку уголовного процесса. Критикуется теоретическая позиция, определяющая уголовно-процессуальную науку через концептуально-сопоставительную сущность действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в котором сопоставительность — самоцель, сопоставлением сторон определяется победитель уголовно-правового спора, а объективная истина и диалектика отрицаются. Когда руководствуются не правилами диалектики, а «правилами игры» в сопоставительном процессе, в котором все «осопоставительствовано»: и цель, и принципы уголовного судопроизводства, и институт прав личности, все релятивно, относительно, все зависит от силы сторон: кто сильнее — тот и прав, тогда будет «осопоставительствована» и уголовно-процессуальная наука. В таком процессе осуществляется тавтологический подход — «сопоставление для сопоставления», сопоставлением сторон определяется победитель, позиция которого может не соответствовать действительности, по делу устанавливается вероятная формально-юридическая истина. В статье критикуются и метод рефлексии в уголовно-процессуальной науке как чисто субъективный метод, и теория «интерпретации реальности», когда исходят из юридической (правовой) реальности, а материалистическая теория отражения отвергается, и подход, основанный на «плюрализме методологии» (у каждого своя методология). Обосновывается вывод о том, что объективно-истинная модель уголовного судопроизводства — более высокий тип процесса, чем сопоставительный уголовный процесс, что диалектико-материалистическая методология — истинно научная методология, в отличие от идеалистической рефлексорной методологии в науке.

Ключевые слова: наука, материалистическая диалектика, объективная закономерность, метод, сопоставительный уголовный процесс (УПК РФ), объективно-истинный уголовный процесс, объективная истина, формально-юридическая истина, релятивизм, рефлексия, идеализм, плюрализм, методология

Для цитирования: Печников Г. А., Соловьева Н. А., Олейник Е. А. Уголовно-процессуальная наука и диалектика // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 73—80. doi: 10.25724/VAMVD.A159

CRIMINAL PROCEDURE SCIENCE AND DIALECTICS**Gennady Alekseevich Pechnikov***, **Natalya Alekseevna Solovieva****, **Ekaterina Andreevna Oleinik*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, egonatalex@yandex.ru

** Volgograd State University, Volgograd, Russia, solovievana@volsu.ru

*** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Abstract. The article proves the need to extend the logic of materialistic dialectics as a universal objective regularity of the external world and human thinking to law, including the criminal process, and to the science of the criminal process. It criticizes the theoretical position that defines criminal procedural science through the conceptual and adversarial essence of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in which adversarialism is an end in itself, the competition of the parties determines the winner of a criminal legal dispute,

and objective truth and dialectics are denied. When they are guided not by the rules of dialectics, but by the "rules of the game" in a competitive process in which everything is "competitive" and the goal, the principles of criminal justice, and the institution of individual rights, everything is relative, relatively, everything depends on the strength of the parties: whoever is stronger is the one rights; then the science of criminal procedure will also be "competitive". In such a process, a tautological approach is carried out — "competition for competition", the competition of the parties determines the winner, whose position may not correspond to reality, the probable formal legal truth is established in the case. The article criticizes the reflection method in criminal procedure science as a purely subjective method. The theory of "interpretation of reality" is criticized, when they proceed from legal (legal) reality, and the materialistic theory of reflection is rejected. The approach based on "methodological pluralism" (each has its own methodology) is criticized. The conclusion is substantiated that the objectively true model of criminal proceedings is a higher type of process than the adversarial criminal process, that the dialectical-materialistic methodology is a truly scientific methodology, in contrast to the idealistic reflex methodology in science.

Keywords: science, materialistic dialectics, objective regularity, method, adversarial criminal procedure (CPC of RF), objectively true criminal procedure, objective truth, formal legal truth, relativism, reflection, idealism, pluralism, methodologies

For citation: Pechnikov G. A., Solovieva N. A., Oleinik E. A. Criminal procedure science and dialectics. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 73—80, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A159

Существует такое определение науки: «Наука — система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления, а также отдельная отрасль таких знаний» [1, с. 601]. Например, наука уголовного процесса.

В понимании науки для нас важен термин «закономерность». С нашей точки зрения, речь идет об объективных закономерностях, т. е. независимых от субъективного сознания и воли человека и всего человечества. И такой объективной закономерностью для нас может быть только материалистическая диалектика. «...всему познанию человека вообще свойственна диалектика» [2, с. 321], всеобъемлющие и универсальные законы которой необходимо учитывать и в уголовном процессе как отрасли права, и в уголовно-процессуальной науке.

«Диалектика есть наука об общих законах движения, как внешнего мира, так и человеческого мышления» [3, с. 276].

Диалектика одновременно и логика, и теория познания материалистического мировоззрения.

Ядро диалектики — закон единства и борьбы противоположностей. Развитие вообще есть борьба противоположностей.

Применительно к уголовному процессу необходим учет таких диалектических противоположностей, как наука и практика, незнание и знание, цель и средства, форма и содержание, вероятность и достоверность, истина и заблуждение, субъективное и объективное, презумпция невиновности и презумпция виновности. И доказательно-познавательный процесс движения в уголовном процессе должен осуществляться диалек-

тически: от незнания к знанию, от тайного к явному, от следствия к причине, от вероятности к достоверности, от версии к истине, от субъективного к объективному.

Наука уголовного процесса также призвана ориентировать уголовный процесс на диалектику, т. е. не на вероятную истину, а на достижение достоверных знаний, на установление объективной истины, того, что было на самом деле, фактических обстоятельств уголовного дела. Следовательно, судьям доступно объективное знание, достоверная истина. Для нас диалектический подход — это подлинно научный подход. Всеобщие диалектические закономерности распространяются на природу, общество, право, науку, методологию.

Известно, что древнегреческие софисты исходили из принципа: «человек — мера всех вещей», что никаких объективных знаний нет, есть только «мнения» — у каждого индивида свое. Софисты объявляли фиктивными всякие общие определения и понятия. Это относится к «истине вообще», «справедливости вообще» и к чему бы то ни было «вообще» [4, с. 121—124]. Для софистов все относительно, условно, релятивно, ничего абсолютного нет. Они отрицали существование каких-либо объективных закономерностей вне человека и человечества. К слову сказать, от того, что кто-то не признает объективную диалектику, она от этого не перестает существовать и осуществлять свое непреложное действие.

Представляется, что современный законодатель точно так же, как и древнегреческие софисты, в действующем УПК РФ не приемлет ни диалектику, ни объективную истину (слово «истина»

в УПК РФ вообще отсутствует). Стало быть, для отечественного законодателя в состязательном уголовном процессе на манер софистов все относительно, условно, релятивно и никаких абсолютных ценностей нет.

Интересно такое определение науки уголовного процесса: «это система знаний о закономерностях уголовно-процессуальной деятельности по применению норм уголовно-процессуального закона для разрешения уголовно-правового спора» [5, с. 16].

Как видим, А. Ю. Афанасьев выводит определение уголовно-процессуальной науки исходя из самой концептуальной сущности действующего УПК РФ, в котором все подчинено и все определяется состязательностью сторон и не выходит за рамки состязательности. Словом, в состязательном уголовном процессе буквально все «осостязательствовано»: и принципы уголовного судопроизводства, и правовые институты, и само представление об уголовно-процессуальной науке, если оно формируется на основе состязательного УПК РФ. Выходит, не уголовный процесс соотнобразывается с наукой уголовного процесса, а, наоборот, наука соотнобразывается с состязательной сущностью либерального уголовного процесса России, в котором, на наш взгляд, реализуется искомый подход: кто сильнее в поединке сторон — тот и прав. По делу устанавливается формально-юридическая истина, поскольку позиция победителя может не соответствовать реальной действительности.

В своем определении уголовно-процессуальной науки А. Ю. Афанасьев употребляет термин «закономерность», однако, по всей видимости, речь идет не о диалектической закономерности (единстве и борьбе противоположностей), а о «закономерностях» состязательного уголовного процесса, сводимых к элементарным формальным правилам («правилам игры»), продиктованным самой сущностью состязательного поединка между государством и личностью, в котором государство только сторона (сторона обвинения), противостоящая на равных личности как стороне защиты. Эти правила таковы: уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон; стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (ст. 15 УПК РФ); в состязании побеждает сильнейший; если сторона не выигрывает уголовно-правовой спор, то она его проигрывает, третьего не дано. Отсюда состязательный уголовный процесс (УПК РФ) правомерно называть «выигрышно-проигрышным» процессом. В состязательном уголовном процессе состязательность самодостаточна, состязательность — самоцель. Следовательно,

в объективной истине никакой надобности нет, так как все решается самим состязанием сторон — определяется победитель. В этом вся логика состязательного процесса.

И уголовно-процессуальная наука, если она подчинена состязательной концептуальной сущности действующего УПК РФ, естественно, тоже будет выражать эту самую состязательную суть и, естественно, отрицать возможность установления объективной истины в состязательном уголовном процессе в силу самодостаточности самой состязательности.

Не случайно А. Ю. Афанасьев указывает на недостижимость в уголовном процессе такой цели, как установление объективной истины, и считает, что «достижимой, универсальной и всеохватной целью уголовного процесса должно выступить разрешение уголовно-правового спора» [5, с. 15—16].

Любая наука невозможна без определенной методологии. Соответственно, методология уголовно-процессуальной науки, построенная на основе состязательного уголовного процесса, подчиненная его состязательной (выигрышно-проигрышной) логике, так или иначе, тоже будет носить состязательный характер. Вот так об этом пишет А. Ю. Афанасьев: «Методология уголовно-процессуальной науки, обусловленная уголовно-процессуальной деятельностью по применению уголовно-процессуального закона для разрешения уголовно-правового спора, определяет всю парадигму и организацию науки уголовного процесса» [5, с. 125].

Как видим, и методология, и сама уголовно-процессуальная наука, и ее организация, основанные на состязательной сущности УПК РФ, также будут «осостязательствованы».

Сама сущность состязательного уголовного процесса, на наш взгляд, носит тавтологический характер поскольку в нем осуществляется искомый подход: «состязание для состязания» (все в пределах состязания), состязанием сторон выявляется сильнейший, победитель. Подход «состязание для состязания» выражается формулой формально-логического закона тождества: «А=А» (отказ от противоречия). Тем самым и методология уголовно-процессуальной науки, основанная на природной сущности состязательного уголовного процесса, не выходит за пределы тавтологического закона тождества («А=А»), где нет места диалектике, подлинно научного метода, выражаемого формулой «А и не — А» (диалектическое противоречие).

Однако диалектика, на наш взгляд, — это прерогатива совсем иного типа (модели) уголовного процесса, а именно объективно-истинного процесса, который в настоящее время остается невосстановленным.

Современным реалиям больше соответствует состязательный (выигрышно-проигрышный) вид уголовного процесса, в котором торжествует «право сильного» и в котором все относительно, а абсолютные ценности не приемлются. Относительна в нем и значимость личности, ее права и свободы, так как в состязании все зависит от силы сторон: в действительности виноватый в поединке, благодаря многоопытным адвокатам, может выиграть процесс (дело) и остаться безнаказанным, а невиновный — проиграть процесс и пострадать безвинно. Не случайно в состязательном уголовном процессе (УПК РФ) отсутствует принцип неотвратимости ответственности виновных. Отличие виновного от невиновного в состязательном процессе носит, с нашей точки зрения, выигрышно-проигрышный характер.

Далее мы хотим акцентировать внимание на том, что современный состязательный УПК РФ, вопреки требованиям диалектики, — это процесс на уровне одних только средств. Ведь состязательность сторон — это только принцип уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ), а принципы как таковые — по своей природе это только средства — необходимые средства для достижения определенной цели, обязательно отличной от средств. Средства не должны подменять собой цель, средства не должны становиться самоцелью, «состязанием для состязания», а должны служить достижению цели, обязательно возвышающейся над средствами, если подходить научно, т. е. диалектически.

Средства не должны замыкаться на себя. Но в том-то и суть, что такой высокой, отличной от средств, цели в состязательном УПК РФ нет, а имеются одни лишь узкопрагматические, состязательно-выигрышные цели сторон обвинения и защиты, т. е. есть «цели» на уровне средств или «частные цели» на уровне «состязания для состязания», а необходимой общей высокой цели, которая бы выходила за границы состязательности, в состязательном уголовном процессе нет. В этом плане актуальна мысль диалектика Сократа. «По Сократу не только каждое отдельное действие должно руководиться известной целью, но, кроме того, должна существовать единая общая и высшая цель, которой подчиняются все частные цели и которая представляет собой безусловное высшее благо» [6, с. 68].

Но такая «общая и высшая цель», по нашему мнению, возможна лишь в объективно-истинной модели уголовного процесса, в которой принципы процесса (включая и состязательность) — лишь необходимые средства для достижения объективно-истинной цели.

Для сравнения следует отметить, что обвинение как таковое в состязательном процессе носит односторонний, исключительно состязательно-выигрышный характер, тогда как в объективно-истинной модели процесса обвинение структурировано более сложно. С одной стороны, обвинение действительно обусловлено для этого наличием достаточных доказательств, с другой стороны, предъявленное лицу обвинение — это составная часть процесса познания, установления объективной истины по уголовному делу.

Полагаем, что объективно-истинная модель уголовного процесса — это более высокий тип уголовного судопроизводства (в котором права личности не относительная, а абсолютная ценность), в отличие от современного состязательного (выигрышно-проигрышного) процесса.

На всем протяжении своей монографии А. Ю. Афанасьев упоминает о *рефлексии*. Рефлексия — это нечто субъективное, индивидуальное. У каждого своя рефлексия, свое восприятие, свое психическое отношение к чему бы то ни было.

Согласно «Толковому словарю русского языка» С. Н. Ожегова: «Рефлексия — размышление о своем психическом состоянии, склонность анализировать свои переживания» [1, с. 1015].

Рефлексия у А. Ю. Афанасьева выступает основным методом и, по сути, целостной методологией его научного подхода: «Введение в уголовно-процессуальную науку от начала и до конца есть результат нашего восприятия современного состояния науки уголовного процесса — результат внутринаучной рефлексии» [5, с. 6]. А. Ю. Афанасьев подчеркивает, что «отсутствие рефлексии относительно организации уголовно-процессуальной науки нами было установлено как условие, исключающее методологичность всей науки... мы практически одновременно занимали позицию исследователя-ученого и рефлексивную позицию, которая позволяла представить науку уголовного процесса вне ее самой» [5, с. 4—5].

По сути, о рефлексии, об обязательной необходимости рефлексорного подхода говорит А. Ю. Афанасьев, когда утверждает: «У каждого исследования индивидуальный путь научного познания... ни один метод не может быть абсолютизирован в качестве всеобщего, поскольку каждое исследова-

ние должно иметь собственную методологию...» [5, с. 89]. «Рефлексивный механизм представляет собой: рефлексивный выход субъекта уголовно-процессуальной науки в рефлексивную позицию по отношению к самой науке уголовного процесса...» [5, с. 105].

Но ведь подход к науке с позиции рефлексии это, на наш взгляд, есть идеализация чисто субъективного подхода, субъективистского метода и такой же методологии. Рефлексия и есть субъективный метод в науке. Именно субъективное, личное, индивидуальное идеализировали древнегреческие софисты, исходившие из того, что «человек — мера всех вещей». И тем самым не принимали, отрицали все объективное, независимое от субъекта. Однако это сверхсубъективное объективно необходимо, одного субъективного недостаточно. Лишь синтез субъективного и объективного дает нам диалектику, дает нам подлинно научный подход.

Следует отметить, что в лице действующего состязательного УПК РФ отечественный законодатель скопировал англо-американскую систему уголовного процесса без объективной истины, приносящую прагматический успех сильной стороне. Но это не наш менталитет. Для России «Бог не в силе, а в правде, истине». Кроме того, как известно, копия всегда хуже оригинала.

Далее в вопросе о науке необходимо четко определиться: стоим ли мы на позиции материализма или идеализма. С позиции материализма: «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей» (Б. Спиноза) [12, с. 126]. С позиции идеализма — наоборот.

«Материя — объективная реальность, данная нам в ощущении, кладется материализмом в основу теории познания (гносеологии), в то время как идеализм любого сорта кладет в основу гносеологии сознание под тем или другим его псевдонимом (будь то «психическое», «сознательное» или «бессознательное», будь то «система форм коллективно-организованного опыта» или «объективный дух», «индивидуальная или коллективная психика», индивидуальное или общественное сознание)» [7, с. 34].

Однако познание не «первичное», а вторичное, производное от бытия. Идеализм неизбежен, если словесно, «знаково-символически», «формально-юридически» оформленный мир берут за исходный пункт в теории познания. Когда в уголовном процессе исходят не из реальной действительности (фактических обстоятельств дела), а из «юридической (правовой) реальности» [8, с. 241]. Когда исходят из того, что по уголовному делу установ-

ливается не объективная истина, а формально-юридическая (правовая, судебная) истина, которая всегда вероятна, лишь правдоподобна. Когда процессуальная форма имеет явный приоритет над фактическим содержанием (как в состязательном УПК РФ), когда процессуальная форма отрывается от своего содержания и начинает «существовать» самостоятельно, когда состязательная процессуальная форма самодостаточна. Что по форме правильно, то и истинно (формально-истинно).

В связи с изложенным, как обоснованно подчеркнул К. Маркс: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [3, с. 159]. Естественно, бессодержательная форма не может привести к объективной истине, но только к формально-юридической истине, которая далеко не всегда согласуется с тем, что было на самом деле. Более того, лишенная объективно-истинного содержания, бессодержательная форма легко становится подверженной разного рода случайностям, сводимым к необъективности в расследовании, субъективизму, предвзятости, произволу и другим злоупотреблениям.

Вообще форма и содержание находятся в диалектической взаимосвязи. Гармоничное единство названных противоположностей проявляет себя в объективной истине (достоверной истине).

Диалектика вовсе не исключает субъективного, но она всегда предполагает восхождение субъективного к объективному, вероятности к достоверности. Она всегда предполагает принцип всесторонности, полноты и объективности исследования всех фактических обстоятельств уголовного дела, ведущий к объективной истине. Но такого принципа в состязательном УПК РФ нет.

Познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю. В науке, однако, вместо *теории отражения* можно встретить подход об «интерпретации реальности». Вот как об этом пишет Н. Н. Моисеев: «...Мы оперируем только интерпретациями реальности и отождествляем последние с реальностью (то есть называем их реальностью). А интерпретация предлагается человеком, и здесь нельзя ждать однозначности... В основе любой интерпретации лежит опыт, практический опыт жизни человечества... Не существует единой и к тому же „правильной“ интерпретации реальности (в том числе и «Картины мира»): мы имеем право говорить только о большем или меньшем соответствии интерпретации нашему практическому опыту... [9, с. 27—28].

Как видим, Н. Н. Моисеев в своем научном мировоззрении отрицает существование материи за пределами практического опыта и сознания, за пределами субъективных интерпретаций субъекта, тем самым фактически отрицает возможность действительного, достоверного познания окружающего нас мира, установления того, что «есть на самом деле», т. е. отрицает объективную истину, а это агностицизм, субъективизм и идеализм.

И в юридической литературе нередко можно встретить подход с позиции правдоподобных интерпретаций событий: «...Следователь создает определенные *интерпретации, версии* событий... Действительно, юридическое познание имеет дело не с явлениями первой природы, а с деятельностью и поведением человека, всякая версия следователя субъективна, его расследование влияет на поведение участников, оно направляется интерпретациями» [8, с. 242—244].

При подходе с позиции интерпретаций реальности отрицаются *теория отражения* и то искомое, характерное для принципа объективного отражения, что объект познания существует независимо от субъекта познания, его сознания; когда не отделяют объект от субъекта, когда субъект приписывает объекту или наделяет объект чем-то своим сугубо субъективным, рефлексивным, кажущимся, воображаемым и т. п. Но тем самым вопреки материалистической диалектике, стирается необходимое различие между противоположностями: объектом и субъектом, они сливаются.

Отметим, что для позитивизма вообще свойственно стирание различий между диалектическими противоположностями. И законодатель в союзательном УПК РФ, с нашей точки зрения, также, по-позитивистки, стирает различия между ними. Например, между объектом и субъектом (поскольку исходит не из объективной реальности, а юридической, правовой реальности), между субъективным и объективным, формой и содержанием, вероятностью и достоверностью, версией и объективной истиной, презумпцией невиновности и презумпцией виновности, неотвратимостью ответственности и безнаказанностью и др. Это недиалектический, ненаучный подход. Диалектика, наоборот, требует оттенять противоположности, доводить их до остроты антиномий.

В настоящее время идет критика материалистической диалектики, например, в таком виде: «Полагаем, — пишет А. Ю. Афанасьев, — что свойственный ныне диалектике догматизм, по сути, не допускающий противоречий, является серьезным ее недостатком. Нет противоречий — нет

критики. Нет критики — нет развития. Нет развития — нет науки. В этом и есть, вероятно, основной минус современной диалектики... Учение было создано для удовлетворения определенных амбиций отдельных личностей и реализации их в обществе, в политике... Все диалектикой вольно или невольно пользуются, но никто ее до конца не знает. По сути диалектика держится на вере в то, что все так и есть, что диалектическое знание истинно, что знание совершенно и всеохватно...» [5, с. 87—88].

Напрашиваются возражения к такой постановке вопроса о диалектике. Во-первых, мы исходили из того, что диалектика действительно существует и она не догма, а руководство к действию; диалектика — «постоянно развивающаяся программа философско-научного исследования» [10, с. 4]. Диалектика всегда критична сам же А. Ю. Афанасьев, говоря о диалектике, признает, что «вероятно ее выделяет та самая способность получать объективные, истинные знания, поскольку предполагает изучение явлений во взаимосвязи с другими явлениями и учитывая внутренние противоречия и динамику развития» [5, с. 88].

Диалектика — подлинная наука, исходящая из объективной истины, подтвержденная и подтверждаемая критикой (наука и практика как противоположности диалектически взаимосвязаны). Практика — критерий истины. И в уголовном процессе критерием истины выступает практика, а не внутреннее убеждение лиц, ведущих уголовный процесс, как нередко считают. Внутреннее убеждение — это критерий оценки доказательств, но не истины. Уголовно-процессуальная наука должна это учитывать.

Во-вторых, диалектика всеобща, универсальна — это объективная закономерность, существующая независимо от сознания, воли и амбиций как отдельных личностей, так и всего человечества.

В-третьих, при чем здесь «современная диалектика»? То, что мир устроен закономерно, диалектически, подметили еще древние греки, например Гераклит: «Все течет, все изменяется».

В-четвертых, диалектика и ее логика — это наука — результат познания объективной и всеохватывающей закономерности. Наука — это достоверные знания. Вера — категория не научная. Нельзя науку отождествлять с верой или подменять верой.

Далее. Утрата диалектико-материалистической методологии как всеобщей и универсальной неизбежно ведет к плюрализму методологий, и у каждого она будет своя. Приведем характерную точку зрения известных процессуалистов А. С. Алек-

сандрова и В. В. Терехина: «Нет диктату „методологий“. Мы являемся сторонниками гносеологического плюрализма (вплоть до эпистемологического анархизма в духе П. Фейерабенда)... Мы против того, чтобы слепо принимать условности, выдаваемые за объективные закономерности... *Теория риторики* для нас имеет в некотором смысле „методологическое значение“... Новая состязательная теория судебных доказательств — это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации. Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек... стандарт „разумных сомнений“ — универсальный стандарт определения действительности судебной истины и интерпретации. Не может быть универсальной рациональности, есть лишь различные *языковые игры*. Правосудие — это игра... Судебная истина является гадательной, вероятным знанием... Мы не принимаем распространенную метафору „отражения“, служащую методологическим базисом для теории объективной истины...» [11, с. 11—12].

Здесь налицо методологическая неопределенность, ее расплывчатость, шаткость, субъективизм, плюрализм.

Современная наука вообще и юридическая в том числе переживают сложные времена, связанные с приходом такого культурного феномена, как постмодернизм. Релятивизм как принцип постмодернизма ставит под сомнение практически все наработки классической науки.

Методологический анархизм — кредо постмодернизма [10, с. 3].

Мы же считаем, что отказ от твердой основы материалистической диалектики как логики и теории познания не допустим.

Научное мировоззрение, в составе которого нет философской диалектики, по сути, нонсенс. По мнению Э. В. Ильенкова: «Научное мировоззрение может нарисовать только вся система современных наук. И эта система включает в себя философскую диалектику и без ее участия не может претендовать ни на полноту, ни на научность» [7, с. 270].

И уголовно-процессуальная наука непременно должна учитывать материалистическую диалектику, логику ее научных элементов — «элементов диалектики» [2, с. 202—203].

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование, 2017. 1376 с.

2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Москва: Изд-во полит. лит., 1973. Т. 29: Философские тетради. 782 с.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 698 с.

4. Кессиди Ф. Х. Сократ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 320 с.

5. Афанасьев А. Ю. Введение в уголовно-процессуальную науку: монография. Москва: Проспект, 2021. 144 с.

6. Краткий очерк истории философии / под ред. М. Т. Иовчука [и др.]. 4-е изд. Москва: Мысль, 1981. 927 с.

7. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: (размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). Москва: Политиздат, 1980. 175 с.

8. Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. Москва: Междунар. комитет содействия правовой реформе, 1996. Вып. 1. Ч. II. 224 с.

1. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: approximately 100,000 words, terms and phraseological expressions. Ed. by prof. L. I. Skvortsova. 28th ed., rev. Moscow: World and Education; 2017: 1376. (In Russ.).

2. Lenin V. I. Full collected works. 5th ed. Vol. 29. Philosophical notebooks. Moscow: Publishing house of political literature; 1973: 782. (In Russ.).

3. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow: State publishing house of political literature; 1955: 698. (In Russ.).

4. Cassidy F. H. Socrates. Rostov on Don: Phoenix; 1999: 320. (In Russ.).

5. Afanasiev A. Yu. Introduction to criminal procedure science. Monograph. Moscow: Prospect; 2021: 144. (In Russ.).

6. Brief essay on the history of philosophy. Ed. by M. T. Iovchuk [et al.]. 4th ed. Moscow: Thought; 1981: 927. (In Russ.).

7. Ilyenkov E. V. Lenin's dialectics and metaphysics of positivism: (reflections on the book of V. I. Lenin "Materialism and empirio-criticism"). Moscow: Politizdat; 1980: 175. (In Russ.).

8. Competitive justice: works of scientific and practical laboratories. Issue 1. Part II. Moscow: International Committee for the Promotion of Legal Reform; 1996: 224. (In Russ.).

9. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. Москва: Устойчивый мир, 2001. 200 с.

10. Лепс А., Спиридонов Л. И., Честнов И. Л. Диалектическая криминология: монография / под ред. И. Л. Честнова. Москва: Юрлитинформ, 2016. 232 с.

11. Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник ВолГУ. Сер. 5. Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 8—14.

12. Беленький М. С. Спиноза. Москва: Молодая гвардия, 1964. 240 с.

9. Moiseev N. N. Universe. Information. Society. Moscow: Sustainable world; 2001: 200. (In Russ.).

10. Leps A., Spiridonov L. I., Chestnov I. L. Dialectical criminology. Monograph. Ed. by I. L. Chestnov. Moscow: Yurlitinform; 2016: 232. (In Russ.).

11. Alexandrov A. S., Terekhin V. V. Five theses from the manifesto of critical legal studies of Russian criminal procedure law. Journal of Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence, 8—14, 2015. (In Russ.).

12. Belenky M. S. Spinoza. Moscow: Young Guard; 1964: 240. (In Russ.).

Печников Геннадий Алексеевич,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
egonatalex@yandex.ru

Pechnikov Gennady Alekseevich,

professor at the department of criminal process
of the training and scientific complex
for preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
egonatalex@yandex.ru

Соловьева Наталья Алексеевна,

заведующая кафедрой
процессуального права и криминалистики
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
solovievana@volsu.ru

Solovieva Natalya Alekseevna,

head of the department
of procedural law and criminology
of Volgograd State University
candidate of juridical sciences, docent;
solovievana@volsu.ru

Олейник Екатерина Андреевна,

адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Oleynik Ekaterina Andreevna,

associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
yekaterina.oleynik.96@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 20.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.13+347.918
doi: 10.25724/VAMVD.A160

**ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ
НА СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(ОПЫТ УГОЛОВНОГО И АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА)**

Алия Рашитовна Шарипова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru

Аннотация. В статье аргументируется необходимость исследования не только форм проникновения цифровизации в право, в частности процессуальное, мест применения информационных технологий в судопроизводстве и их рисков; в качестве отдельного направления для изучения называется «обратное» влияние цифровизации отдельных правоотношений на их содержание, или ее «побочные» эффекты. Приводятся соответствующие примеры преимущественно из уголовного и арбитражного судопроизводства. Перечисляются изменения, произошедшие в традиционных представлениях об осмотрах и обысках, в связи с возможностью применения этих следственных действий к мобильным устройствам, содержащим массу цифровых следов, в том числе составляющих охраняемые законом тайны. Указывается на существенное воздействие на процесс формирования судебной практики внедрения и пользования электронными информационными ресурсами, предназначенными для официального и неофициального опубликования судебных решений разных видов процесса. Отмечается негативное влияние принятого в уголовном судопроизводстве чрезмерного изъятия данных из публикуемых судебных актов на формирование единообразной практики по уголовным делам. Охарактеризовано относительно новое явление — массовая подача электронных заявлений в арбитражные суды, породившее в качестве способа противодействия ему новое основание для отвода суда. С учетом опыта арбитражного судопроизводства прогнозируются возможные побочные эффекты дальнейшей цифровизации уголовного судопроизводства и в части расширения возможностей электронной подачи заявлений. В отдаленной перспективе цифровизация может способствовать увеличению сроков давности преступлений, а также утрате актуальности существования каких-то участников уголовного судопроизводства, в том числе секретаря судебного заседания.

Ключевые слова: уголовный процесс, арбитражный процесс, цифровизация, форма, содержание, обыск, судебная практика

Для цитирования: Шарипова А. Р. Влияние цифровой формы на содержание процессуальной деятельности (опыт уголовного и арбитражного судопроизводства) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 81—87. doi: 10.25724/VAMVD.A160

**INFLUENCE OF THE DIGITAL FORM
ON THE CONTENT OF PROCEDURAL ACTIVITY
(EXPERIENCE IN CRIMINAL
AND ARBITRATION PROCEEDINGS)**

Aliya Rashitovna Sharipova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, nord-wind23@mail.ru

Abstract. The article argues for the need to study not only the forms of penetration of digitalization into law, including procedural law, the places of application of information technologies in legal proceedings and their risks; as a separate area for study is called the "reverse" impact of the digitalization of individual legal relations on their content, or its "side" effects. Relevant examples are given mainly from criminal and arbitration proceedings. Among them are the changes that have occurred in the traditional ideas about inspections and searches, in connection with the possibility of applying these investigative actions to mobile devices containing a lot of digital traces, including those that make up legally protected secrets. It also points to the essential influence on the

process of formation of judicial practice of the introduction and use of electronic information resources intended for official and unofficial publication of court decisions of different types of process. The negative impact of the excessive withdrawal of data from published judicial acts adopted in criminal proceedings on the formation of a uniform practice in criminal cases is noted. A relatively new phenomenon has been revealed — the filing of mass electronic applications to arbitration courts, which has generated a new ground for challenging the court as a way to counteract it. Based on the applicable experience of arbitration proceedings, possible side effects of further digitalization of criminal proceedings are predicted, including in terms of expanding the possibilities of electronic filing of applications. The distant prospects for digitalization may involve an increase in the statute of limitations for crimes, as well as the loss of the relevance of the existence of some participants in criminal proceedings, including the secretary of the court session.

Keywords: criminal process, arbitration process, digitalization, form, content, search, judicial practice

For citation: Sharipova A. R. Influence of the digital form on the content of procedural activity (experience in criminal and arbitration proceedings). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 81—87, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A160

Цифровизация, охватившая в последние годы правоприменение, представляющая научный интерес и побуждающая законодателя к новым реформам, вызывает разные оценки ведущих юристов, призывающих как к ее максимальному распространению, так и к умеренному внедрению [1].

Помимо очевидного проникновения информационных технологий в жизнь общества в целом и в процессуальное право в частности — скорость обмена и обработки информации, практически неограниченные объемы хранения информации, участие в совершении процессуальных действий в «удаленном» режиме и т. п., — они имеют и неочевидное значение, не всегда замечаемое и анализируемое исследователями.

Мы попытаемся обнаружить косвенное, побочное влияние цифровой формы, внедряемой в процессуальную деятельность как специально, так и опосредованно, на содержание отдельных проявлений процессуальной деятельности, в первую очередь на примере уголовного судопроизводства, а также — в некоторой степени — арбитражного процесса.

1. Повсеместное распространение мобильных телефонов и использование их для поиска и хранения информации (включая фото и видео повседневной жизни, истории передвижения телефона и его владельца в пространстве), ведения личной и деловой переписки, осуществления расчетов, включая налоговые платежи, сделало телефоны уникальным кладезем информации о человеке. В то же время информация, содержащаяся в памяти телефона, либо доступна для просмотра любым человеком, либо относительно легко извлекается при помощи устройств криминалистического исследования (например, UFED).

Тот и другой способ ознакомления с информацией, содержащейся в телефоне (в его собственной памяти и используемых им облачных хранилищах) процессуально оформляется по правилам осмотра предмета и не требует судебного разрешения.

Несмотря на то что фактически подобный осмотр не требует в большинстве случаев применения силы и не встречает активного сопротивления, полагаем, что процессуальное уравнивание осмотра телефона и осмотра, например, кошелька, абсолютно несправедливо. Мобильные устройства содержат концентрированную информацию о человеке, включая личную и семейную тайну, тайну переписки, налоговую тайну, банковскую тайну, врачебную тайну и многие другие охраняемые законом виды тайны. По этой логике для ознакомления с содержимым телефона необходимы те же процессуальные действия, которые были бы нужны, если бы секретная информация находилась в традиционных, «аналоговых» местах ее хранения. В «доцифровые» времена местом сосредоточения тайн можно было бы считать жилище, поэтому его обыск мог осуществляться только по решению суда. Сейчас такой же, а подчас и больший объем информации о человеке можно получить без судебной санкции через осмотр его телефона. В отличие от отечественной практики¹ в США на уровне высших судебных инстанций признана необходимость ознакомления с информацией в мобильных

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Агафонова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О, а также статьями 170, 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 1380-О; и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

устройствах по аналогии с обыском жилища¹, а наука активно разрабатывает теоретические подходы к «обыску телефона» [2]. Нужно отметить (и в указанных исследованиях на это обращено внимание), что называть мобильные устройства телефонами не совсем верно: «телефонная» составляющая функционала, т. е. осуществление устных переговоров по аппарату, сейчас утратила актуальность для пользователей. С таким же успехом телефоны можно называть компьютерами, камерами или телевизорами.

Полагаем, что интересы обеспечения прав человека в уголовном процессе и сохранения статуса охраняемых законом тайн требуют разработки понятия и процессуальных правил обыска телефона. Одним из таких правил должно быть осуществление обыска с разрешения суда с возможными исключениями для случаев, не терпящих отлагательства. Полная аналогия обыска телефона с обыском жилища некорректна: в отличие от материальных объектов данные из мобильных устройств непрофессиональному в информационных технологиях человеку крайне сложно удалить безвозвратно, поэтому наличие контроля правоохранительных органов над мобильным устройством означает возможность дожидаться санкции суда. Есть и другие различия между классическим обыском и обыском телефона, на которые уже обращено внимание в литературе [3].

2. В разное время все виды судопроизводства пришли к полному или почти полному опубликованию своих судебных актов. Первыми в этом вопросе были арбитражные суды, чьи акты через неофициальные справочно-правовые базы «Консультант-Плюс» и «Гарант» стали доступны широкой общественности начиная с конца 1990-х гг. Постепенно наполнение этих баз стало расширяться за счет актов судов общей юрисдикции (правда, до сих пор доля публикуемого несопоставима с количеством арбитражных актов); появились официальные базы судебных актов («Арбитр» и «Правосудие»). Несмотря на то что принципы транспарентности не изменились и до проникновения информационных технологий в сферу опубликования судебных актов последние не были тайными, цифровая форма полностью изменила представление о единообразии судебной практики. Хотя понимание необходимости цифровизации было и раньше, реальных

средств ее обеспечения не существовало: юридической общественности становились доступны только акты высших судов по конкретным делам и обзоры практики разного уровня, отбор дел для которых осуществлялся самими судами. Иными словами, сложные и спорные вопросы правоприменения изолированно, одновременно и независимо друг от друга рассматривались в разных судах и затем проходили по инстанциям, известно становилось только о тех делах, которые попали в какие-то обобщения. В уголовном судопроизводстве ситуация во многом остается прежней: важности обобщения судебной практики посвящены исследования [4].

С начала 2000-х гг. в арбитражном судопроизводстве единообразие судебной практики вышло на принципиально иной уровень, поскольку правило работы юристов по всем делам стал поиск аналогичных случаев из практики, причем не только на уровне своего федерального округа. Со значительным отставанием эта тенденция стала проявляться и в других видах судопроизводства, однако она тем менее выражена, чем меньше доля опубликованных и доступных для изучения судебных актов. Иными словами, большее единообразие практики по арбитражным делам в сравнении с уголовными, гражданскими и административными обусловлено тотальным опубликованием актов арбитражных судов в базах с удобным пользовательским функционалом.

Полагаем, что единообразие судебной практики в большей степени зависит не от заявления соответствующих лозунгов на любом уровне, а от доступности решений судов по конкретным делам для изучения неограниченной аудиторией с развитыми возможностями контекстного поиска. Иначе говоря, арбитражная практика более единообразна по двум причинам. Во-первых, потому что базы данных по арбитражным делам содержат в десятки или сотни раз больше судебных актов, чем по остальным видам дел. Во-вторых, пользователи могут искать среди них подходящие не по фамилиям участников (эта функция ничего не дает юристу, который хочет найти дело, похожее на свое), а по сочетаниям слов (с подбором однокоренных слов, синонимов, изменением окончаний и других опций, которые интеллектуальные поисковые системы выполняют на более высоком уровне, чем ГАС «Правосудие»).

Есть проблема с восприятием и опубликованных судебных решений по уголовным делам, неизвестная арбитражному процессу. Разница в подходах к опубликованию заметна уже на уровне

¹ Riley v. California: decision of Supreme Court of the United States of America on 25 June 2014, № 13-132. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/13pdf/13-132_8l9c.pdf (date of access: 29.03.2023).

закона: ст. 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ предусмотрены существенные отличия в порядке и сроках публикации решений арбитражных судов и приговоров. Первые публикуются в течение дня с момента принятия, а вторые — в течение месяца с момента вступления в законную силу. Огромную временную разницу, думается, нельзя оправдать одной лишь направленностью арбитражного процесса на скорое решение предпринимательских споров [5], пауза в целый месяц нужна суду в связи со следующим ключевым отличием его порядка. Судебные акты арбитражных судов публикуются полностью, а судов общей юрисдикции — за исключением персональных данных (имен и адресов участников судопроизводства). Подробные указания о деперсонализации судебных актов содержатся в постановлении Президиума Совета судей Российской Федерации «Об утверждении Регламента организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ на официальном сайте суда общей юрисдикции» от 27 января 2011 г. № 253. Этот документ меняет содержание норм, закрепленных в указанном выше законе. Так, промежуточные судебные акты не публикуются или публикуются по усмотрению суда, частные определения публикуются по усмотрению принявшего их судьи, объем изъятий из текста определяет судья или другое лицо, ответственное за его размещение.

Несмотря на известные и единые принципы защиты персональных данных, судебные акты по уголовным делам публикуются с изъятием буквально всех имен, чисел и адресов, что во многих случаях делает восприятие содержащейся в них информации невозможным. Так, изучая практику применения норм о возмещении и взыскании процессуальных издержек, мы столкнулись с тем, что деперсонализации подвергаются суммы расходов, как запрошенные, так и удовлетворенные судом. Это выглядит следующим образом: «вознаграждение адвокату в размере *** является неоправданно высоким, судом его размер снижен до ***». Совершенно очевидно, что оценка содержания судебного акта с точки зрения размера процессуальных издержек неосуществима.

Кроме того, мы обнаружили, что по многим схожим вопросам в разных судебных актах однотипная информация оценивается по-разному — как содержащая персональные данные либо нет —

и, соответственно, либо изымается, либо остается. Например, нами обнаружено достаточное количество судебных актов, содержащих размеры вознаграждений адвокатов, требуемых как понесенные процессуальные издержки, и суммы, до которых суды их снизили.

Вышеизложенное показывает, что отточенного механизма изъятия персональных данных и даже их перечня у судов общей юрисдикции (особенно в части уголовных дел) нет.

В значительном количестве итоговых судебных актов изымается абсолютно вся информация, содержащая имена, адреса и числа, с тем чтобы наверняка не пропустить в публикацию защищаемые сведения. Это вполне объяснимо, поскольку «ручное» их удаление — работа чрезвычайно сложная, кропотливая и длительная, и любому «оператору» проще изъять все, что хотя бы отдаленно похоже на персональные данные.

Понятно, что соображения безопасности участников уголовного процесса заставляют более пристально следить за сохранностью данных, однако стоит отметить, что сохранение «информативности» текстов судебных актов даже не названо в числе принципов размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов. Среди них: безопасность участников судебного разбирательства; соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту их чести и деловой репутации, права организаций на защиту их деловой репутации; соблюдение прав и законных интересов участников судебного процесса при предоставлении информации о деятельности судов; достоверность текстов судебных актов.

Полагаем, что для обеспечения прозрачности правосудия по уголовным делам, для создания условий формирования единообразной судебной практики необходима разработка программного обеспечения, осуществляющего автоматическое изъятие персональных данных из судебных актов строго по их перечню, определенному в соответствующем законе. Кроме того, недопустимы расширение перечня изъятий из документов или отказ от публикации отдельных видов актов по решению судейского сообщества вопреки действующему законодательству.

3. Мощное развитие возможностей совершения отдельных процессуальных действий (подача заявлений и ходатайств, приобщение доказательств) — электронное в сфере арбитражного судопроизводства и «догоняющее» в остальных видах процесса — способно ускорять рассмотрение дел

и прохождение их по судебным инстанциям. Тогда, когда соответствующие возможности участникам процесса действительно предоставляются, а не просто гипотетически предлагаются, пользование ими становится преобладающим, поскольку в современных условиях большинству людей электронное направление документов удобнее. В такой ситуации совершение процессуальных действий «по старинке», например путем направления почтовой корреспонденции, иногда используется ради затягивания наступления каких-то событий (принятие судебных актов, вступление их в силу).

4. В продолжение рассуждения об указанном выше и получившем широкое распространение в арбитражном судопроизводстве электронном способе подачи заявлений обратим внимание еще на одно явление. Получило распространение недобросовестное поведение истцов, подающих через систему «Мой Арбитр» одновременно множество одинаковых заявлений (исковых заявлений), для того чтобы выбрать судью, который будет рассматривать дело. Эта уловка предполагает, что ко всем поданным заявлениям не прикладывается один из необходимых для принятия к рассмотрению документов (например, подтверждающий уплату государственной пошлины). Получив такие заявления, все судьи, которым они были распределены, в соответствии со ст. 128 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации оставляют их без движения; затем истец направляет недостающий документ тому судье, которого выберет, а все остальные заявления в итоге остаются без рассмотрения.

Среди вариантов противодействия такому поведению истцов предлагается рассматривать как отдельное основание для самоотвода судьи попадание к нему дела на рассмотрение по результатам «массовой» подачи одинаковых исков.

Именно трансформация представления о проявлениях «заинтересованности» либо отсутствия «беспристрастности» как основания отвода важна в данном случае, поскольку цифровизация подачи заявлений дала такие далекие и труднопредсказуемые последствия.

5. Описанное в предшествующих пунктах влияние цифровой формы на содержание правоотношений уже произошло и требует теперь приспособления одного к другому, изменения существующего регулирования. Есть иные проявления влияния, которые могут в будущем потребовать изменения законодательства и правоприменения, но уже сейчас есть смысл их прогнозировать. Так, действующие в настоящее время сроки давности

(2, 6, 10 и 15 лет) введены Уголовным кодексом Российской Федерации, и по сравнению с прежним УК РСФСР в целом они возросли. Как известно, существование и продолжительность сроков давности объясняются, наряду с другими факторами, возможностью сохранения и обработки доказательственной информации с течением времени. Цифровизация (включая ее применение в сфере экспертных исследований) значительно расширила возможности обработки «старой» информации и сделала бесконечной перспективу хранения оцифрованной информации вместо ее материальных или аналоговых предшественников. Раскрытие в последние годы многих преступлений прошлого показывает, что время перестало играть роковую роль в обращении с доказательственной информацией, поэтому вполне возможно, что сроки давности в перспективе будут увеличиваться.

6. Одним из наиболее обсуждаемых и ожидаемых этапов цифровизации уголовного судопроизводства является возможность подачи заявления о преступлении в электронной форме [6]. Необходимость такой «опции» не ставится нами под сомнение, а, напротив, поддерживается; но по аналогии с неожиданными для института отвода суда последствиями подачи электронных исковых заявлений в арбитражных судах, описанными выше, можно предположить, что недобросовестные заявители найдутся и в уголовном судопроизводстве. Подача электронных заявлений о преступлении не ограничена количественно теми естественными факторами, которые действуют в реальном мире, поэтому во избежание расходования сил и средств на реагирование на фейки цифровая платформа должна создаваться с учетом применимого опыта, включая другие процессуальные отрасли.

7. Еще более серьезными могут быть «побочные эффекты» будущих вероятных шагов по цифровизации процессуального права. Апология искусственного интеллекта, стремление к созданию машиночитаемого права, в том числе по китайскому образцу [7], надежды, возлагаемые на «суперсервис» «Правосудие-онлайн» [8], должны уравновешиваться прогнозированием желательных и нежелательных последствий соответствующих нововведений. Прогресс, конечно, невозможно остановить, и все информационные достижения человечества будут опробованы в процессуальном праве, но здравый смысл подсказывает, что необходимо не только облегчить и ускорить работу следователей и судей, но и быть готовыми к возникновению абсолютно новых проблем, как процессуальных, так и судостроительных (например, отказу от некоторых

участников судопроизводства — секретаря, помощника судьи — в связи с переложением их функционала на компьютерные программы) [9].

Подводя итог сказанному, считаем важным при исследовании цифровизации процессуального,

а также уголовно-процессуального права уделить внимание ее «побочным» эффектам, или «обратному» влиянию формы на содержание правоотношений.

1. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex Russica*. 2019. № 5 (150). С. 91—104.

2. Kerr Orin S. Searches and seizures in a digital world // *Harvard law review*. 2005. № 119. P. 531—585.

3. Коновалов С. Г. Использование в уголовном процессе цифровых данных, хранящихся в телефоне: назревшие вопросы и пути их решения // *Закон*. 2021. № 11. С. 128—138.

4. Тарасов А. А. Обобщение судебной практики: теоретический аспект // *Правовое государство: теория и практика*. 2022. № 4 (70). С. 169—174.

5. Рыжков К. С. Публикация текстов судебных актов в сети Интернет как механизм реализации принципа транспарентности // *Российский судья*. 2020. № 10. С. 36—40.

6. Масленикова Л. Н., Собенин А. А. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // *Российский следователь*. 2019. № 6. С. 12—16.

7. Папышева Е. С. Использование технологий искусственного интеллекта как перспективное направление развития уголовного судопроизводства // *Правовое видение развития России: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию присоединения Института права к Башкирскому государственному университету (Уфа, 15 апреля 2022 г.)*. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2022. С. 217—223.

8. Голубцов В. Г. «Инфраструктурные» обязательства государства по внедрению элементов электронного правосудия // *Вестник гражданского процесса*. 2022. № 2. С. 31—46.

9. Черкасова Ю. А. Влияние цифровизации на институт участников уголовного судопроизводства (на примере секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников с неопределенным процессуальным статусом) // *Российский следователь*. 2022. № 2. С. 43—46.

1. Voskobitova L. A. Criminal justice and digital technologies: compatibility issues. *Lex Russica*, 91—104, 2019. (In Russ.).

2. Kerr Orin S. Searches and seizures in a digital world. *Harvard law review*, 531—585, 2005. (In Eng.).

3. Konovalov S. G. The use of digital data stored in the phone in criminal proceedings: pressing issues and ways to solve them. *Law*, 128—138, 2021. (In Russ.).

4. Tarasov A. A. Generalization of judicial practice: theoretical aspect. *Legal state: theory and practice*, 169—174, 2022. (In Russ.).

5. Ryzhkov K. S. Publication of the texts of judicial acts on the Internet as a mechanism for implementing the principle of transparency. *Russian judge*, 36—40, 2020. (In Russ.).

6. Maslennikova L. N., Sobenin A. A. Registration of a crime report and the beginning of an investigation in a new digital reality. *Russian investigator*, 12—16, 2019. (In Russ.).

7. Papyшева E. S. The use of artificial intelligence technologies as a promising direction for the development of criminal proceedings. In: *Legal vision of the development of Russia. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Institute of Law joining the Bashkir State University*. Ufa, 15 April 2022. Ufa: Bashkir State University; 2022: 217—223. (In Russ.).

8. Golubtsov V. G. "Infrastructural" obligations of the state to introduce elements of electronic justice. *Bulletin of the civil process*, 31—46, 2022. (In Russ.).

9. Cherkasova Yu. A. The impact of digitalization on the institution of participants in criminal proceedings (on the example of a secretary of a court session and an assistant judge as participants with an uncertain procedural status). *Russian investigator*, 43—46, 2022. (In Russ.).

Шарипова Алия Рашитовна,

доцент кафедры уголовного права и процесса
Уфимского университета науки и технологий,
доктор юридических наук;
nord-wind23@mail.ru

Sharipova Aliya Rashitovna,

associate professor
at criminal law and trial department
of Ufa University of Science and Technology,
doctor of juridical sciences;
nord-wind23@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 30.05.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.132 (476)
doi: 10.25724/VAMVD.A161

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В XXI ВЕКЕ**

Юрий Павлович Шкаплеров

Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Республика Беларусь, shkaplerov@yandex.ru

Аннотация. На основе рассмотрения действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь и его корректировок определяются и анализируются тенденции развития института следственных действий в досудебном производстве. К таковым автором отнесены: расширение спектра следственных действий, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела; увеличение количества норм, регулирующих производство следственных действий в жилище и ином законном владении; закрепление в уголовно-процессуальном законе процедуры использования технических новшеств (средств видеоконференцсвязи и т. п.); внедрение «дружественных элементов» порядка проведения следственных действий. Кроме того, в статье указываются как положительные, так и негативные аспекты трансформации исследуемого процессуального института, представляющие интерес не только для белорусской уголовно-процессуальной науки. Обозначаются проблемные элементы нормативной регламентации и правоприменительной практики производства следственных действий в ходе производства по материалам и уголовным делам, приводятся данные анкетирования следователей и сотрудников ОВД, требующие своего научного осмысления.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, следственные действия

Для цитирования: Шкаплеров Ю. П. Тенденции развития института следственных действий в уголовном процессе Республики Беларусь в XXI веке // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 88—92. doi: 10.25724/VAMVD.A161

**TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF INVESTIGATIVE ACTIONS
IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE XXI CENTURY**

Yuri Pavlovich Shkaplerov

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Republic of Belarus, shkaplerov@yandex.ru

Abstract. The tendencies of the development of the institute of investigative actions in pre-trial proceedings are determined and analyzed on the basis of consideration of the current Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus and its amendments. The author identified the following tendencies: expanding the range of investigative actions carried out at the stage of initiating a criminal case; an increase in the number of standards governing the production of investigative actions in dwelling and other legal property; fixing in the criminal procedure law the procedure for using technical innovations (video conferencing facilities, etc.); introduction of "friendly elements" of the procedure for conducting investigative actions. Both positive and negative aspects of the transformation of the procedural institution under study, which are of interest not only for the Belarusian criminal procedure science, are pointed out in the article. The problematic elements of normative regulation and law enforcement practice of investigative actions in the course of proceedings based on materials and criminal cases are indicated, the data of the survey of investigators and police officers are given, requiring their scientific understanding.

Keywords: criminal process, pre-trial proceedings, investigative actions

For citation: Shkaplerov Yu. P. Tendencies of development of the institute of investigative actions in the criminal procedure of the Republic of Belarus in the XXI century. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 88—92, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A161

Термин «следственные действия» и их регламентация впервые на нормативном уровне были закреплены в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (далее — УУС) [1], после чего он вошел в правовую науку [2], хотя ряд авторов еще долгое время рассматриваемую категорию называли, например, мерами по собиранию доказательств [3].

В уголовном процессе на постсоветском пространстве следственные действия уже традиционно считаются основным способом собирания доказательств. Нормативное регулирование института следственных действий, как и других уголовно-процессуальных институтов, не является статичным. Так, с момента вступления 1 января 2001 г. в юридическую силу Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК РБ) количество дополнений и изменений его положений, регулирующих проведение следственных действий, неуклонно увеличивается, а временные промежутки между принятием законов, вводящих те или иные корректировки, соответственно, уменьшаются. Вместе с тем на современном этапе эволюции белорусского уголовно-процессуального права прослеживаются очевидные тенденции трансформации института следственных действий, которые в будущем, видимо, получат свое продолжение.

Но начать необходимо с того, что УПК РБ сохранил известный еще со времен УУС изъян, а именно — отсутствие однозначных дефиниции и перечня следственных действий, что как в Беларуси, так и в России приводит к затяжным дискуссиям ученых по этому вопросу и в определенной степени дезориентирует практику [4]. Вместе с тем, исходя из толкования ст. 99 УПК РБ и других положений данного нормативного правового акта, к числу следственных действий относятся: 1) осмотр; 2) эксгумация; 3) освидетельствование; 4) следственный эксперимент; 5) обыск; 6) выемка; 7) наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, их осмотр и выемка; 8) прослушивание и запись переговоров; 9) допрос; 10) очная ставка; 11) предъявление для опознания; 12) проверка показаний на месте; 13) назначение и проведение экспертизы; 14) получение образцов для сравнительного исследования.

Стоит констатировать, что относительно эксгумации и получения образцов для сравнительного исследования в силу неоднозначного нормативного закрепления порядка их проведения в белорусской уголовно-процессуальной науке высказываются возражения по вопросу их отнесения к числу следственных действий [5; 6]. Примечательно, что

такая дискуссия велась и во времена Советского Союза.

Несовершенство же законодательного определения правовой природы эксгумации состоит в том, что порядок ее производства определен в ст. 205 УПК РБ, которая именуется «Осмотр трупа. Эксгумация» и расположена в гл. 23 «Осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент», не содержащей в своем наименовании термин «эксгумация». Вместе с тем ст. 99 УПК РБ, давая перечень протоколов следственных действий, называет в том числе протокол эксгумации. С другой стороны, ч. 3 ст. 205 УПК РБ гласит: «При необходимости извлечения трупа из места захоронения (эксгумации) *для осмотра* (курсив наш. — Ю. Ш.) Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, а также следователь выносят постановление»¹, тем самым указывая на то, что эксгумация проводится только для осмотра, что видится дискуссионным [7]. Аналогичные дискуссии относительно двух указанных следственных действий ведутся и среди современных российских авторов.

Анализ корректировок современного белорусского уголовно-процессуального закона, имевших место с момента его принятия, позволяет обозначить следующие тренды трансформации института следственных действий.

Во-первых, это увеличение количества следственных действий, производство которых допустимо в стадии возбуждения уголовного дела. Так, если в первоначальной редакции действующего белорусского УПК указывалось на возможность проведения в названной стадии осмотра места происшествия и экспертизы, то в последующем данный перечень из двух следственных действий претерпел существенные изменения: в 2003 г. он был дополнен личным обыском при задержании, в 2008 г. — осмотром трупа и местности, в 2010 г. — эксгумацией и получением образцов для сравнительного исследования; в 2012 г. — осмотром предметов, документов и освидетельствованием, в 2021 г. — осмотром компьютерной информации, а также помещения или иного законного владения, не являющегося жилищем. А еще в 2007 г. из уголовно-процессуального закона было исключено правило о проведении осмотра места происшествия

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (принят Палатой представителей 24.06.1999; одобрен Советом Республики 30.06.1999). Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

до возбуждения уголовного дела лишь в случаях, не терпящих отлагательства. В итоге все перечисленные изменения и дополнения белорусского УПК ведут к все более серьезному сращиванию стадии возбуждения уголовного дела с предварительным расследованием. Законодатель при этом даже не рассматривает возможность коренного реформирования института возбуждения уголовного дела.

Во-вторых, в контексте реализации ст. 29 Конституции Республики Беларусь, гарантирующей неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан¹, в статьях Особенной части УПК РБ, регулирующих осмотр, обыск и выемку в жилище и ином законном владении граждан (ст. 204, 210), предусмотрена обязанность должностных лиц органа уголовного преследования по проведению этих следственных действий с согласия собственников или проживающих в жилище лиц либо на основании постановления, санкционированного прокурором. Спустя 10 лет после вступления в силу действующего уголовно-процессуального закона Беларуси данное требование было распространено также на проведение следственного эксперимента и проверки показаний на месте².

В-третьих, в последние годы обозначилась тенденция по включению в белорусский УПК положений, регламентирующих проведение следственных действий с применением получивших широкое распространение технических новшеств, в том числе медиакоммуникационных технологий. Так, Законом от 5 января 2016 г. УПК РБ дополнялся ст. 224.1 «Проведение допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи»³. Позднее в целях уточнения терминологии Законом от 26 мая 2021 г. термин «видеоконференцсвязь» был скорректирован на «видеоконференцсвязь (веб-конференция)»⁴. Вместе с тем не совсем оправданным видится

нормативное требование о допустимости производства этих следственных действий в режиме видеоконференцсвязи (веб-конференции) только в отношении или с участием потерпевшего и свидетеля, а также ненаделение лица, производящего дознание, правом на их проведение. Кроме того, уголовно-процессуальный закон Беларуси не раскрывает объем мероприятий, необходимых для организации проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания в режиме видеоконференцсвязи (веб-конференции), которые должны быть выполнены по месту нахождения участника следственного действия [8]. Полагаем, что перечисленные аспекты требуют своего нормативного уточнения. Подтверждением сказанному выступают результаты анкетирования практических работников (в 2023 г. нами проанкетировано 120 следователей Следственного комитета и 135 сотрудников органов внутренних дел из всех областей Республики Беларусь и г. Минска), согласно которым допрос, очную ставку и предъявление для опознания с использованием видеоконференцсвязи (веб-конференции) проводили (обеспечивали проведение) часто 0,8 % следователей и 3,7 % сотрудников ОВД, иногда — 8,3 % следователей и 11,9 % сотрудников ОВД, редко — 13,3 % следователей и 10,4 % сотрудников ОВД, один раз — 2,5 % следователей и 8,9 % сотрудников ОВД. И самое интересное, что никогда не проводили (не принимали участие) в указанном виде следственных действий 75 % следователей и 65,2 % сотрудников ОВД.

Помимо сказанного выше, 26 мая 2021 г. в УПК РБ включена ст. 204.1 «Осмотр компьютерной информации». Согласно этой статье для осмотра компьютерной информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя либо которая содержит данные о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение которой ограничено, теперь необходимо получение санкции прокурора, за исключением случаев, не терпящих отлагательства⁵. Но белорусский уголовно-процессуальный закон до сих пор не содержит дефиниции понятия «компьютерная информация». Такое в 2021 г. было введено в ч. 18 ст. 4 Уголовного кодекса Беларуси, согласно которому под компьютерной информацией понимается информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях,

¹ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

² О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 27 декабря 2010 г. № 223-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

³ О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

⁴ Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

⁵ Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

обрабатываемая компьютерной системой либо передаваемая в пространстве с помощью любых программно-технических средств [9].

Целесообразно обратить внимание на то, что современный законодатель, увеличивая количество норм УПК, определяющих порядок применения технических средств, иногда порождает излишнюю, создающую проблемы для правоприменителя регламентацию. Например, Законом от 6 января 2021 г. ст. 221 УПК РБ «Особенности допроса несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля» была дополнена ч. 4 следующего содержания: «Применение звуко- и видеозаписи обязательно в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, за исключением случаев, когда несовершеннолетние потерпевший или свидетель, их законные представители возражают против этого, случаев, не терпящих отлагательства, случаев отсутствия технической возможности применения звуко- и видеозаписи»¹. Анализ данной нормы порождает ряд вопросов, на которые не всегда можно найти правильные ответы. Например, не совсем понятно, относится ли указанное положение ко всем следственным действиям либо только к допросу, и почему возраст несовершеннолетнего, участие которого в следственном действии подлежит звуко- и видеозаписи, ограничен четырнадцатью годами, а не, к примеру, двенадцатью либо шестнадцатью [10]? Исходя из этого, следователи в ходе досудебного производства неохотно применяют звуко- и видеозапись в указанных обстоятельствах: согласно данным анкетирования, 17,5 % респондентов применяют ее часто, 15,8 % — редко, 11,5 % — единожды, а 55 % не применяли никогда.

В-четвертых, в уголовный процесс начали внедряться «дружественные элементы» порядка проведения следственных действий, свидетельством чему является дополнение 26 мая 2021 г.

ст. 221 УПК РБ ч. 2.1, определяющей, что допрос несовершеннолетних потерпевшего или свидетеля, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по уголовным делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы по возможности должен проводиться в условиях дружественной детям комнаты для допроса². Конечно, названное изменение уголовно-процессуального закона сложно назвать тенденцией, но полагаем, что в контексте общей концепции по защите детства и материнства в Республике Беларусь обозначенное направление получит свое развитие в уголовно-процессуальном законодательстве. Отметим, что в Беларуси количество таких комнат в настоящий момент составляет около тридцати, т. е. в среднем примерно четыре в каждой области и г. Минске, что вряд ли является достаточным: на практике сотрудники малых территориальных подразделений Следственного комитета по делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы вынуждены на постоянной основе решать вопрос доставки несовершеннолетних допрашиваемых, а также их законных представителей и защитников в областные (крупные) города, в которых оборудованы дружественные детям комнаты.

Таким образом, обозначив тренды развития института следственных действий в уголовном процессе Республики Беларусь, можно высказать предположение том, что в обозримой перспективе они не утратят своей актуальности и будут совершенствоваться, так как их существование обусловлено в большей мере объективными факторами. А учитывая сходство уголовно-процессуального законодательства государств — участников СНГ, представляется, что и в этих странах нормативное регулирование и практика проведения следственных действий будут проходить в том же направлении.

1. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. Б. В. Виленский. Москва: Юрид. лит., 1991. С. 145—168.

2. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теор. и практ. руководство. Вып. 1: О предварительном следствии. Санкт-Петербург: Тип. Ф. С. Сущинского, 1869. 597 с.

¹ Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З. Доступ из информ.-правовой системы «ЭТАЛОН».

1. Charter of criminal proceedings. In: Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 8. Judicial reform. General ed.: O. I. Chistyakov; executive ed. B. V. Vilensky. Moscow: Juridical literature; 1991: 145—168. (In Russ.).

2. Kvachevsky A. A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the judicial charters of 1864. Vol. 1: On the preliminary investigation Theoretical and practical guidance. Saint Petersburg: F. S. Suschinsky printing house; 1869: 597. (In Russ.).

² Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З.

3. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд. А. А. Карцева, 1912. 443 с.

4. Семенцов В. А. Следственные действия по Уставу уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 679—685.

5. Бориго С. В. Уголовный процесс: учебник. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016. 392 с.

6. Данилевич А. А., Самарин В. И. Уголовный процесс в схемах. Особенная часть: учеб.-метод. пособие. 2-е изд., с изм. и доп. Минск: Изд. Центр БГУ, 2014. 176 с.

7. Шкаплеров Ю. П. Эксгумация: проблемы процессуальной регламентации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. 2008. № 10. С. 184—189.

8. Шкаплеров Ю. П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь // Предварительное расследование. 2017. № 2. С. 49—54.

9. Пянтковский Г. Р., Седых П. В. Уголовно-процессуальный порядок получения доступа к компьютерной информации // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 2. С. 86—92.

10. Шкаплеров Ю. П. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля: критика последних изменений УПК Беларуси // Правовий вимір конституційної та кримінальної юрисдикції в Україні та світі. Четверті юридичні читання: матеріали Міжнар. щоріч. дистанц. наук. конф. (м. Одеса, 9 квітня 2021 р.) / за заг. ред. Т. В. Степанової, О. А. Чувакова; уклад.: А. В. Левенець, О. В. Нарожна. Одеса: Фенікс, 2021. С. 239—241.

Шкаплеров Юрий Павлович,

первый заместитель начальника
Могилевского института
МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент;
shkaplerov@yandex.ru

3. Viktorsky S. I. Russian criminal process. Ed. 2nd, rev. and add. Moscow: Ed. A. A. Kartseva; 1912: 443. (In Russ.).

4. Sementsov V. A. Investigative actions according to the Charter of criminal proceedings. Actual problems of Russian law, 679—685, 2014. (In Russ.).

5. Boriko S. V. Criminal process. Textbook. Minsk: Adukatsiya i vykhavanne; 2016: 392. (In Russ.).

6. Danilevich A. A., Samarin V. I. Criminal process in schemes. Special part. Educational-methodical manual. 2nd ed., with rev. and add. Minsk: Publishing center of BSU; 2014: 176. (In Russ.).

7. Shkaplerov Yu. P. Exhumation: problems of procedural regulation. Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences, 184—189, 2008. (In Russ.).

8. Shkaplerov Yu. P. Conducting investigative actions using video conferencing systems in the criminal process of the Republic of Belarus. Preliminary investigation, 49—54, 2017. (In Russ.).

9. Pyantkovsky G. R., Sedykh P. V. Criminal procedural procedure for obtaining access to computer information. Bulletin of the Mogilev Institute of the MIA, 86—92, 2021. (In Russ.).

10. Shkaplerov Yu. P. Interrogation of an underage victim and witness: criticism of the latest changes in the Code of Criminal Procedure of Belarus. In: Legal dimension of constitutional and criminal jurisdiction in Ukraine and the world. Fourth legal readings. Materials of International every year distance of science conf. (Odesa, April 9, 2021). General ed. by T. V. Stepanova, O. A. Chuvakova; eds.: A. V. Levenets, O. V. Narozhna. Odesa: Phoenix; 2021: 239—241. (In Belarus.).

Shkaplerov Yury Pavlovich,

first deputy head of Mogilev institute
of the MIA of the Republic of Belarus,
candidate of juridical sciences, docent;
shkaplerov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.06.2023; одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 23.06.2023; approved after reviewing 05.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.98

doi: 10.25724/VAMVD.A162

**НАГРУЗКА БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ
КАК СРЕДСТВА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ:
ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ВИДЫ****Ольга Борисовна Дронова***, **Екатерина Сергеевна Килинкарлова****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, dronovao1@rambler.ru

** Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Ставропольскому краю, Ставрополь, Россия, e.s21@mail.ru

Аннотация. Эффективность деятельности правоохранительных органов находится в прямой зависимости от комплекса средств, применяемых в ходе технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Расширение технического потенциала беспилотных летательных аппаратов, обеспечивающих получение криминалистически значимой информации при производстве следственных действий и реализации оперативно-разыскных мероприятий, позволяет говорить о целесообразности оснащения данным видом криминалистической техники органов правопорядка для решения значительного объема функциональных задач различных подразделений.

В связи с этим, рассматривая дроны, оснащенные элементами полезной нагрузки, в качестве полноценных средств технико-криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов, полагаем, что одной из насущных задач теории криминалистики является разработка понятийного аппарата конструктивных элементов беспилотных летательных аппаратов для дальнейшего единообразного применения в специальной литературе и практической деятельности.

В статье рассмотрены лексический, предметный и функциональный подходы к технической сущности и конструктивным особенностям нагрузки беспилотных летательных аппаратов, определяющим возможности технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Предложенные определения стационарной и мобильной полезной нагрузки могут быть использованы в целях однозначного толкования рассматриваемых дефиниций в правовых, финансовых, методических и иных документах, а также в научно-исследовательских работах.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, стационарная полезная нагрузка, мобильная полезная нагрузка, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Дронова О. Б., Килинкарлова Е. С. Нагрузка беспилотных летательных аппаратов как средства криминалистической техники: основные понятия и виды // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 93—102. doi: 10.25724/VAMVD.A162

**THE LOAD OF UNMANNED AERIAL VEHICLES
AS A MEAN OF FORENSIC TECHNOLOGY:
BASIC CONCEPTS AND TYPES****Olga Borisovna Dronova***, **Ekaterina Sergeevna Kilinkarova****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, dronovao1@rambler.ru

** Expert-criminalistics center of Main Department of the Ministry of the Interior of Russia of the Stavropol Territory, Stavropol, Russia, e.s21@mail.ru

Abstract. The effectiveness of law enforcement agencies is directly dependent on the complex of technical means used in the course of technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes. The expansion of the technical potential of unmanned aerial vehicles that provide criminalistically significant information during the production of investigative actions and operational search activities, suggests the feasibility of equipping law enforcement agencies with this type of forensic equipment to solve a significant amount of functional tasks of various departments.

In this regard, considering drones as a full-fledged means of technical and forensic support for the activities of law enforcement agencies, we believe that one of the urgent tasks is the theoretical development of the conceptual apparatus of the structural elements of the UAV, for further uniform application in the forensic literature and in practice. The article considers lexical, subject and functional approaches to the technical essence and content of the load, which can be equipped with a UAV that determines its functionality related to the technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes. The definitions of stationary and mobile payloads are proposed, which can be used for the purpose of unambiguous interpretation of the definitions under consideration in legal and methodological documents, as well as scientific research works.

Keywords: unmanned aerial vehicle, stationary payload, mobile payload, law enforcement

For citation: Dronova O. B., Kilinkarova E. S. The load of unmanned aerial vehicles as a mean of forensic technology: basic concepts and types. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 93—102, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A162

С момента первого официального применения беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА, беспилотник, дрон, беспилотное воздушное судно) в деятельности правоохранительных органов прошло уже более десяти лет. Впервые беспилотник российского производства Ижевского завода марки Zala 421-21 «Серафим»¹ был применен в 2012 г. сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения Главного управления МВД России по Московской области в целях организации розыска угнанного автомобиля. Положительно оцененные результаты работы инновационного для того времени средства послужили стимулом к дальнейшей апробации и внедрению беспилотных технологий в деятельность различных подразделений правоохранительных органов. В настоящий момент практика применения дронов при решении функциональных задач различных структурных подразделений и методическое сопровождение данной деятельности является актуальным предметом научных и практических дискуссий. В специальных юридических и технических источниках представлены результаты изучения вопросов правового регулирования применения БПЛА [1], технических возможностей дронов [2], рассмотренных с точки зрения повышения результативности выполнения задач, стоящих перед органами правопорядка [3—5], правила и приемы их применения [6; 7] и др.

Учитывая растущую востребованность применения БПЛА субъектами раскрытия и расследования преступлений, обусловленную необходимостью расширения потенциала получения значимых

информационных данных, становится актуальным обобщение понятийных категорий конструктивных элементов и составных частей беспилотников, представленных в технической документации производителей и научно-практических исследованиях. В частности, для выработки единообразной терминологии нами будут проанализированы такие конструктивные категории, как полезная и целевая нагрузка БПЛА, обеспечивающие оптимальное выполнение функциональных задач правоохранительных органов.

Анализ технической литературы [8—10] и изучение сведений, размещенных на официальных сайтах производителей беспилотников², касающихся вопросов их применения в процессе обеспечения военных, промышленных и иных задач, показали отсутствие общепринятой трактовки терминов «*полезная нагрузка*» и «*целевая нагрузка*», при этом во многих источниках рассматриваемые дефиниции применяются в качестве равнозначных.

К примеру, на сайте производителя KARNEEV SYSTEMS³ отмечено, что «полезная нагрузка — это оборудование, которое летательный аппарат несет на себе для выполнения разных задач. Полезная нагрузка гиросtabilизирована и может включать в себя такие модули, как тепловизоры, камеры, дальнометры, системы сброса и т. д.». Вместе с тем на сайте производителя АО «НПП „Радар ммс“»⁴ указано, что «целевая нагрузка — это магнитометры, акустические системы, другая аппаратура полезной нагрузки, комплектующие

¹ Zala 421-21 «Серафим» (производитель Россия, г. Ижевск). Беспилотник построен на базе радиоуправляемой модели вертолета, был оснащен фотокамерой с управляемой линией визирования. Полноценный комплекс состоял из фургона с навигационной антенной, компьютера и шести беспилотных аппаратов разного размера.

² См., напр.: DJI. URL: <https://www.dji.com/ru> (дата обращения: 20.05.2023); DRONESTROY. URL: <https://dronestroy.ru> (дата обращения: 20.05.2023); Geoscan Group. URL: <https://www.geoscan.aero/ru> (дата обращения: 20.05.2023); Supercam.aero. URL: <http://unmanned.ru> (дата обращения: 20.05.2023); и др.

³ KARNEEV SYSTEMS. URL: <https://www.karneev.com> (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ АО «НПП „Радар ммс“». URL: <https://radar-mms.com> (дата обращения: 20.05.2023).

мая по запросу заказчика: оптико-электронные системы, специализированные датчики и устройства измерения, световые устройства и др.».

Лишь в единичных исследованиях отмечается необходимость разграничения технических определений *полезной* и *целевой* нагрузки. В частности, в работе Д. А. Митюшина [11] первая категория нагрузки рассматривается как все оборудование БПЛА, кроме планера и двигательной установки, а ко второй относятся элементы, предназначенные для решения определенных задач.

Данное обстоятельство, безусловно, демонстрирует отсутствие единого понимания ключевых определений конструктивных элементов БПЛА как в теоретическом, так и практическом аспекте, что затрудняет восприятие их реального содержания.

Следует отметить, что кодифицированное законодательство и нормативно-технические документы, регламентирующие использование БПЛА в Российской Федерации¹, содержат лишь общее определение беспилотного воздушного судна, не конкретизируют наименования конструктивных элементов рассматриваемых технических средств и их предназначение.

Тем не менее необходимость разграничения элементов технического оснащения БПЛА в правовой, финансовой, методической и иной документации нашли отражение в решении коллегии МЧС России 2015 г.² в разделе 6 «Требования к целевым (полезным) нагрузкам БПЛА». В данном документе приводится понятие полезной нагрузки, рассматриваемое по аналогии с ранее предложенной Д. А. Митюшиным дефиницией, а определение целевой нагрузки дополнено характеристикой «должна быть модульной и взаимозаменяемой». Стоит заметить, что в указанных трактовках целевая нагрузка рассматривается как составная часть полезной

нагрузки, при этом не определены их отличительные характеристики, позволяющие отграничивать одну от другой.

В целях формирования дефиниций, характеризующих разновидности компонентов нагрузки БПЛА как комплексов отдельных элементов, отличающихся по функциональному предназначению, нами использован лексический и предметный подходы к рассмотрению искомых терминов.

Согласно Большому толковому словарю, термин «полезный» определен как «пригодный, нужный для какой-нибудь определенной цели; составляющий ту часть целого, которая может быть использована по непосредственному назначению», а понятие слова «целевой» — как «предназначенный для определенной цели и не могущий быть использован для других надобностей» [12, с. 812].

Приведенные толкования указанных дефиниций имеют одинаковое смысловое содержание и характеризуются «предназначенностью для выполнения определенной цели», что не позволяет дифференцировать различия терминологии. Вместе с тем стоит отметить, что содержательная категория слова «полезный» имеет более обширное толкование, которое применительно к БПЛА предусматривает включение в данную категорию всего объема технических средств, составляющих полноценный комплекс беспилотного воздушного судна.

Исходя из вышесказанного, нами предлагается рассматривать всю техническую составляющую нагрузки беспилотника как полезную, однако следует учитывать, что конструктивно, по отношению к основному устройству, она может быть *стационарной (встроенной)* и *мобильной (подвесной)*.

При осуществлении предметного анализа изучаемых терминов были выделены ключевые критерии, позволяющие разграничивать полезную нагрузку на стационарную и мобильную:

- по виду (конкретному техническому элементу нагрузки);
- месту размещения (относительного основного устройства);
- техническим параметрам;
- функциональному предназначению с учетом вида решаемых задач.

Детальный анализ технической оснащенности беспилотников, их параметров, видового разнообразия и функционального предназначения позволит сформировать дефиниции, раскрывающие содержание понятий стационарной и мобильной полезных нагрузок, а также поможет выделить функциональные задачи правоохранительных органов, эффективное решение которых возможно осуществить посредством применения беспилотников.

¹ В п. 5 ст. 32 Воздушного кодекса РФ содержится лишь общее определение беспилотного воздушного судна (БВС), рассматриваемое как средство, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна; в пп. 2.1.1, 2.1.4 ГОСТ Р 56122-2014 Национального стандарта Российской Федерации. «Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования» (утв. и введ. в действие Приказом Росстандарта от 18.09.2014 № 1130-ст) БПЛА рассматривается как судно, которое не предусматривает непосредственного вмешательства пилота в управление полетом и т. д.

² О временных единых технических требованиях к робототехническим комплексам, беспилотным летательным аппаратам и прикладному программному обеспечению к ним: решение коллегии МЧС России от 25 марта 2015 г. № 6-V. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/1784> (дата обращения: 29.01.2022).

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что *стационарная полезная нагрузка БПЛА* в сочетании с программным обеспечением отвечает за осуществление основных функциональных возможностей:

- автономное управление полетом;
- стабилизацию аппарата в воздухе;
- световое освещение близлежащего пространства;
- наблюдение, поиск, выявление, фиксацию и передачу информации в режиме реального времени.

В первую очередь отметим, что главной составляющей цифровой вычислительной системы беспилотника, отвечающей за управление всем его комплексом, является *полетный контролер* (полетная плата, микрокомпьютер), который посредством обработки процессором получаемых информационных данных управляет полетом. Современный подход к комплектованию дронов автономными вычислительными алгоритмами способствует повышению результативности использования БПЛА в качестве технико-криминалистического средства, поскольку позволяет выполнить необходимый комплекс задач без постоянного участия оператора. Наиболее распространенными контролерами для автономных полетов являются 3DR Pixhawk¹ и MultiWii Pro². Важное значение при этом имеет разновидность программного модуля³, которым оснащен полетный контролер. В настоящее время к передовым сервисным платформам относятся CleanFlight⁴, FlightHub⁵, позволяющие осуществить функции по геопропространственному онлайн-полету⁶

¹ 3DR Pixhawk — независимый полетный контроллер с открытым исходным кодом.

² MultiWii Pro — контроллер с базовой инерциально-навигационной системой, который может быть запрограммирован в соответствии с заданием полета.

³ Программный модуль — согласно ГОСТ 19781 90 программа или функционально завершенный фрагмент программы, предназначенный для хранения, трансляции, объединения с другими программными модулями, загрузки в оперативную память.

⁴ CleanFlight — это 32-битная программная платформа с открытым исходным кодом, используемая для управления полетом летающих аппаратов.

⁵ FlightHub — веб-сервис предназначен для планирования, управления и координации работы беспилотных систем.

⁶ Геопропространственная онлайн-система обеспечивает получение в режиме реального времени актуальных и своевременных рекомендаций по режиму полета над территориями, где полет может быть ограничен законодательством РФ или затрагиваются проблемы безопасности (например, зона аэропортов, тюрем, атомных электростанций, лесных пожаров, крупных мероприятий на стадионах, передвижениях VIP-лиц и др.).

и планированию движения по заданному маршруту, обнаружению и обходу препятствий, идентификации запрограммированного объекта или лица, следование за ним и другие действия. Данные функциональные возможности обеспечивают эффективное осуществление работы следственных, оперативных, экспертно-криминалистических подразделений, инспекции безопасности дорожного движения и иных служб, деятельность которых связана с поиском, обнаружением, фиксацией криминалистически значимой информации, отождествлением и преследованием лиц и объектов, представляющих оперативный интерес.

Следующими по значимости элементами стационарной полезной нагрузки БПЛА являются встроенные *ультразвуковые датчики / сонары и камеры*, позволяющие обеспечить в условиях как значительного, так и ограниченного территориального пространства автономное стабильное удержание в воздухе летательного аппарата с минимизацией постороннего воздействия. Стоит отметить, что в условиях производства следственных действий такая работа дронов является перспективным направлением, поскольку позволяет операторам сосредоточиться на выполнении качественного сбора информационных данных. Так, устойчивость полета беспилотника зависит от комбинированного взаимодействия датчиков, определяющих ориентацию аппарата в воздухе и параметры его движения, к числу которых относятся:

— магнитометр, выполняющий функции электронного компаса, обеспечивающий выравнивание направления полета дрона;

— акселерометр, отвечающий за стабильность беспилотника в воздухе и плавное движение;

— гироскоп, позволяющий беспилотнику реагировать на изменение углов ориентации объекта относительно инерциальной системы отсчета и определять его положение в пространстве;

— барометрический датчик скорости и высоты, который обеспечивает удержание заданной высоты полета и плавность движения БПЛА;

— ультразвуковой датчик, или сонар, повышающий точность измерения заданного объекта на небольших высотах (до 10 м) и в помещениях;

— датчик расстояния, выполняющий функцию определения точных параметров расстояния до конкретного объекта;

— датчик визуального позиционирования, выполняющий функцию анализа пространства под дроном, что обеспечивает стабильный полет в помещении, вблизи земли или в зонах отсутствия сигнала спутников;

— сенсорные event-камеры, представляющие собой датчики технического зрения, которые отмечают изменения яркости объектов, обеспечивая высокий динамический диапазон съемки и отсутствие размытости изображения при движении контролируемого объекта.

Следует еще раз подчеркнуть, что один универсальный датчик не позволяет организовать высокую стабилизированную¹ работоспособность БПЛА. Только комплекс взаимосвязанных сенсоров обеспечивает ориентировку дрона в пространстве, корректное удержание высоты полета с компенсацией различных внешних воздействий, что в совокупности способствует полноценному осуществлению работы по фиксации, сбору и формированию качественного фото-, видео-, 3D-материала обстановки проведения следственного действия или реализации оперативно-разыскного мероприятия.

Для осуществления поисковых функций, связанных с задачами по обнаружению людей, выявлению объектов, следов и иных значимых для расследования преступлений вещественных доказательств, возможно применение БПЛА, оснащенных *курсовой камерой FPV*², установленной в передней (носовой) бортовой части дрона. Данное техническое средство позволяет осуществлять видеотрансляцию фиксируемых информационных данных и вести наблюдение за происходящими событиями в режиме реального времени. Главным преимуществом такой камеры является передача видео с беспилотника на диспетчерский монитор оператора в режиме реального времени с минимальной задержкой. Для осуществления такой функции в настоящее время не целесообразно использование цифровых HD-камер, поскольку из-за зашифрованного цифрового сигнала происходит задержка передачи видеотрансляции.

Задействование поисковых функций БПЛА предусматривает необходимость оснащения устройства *средствами светового излучения*, к примеру, комплектом подсветки Lume Cube³, позволяющим в темное время суток получить умеренное освещение окружающей местности для распознавания объектов и иной интересующей информации, а также произвести безопасную эксплуатацию беспилотника при выполнении посадки.

¹ Стабилизация (от лат. *stabilis* — устойчивый, постоянный) — упрочение, приведение в постоянное устойчивое состояние или поддержание этого состояния.

² FPV — сокращенное название системы управления полетами от «первого лица» — First Person View.

³ Lume Cube — портативный прожектор с дополнительными насадками.

Обеспечение функций по определению местоположения (географических координат) конкретных территорий, отдельных следов и объектов возможно посредством установки на БПЛА *средств спутниковой навигации*. Проблемы с привязкой к местности могут возникнуть, если осмотр или другие следственные действия проводятся вне территории населенного пункта, например в лесном массиве, в поле, степи, тундре, пустыне, а также в акватории моря, больших рек или озер. Сложности с ориентированием и точной локализацией места происшествия и его основных информационных узлов могут возникнуть и в населенных пунктах, например в парке или лесополосе. Особое значение данная функция имеет для следователей следственных подразделений на транспорте, когда преступление совершается на территории следования поезда, водного или воздушного судна [13, с. 85]. Оснащение беспилотников навигационными приемниками ГЛОНАСС (GPS, ГАЛИЛЕО) обеспечит по сигналам глобальной спутниковой навигационной системы возможность привязки осматриваемых территорий, объектов (следов), людей к точным координатам карт местности. Данная функция позволяет осуществить рациональный поиск по заданным координатам криминалистически значимой информации, размещенной на значительном территориальном пространстве.

Оснащение дронов технологией беспроводной локальной сети Wi-Fi обеспечивает поддержание их связи с внешними устройствами (планшетами, смартфонами и т. д.) и передачу информационных данных на пульт управления оператора в режиме реального времени.

Таким образом, перечисленные разновидности встроенной технической аппаратуры, которой может быть оснащен бортовой комплекс БПЛА, обеспечивают реализацию многих тактико-технических функций полиции, связанных с наблюдением, поиском, выявлением, фиксацией и передачей в режиме реального времени оперативной и криминалистически значимой информации. Однако стоит акцентировать внимание на том, что оснащение БПЛА элементами мобильной полезной нагрузки позволяет существенно увеличить заложенный технический потенциал беспилотников, что обуславливает качество, полноту и целостность собираемых информационных данных, обеспечивающих решение большого спектра функциональных задач, стоящих перед правоохранительными органами.

Детальное рассмотрение элементов *мобильной полезной нагрузки БПЛА* позволяет констатировать, что в настоящее время она во многом уже

является их неотъемлемой частью. Кроме того, следует отметить, что определяющую роль в эффективности использования внешней нагрузки играют гиросtabilизированные платформы, способные минимизировать высокочастотную вибрацию и низкие колебательные частоты от работы двигателей и пропеллеров, воздействие ветра или других внешних факторов при совершении различных летных маневров беспилотников.

Гиросtabilизированные платформы БПЛА (подвесы) — это базовое основание для пространственной устойчивости высокотехнологичной аппаратуры (мобильной нагрузки), обеспечивающее устранение влияния внешних воздействий, приводящих к выводу приборов, расположенных на платформе, из заданного оператором положения.

В настоящее время в беспилотниках преимущественно используют двух- и трехосевые типы гиросtabilизаторов¹. Отметим, что двухосевой подвес работает над стабилизацией устройства в двух осях — тангажа² и крена³, трехосевой подвес, помимо перечисленных углов ориентации летательного аппарата, осуществляет контроль над рысканием⁴ и обеспечивает поглощение нефункциональных колебательных движений. Применение данных платформ исключают горизонтальную вибрацию дрона. Акцентируя внимание на том, что работа правоохранительных органов, в частности деятельность экспертно-криминалистических подразделений, предусматривает решение задач, ориентированных на качество получаемого информационного материала, точность производимых измерений и вычислений, более целесообразным предполагается использование БПЛА с трехосевыми гиросtabilизированными платформами.

Опираясь на то, что мобильная полезная нагрузка беспилотника представляет собой комплект самостоятельных технических устройств, которые используются в рамках технико-криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов, можно выделить основные функциональные

возможности комплекса БПЛА, реализуемые с применением подвесных элементов:

— производство полномасштабной фото-, видео-, 3D-съемки;

— поиск и фиксация местоположения невидимых объектов;

— точное вычисление расстояний и производство бесконтактных измерений крупногабаритных объектов, обширных участков местности;

— полноценное световое освещение в ночное время суток значительного территориального пространства;

— сбор материальных следов и объектов в опасных и труднодоступных районах.

Одним из основных преимуществ использования функциональных возможностей беспилотников в деятельности полиции является получение качественного объективного практического критерия проверки достоверности сформированного субъективного представления о конкретной пространственной территории, на которой размещены ключевые информационные комплексы произошедшего события. Средством, обеспечивающим данный критерий, является *съёмочная техника*, позволяющая без геометрических и пространственных искажений собрать наглядные фото-, видео-, 3D-материалы, корректные и полноформатные данные измерений, включая соотношения взаиморасположений основных информационных узлов обстановки мест происшествий. На БПЛА устанавливаются специальные фотоаппараты для проведения макросъемки, высокоскоростные камеры, фотоаппараты для съемки за пределами видимого спектра и др. К таким техническим средствам относятся:

— цифровая фотоаппаратура с различным фокусным расстоянием, оснащенная матрицами с максимальным эффективным разрешением и набором фильтров, обеспечивающих производство съемки в ультрафиолетовом, видимом и инфракрасном диапазонах от 330 до 1 200 нм, например камеры Sony XNite DSC-W300⁵, Phase One iXM

¹ Лучший подвес для дрона: для выдающихся аэрофотографий. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/statii/izistorii-vozduhoplavaniya.html> (дата обращения: 08.12.2021).

² Тангаж — угловое движение летательного аппарата относительно поперечной оси.

³ Крен — поворот объекта летательного аппарата вокруг его продольной оси.

⁴ Рыскание — угловые движения летательного аппарата относительно его вертикальной оси, а также небольшие изменения курса вправо или влево, свойственные судну.

⁵ Фотоаппарат XNite DSC-W300 позволяет производить съемку в ультрафиолетовом, видимом и инфракрасном диапазоне от 330 нм до 1 200 нм, к аппарату прилагаются фильтры для съемки в ультрафиолетовой зоне спектра XNite330, XNiteUVR, для съемки в видимом диапазоне XNiteCC1, XNiteCC2, для съемки в инфракрасном диапазоне XNite BP1, XNiteXDP и др.

100MP¹ и др., позволяющие изучать территориальное пространство в различных погодных (яркое солнце, снег, туман и др.) и временных (дневных, сумеречных, ночных) условиях;

— экшен-камеры, обеспечивающие аудиовизуальную фиксацию окружающей обстановки, ведение съемки в условиях движения. Такие камеры, как Xiaomi MiJia 4K Action Camera², SjCam Sj4000³, позволяют стабилизировать изображения и обеспечивают широкий угол обзора, что, в свою очередь, способствует реализации функций преследования цели (автомобиля, лица, представляющего оперативный интерес и др.) с получением качественного видео сопровождения, передаваемого по выделенным каналам связи;

— тепловизионная камера, используемая в дронах моделей Zenmuse XT2⁴, FLIR Duo Pro R⁵, Workswell WIRIS Security⁶ и др., в условиях производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий позволяет фиксировать и получать температурно-контрастное изображение теплового излучения значительных пространственных территорий и обнаруживать тепловые излучения людей (животных) и иных объектов в полной темноте. Необходимость использования в качестве мобильной полезной нагрузки тепловизоров обусловливается возможностью обнаружения в условиях пыли, дыма, тумана, умеренного дождя и снега несущественных детальных различий (к примеру,

до 0,01 °С) в тепловой сигнатуре⁷ при съемке в инфракрасном диапазоне.

Отдельно следует отметить возможность установки в качестве внешней полезной нагрузки на БПЛА *измерительной техники*, в частности лазерных дальномеров, или лидаров⁸. Посредством воздушных лазерных сканеров моделей АГМ-МСЗ и их модификаций⁹ (Phoenix RECON-XT¹⁰ и др.) осуществляется построение объемных 3D-моделей обстановки места происшествия и иных следственных действий с детализацией ключевых объектов и формированием наглядной картины обстановки совершенного преступления. Преимущества применения результатов 3D-сканирования при дальнейшем раскрытии и расследовании преступлений обусловлены детальностью и точностью получаемой информации, в том числе при фиксации труднодоступных высотных и опасных объектов, безориентирной местности¹¹ (пустыни, песчаные или заболоченные территории), а также возможностью получения изображений в любых условиях освещения (день / ночь). Особое значение трехмерных моделей объектов в последнее время отмечается в деятельности судебно-экспертных учреждений, связанной с производством экспертиз, в которых объектами исследования являются крупногабаритные объекты, крупномасштабные территории, требующие точности измерений, объективности данных и исключения влияния человеческого фактора. Современный метод воздушного 3D-сканирования, предопределяет качество, целостность, предметность и структурность визуализационного восприятия обстановки места производства следственного действия или реализации оперативно-разыскного мероприятия.

¹ Камера Phase One iXM 100MP является среднеформатной камерой для дронов, использующей 100-мегапиксельную матрицу с обратной засветкой (BSI), с возможностью удаленного запуска камеры с учетом фиксированного расстояния до объекта / фиксированного времени, обеспеченной функцией поддержки приложений планирования миссий — полетов по заданным точкам.

² Камера Xiaomi MiJia 4K Action Camera Black — компактная экшн-камера, оснащенная Wi-Fi-модулем для удаленного управления всеми функциями и просмотра видео на выходном устройстве, позволяет записывать видео в разрешении 4K 3840×2160 р со скоростью 30 кадров в секунду.

³ Камера SjCam Sj4000 — многофункциональная экшн-камера, записывающая видео в движении с разрешением Full HD 1080 р с частотой 30 кадров за секунду.

⁴ DJI Zenmuse XT2 — включает тепловизор FLIR с высоким разрешением и визуальную камеру 4K с технологией стабилизации и автономного режима, обеспечивает регистрацию и запись данных о температуре попиксельно, в режиме реального времени.

⁵ FLIR Duo Pro R — камера работает в режиме HD (1280×720 точек), позволяет распознавать объекты в темноте на расстоянии более 90 м.

⁶ Workswell WIRIS Security — тепловизор для дронов, оснащенный LWIR (7.5—13.5 мкм), обеспечивающий функцию поиска и спасения людей.

⁷ Тепловая сигнатура — это искусственное цветное изображение инфракрасного излучения или тепла, испускаемого объектом.

⁸ Лидар (от англ. LIDAR — Light Identification Detection and Ranging) — устройство для обнаружения и определения дальности световой идентификации.

⁹ Системы мобильного сканирования АГМ-МСЗ.100, АГМ-МСЗ.101, АГМ-МСЗ.200, АГМ-МСЗ.201, предназначенные для определения трехмерных координат точек земной поверхности, инженерных объектов и сооружений с борта транспортного средства (автомобильного, пешего, воздушного, в том числе беспилотного).

¹⁰ RECON-XT — система, осуществляющая сканирование небольших областей с сантиметровым уровнем точности на максимальной дальности 130 м.

¹¹ Безориентирной называется местность с однообразным фоном (тайга, степь, пустыня, тундра, большие лесные массивы и др., а также малообследованные районы, для которых нет точных карт).

Значимым мобильным элементом оснащения БПЛА, эксплуатируемых подразделениями правоохранительных органов в круглосуточном режиме, являются *средства светового излучения* — прожекторы. Например, к числу данных технико-криминалистических средств относятся прожектор Wingsland Z15¹, комплекс экспертного света, светотехническое оборудование, предназначенное для RGB-съёмки², обеспечивающие визуальное наблюдение в темное время суток и применяемое как дополнительный источник освещения при поиске различного рода криминалистически значимой информации.

Рассматривая перспективы совершенствования мобильной полезной нагрузки БПЛА, стоит выделить апробацию моделей дрона PD6B-AW-ARM, оснащенного оборудованием для захватывания объектов. Данная функция обеспечивается посредством установленной на внешнем подвесе металлической конечности³, предназначенной для изъятия проб веществ с помощью емкости, закрепленной на длинном держателе, зафиксированном в качестве подвеса беспилотника. Внедрение в практическую деятельность данного элемента мобильной нагрузки существенно расширит возможности по изъятию криминалистически значимой информации в труднодоступных и опасных для жизни и здоровья членов следственно-оперативной группы местах.

Еще одним перспективным направлением совершенствования мобильной полезной нагрузки является тестирование устройства, позволяющего проводить бесконтактное сканирование местности безопасным для человека лазерным лучом, с возможностью регистрации и распознавания спектров рассеяния молекул, характерных для наркотических веществ. Разработчики объединили данную мобильную нагрузку с элементами, обеспечивающими GPS-навигацию, что в будущем позволит на цифровой карте фиксировать места, на которых обнаружены следы конкретных веществ⁴.

Предполагается, что данный способ выявления очагов концентрации частиц искомых элементов обладает весьма высоким профилактическим потенциалом своего внедрения в деятельность

правоохранительных органов, в том числе позволит сотрудникам подразделений по контролю за оборотом наркотиков значительно повысить эффективность проверочных мероприятий.

По аналогии может быть рассмотрена и возможность установки на беспилотник газоанализатора, предназначенного для проведения анализа состава и свойств различных веществ и газовых смесей, выделяемых при разложении биологических тканей (аммиак, сероводород, метан, меркаптаны). Данная техническая аппаратура должна способствовать отысканию трупов под землей или различного рода завалами за счет химической реакции, позволяющей определить наличие продуктов гнилостного распада без непосредственного участия человека.

Непрерывное совершенствование высокотехнологичного оборудования за счет прогресса информационных технологий способствует регулярному появлению новых форм реализации функционального применения дронов в качестве технико-криминалистического средства, обеспечивающего деятельность полиции.

Таким образом, рассмотренные технические элементы, составляющие комплекс полезной нагрузки БПЛА, обуславливают предпосылку к конструированию определений стационарной и мобильной полезных нагрузок.

Учитывая приведенные нами конструктивные элементы БПЛА и их функциональное предназначение, можно сделать вывод, что под *стационарной полезной нагрузкой* следует понимать комбинированные микроэлектронные элементы, предназначенные для обеспечения летных характеристик беспилотного аппарата, оказывающих влияние на качество собираемых информационных данных. К числу составных элементов стационарной полезной нагрузки будут относиться:

- неподвижная конструкция, встроенная в бортовую часть беспилотника;
- комбинация микроэлектронных элементов;
- совокупность элементов, способствующих выполнению полетного задания без непосредственного контроля БПЛА оператором;
- оборудование, позволяющее получить цифровую информацию при осуществлении наблюдения, поиска, выявления, фиксации и передачи данных оператору в режиме реального времени.

Мобильная полезная нагрузка определена нами как взаимозаменяемая модульная аппаратура, устанавливаемая на гиросtabilизированной платформе, используемая в зависимости от назначения и специфики решаемых задач, времени суток и погодных условий.

¹ Прожектор Wingsland Z15 — мощный и яркий источник света, устанавливаемый на подвесе с 3-осевой стабилизацией.

² RGB (Red Green Blue) — это аддитивная цветовая модель, описывающая способ синтеза цвета.

³ Дрон с дополнительными конечностями. URL: <https://brlab.ru/scopes/politsiya> (дата обращения: 15.05.2023).

⁴ Лазерный прицеп: наркотики смогут искать с помощью «чутких» дронов. URL: <https://iz.ru/893389/olga-kolentcova/lazernyi-pritsep-narkotiki-smogut-iskat-s-pomoshchiu-chutkikh-dronov> (дата обращения: 20.11.2021).

Мобильная полезная нагрузка характеризуется следующими аспектами:

— устанавливается на гиросtabilизированной подвижной и съемной платформе;

— предназначена для выполнения многоплановых заданий в зависимости от специфики решаемых задач, времени суток и погодных условий;

— отдельные элементы могут функционировать как самостоятельно, так и в сочетании с иными устройствами;

— позволяет получить наглядные качественные, полноценные, измеряемые информационные данные и осуществить сбор материальных следов и объектов.

Так, проведение лексического, предметного и функционального анализа позволяет сформулировать следующие определения рассматриваемых основных понятий:

— *стационарная полезная нагрузка* (от лат. stationarius — стоящий, неподвижный) — это совокупность неподвижно встроенных в бортовую часть воздушного судна технических средств, микроэлектронных элементов, аппаратно-программного обеспечения, позволяющих осуществить стабилизированный полет летательного аппарата, а также фиксацию информационных сведений, заданных оператором;

— *мобильная полезная нагрузка* (от лат. mobilis — подвижный) — это взаимозаменяемая

техническая аппаратура, внешне устанавливаемая на гиросtabilизированной платформе, используемая в зависимости от назначения и специфики решаемых задач, времени суток и погодных условий для получения наглядных качественных, полноценных, измеряемых информационных данных и осуществления сбора материальных следов и объектов.

Стоит отметить, что сформулированные понятия обобщают знания, полученные при изучении и анализе составных элементов беспилотников, и позволяют унифицировать понятийно-терминологический аппарат при описании комплекса БПЛА. Кроме того, изложенные дефиниции раскрывают их научную и техническую сущность для использования в криминалистической литературе, рассматривающей беспилотные аппараты в качестве технико-криминалистического средства.

Рациональное сочетание стационарной и мобильной полезных нагрузок обеспечивает высокий уровень автономности беспилотника, который предусматривает взаимосвязанную работу комплекса всего оборудования дрона. Это повышает значимость использования дронов в процессе технико-криминалистического обеспечения, поскольку они позволяют решить сложные разведывательные, поисково-познавательные исследовательские и иные задачи, стоящие перед правоохранительными органами.

1. Кежов А. А., Грачев Ю. А., Степанов И. В. Организационно-правовое обеспечение беспилотных комплексов в системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 40—43.

2. Лозовский Д. Н., Лозовская Н. Н., Ульянова И. Р. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений: вопросы теории и практики // Юрист-Правовед. 2021. № 3 (98). С. 162—165.

3. Бегалиев Е. Н. О перспективах применения беспилотных летательных аппаратов в ходе производства отдельных следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 163—172.

4. Егошин И. В., Константинов В. Н. Актуальность практического применения органами внутренних дел беспилотных летательных аппаратов при выполнении оперативно-служебных задач // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). С. 99—104.

5. Шапошников А. Ю., Овакимян Д. Н. Применение современных технологий фиксации информации и беспилотных систем при производстве осмотра места происшествия // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 142—153.

1. Kezhov A. A., Grachev Yu. A., Stepanov I. V. Organizational and legal support of unmanned complexes in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 40—43, 2016. (In Russ.).

2. Lozovsky D. N., Lozovskaya N. N., Ulyanova I. R. The use of unmanned aerial vehicles in the process of investigating crimes: issues of theory and practice. Jurist-Pravoved, 162—165, 2021. (In Russ.).

3. Begaliev E. N. On the prospects of using unmanned aerial vehicles during the production of individual investigative actions. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 163—172, 2019. (In Russ.).

4. Egoshin I. V., Konstantinov V. N. The relevance of the practical application of unmanned aerial vehicles by internal affairs bodies in the performance of operational and service tasks. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 99—104, 2022. (In Russ.).

5. Shaposhnikov A. Yu., Ovakimyan D. N. Application of modern technologies for recording information and unmanned systems during the inspection of the scene of an accident. Judicial power and criminal procedure, 142—153, 2021. (In Russ.).

6. Мартынюк С. Н., Косовский В. Б. Использование беспилотных летательных аппаратов в обеспечении безопасности дорожного движения // Теория и практика общественного развития. 2021. № 2 (156). С. 50—53.

7. Дронова О. Б. Современные возможности применения беспилотных летательных средств для обеспечения контроля безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 59—66.

8. Биард Р. У., МакЛэйн Т. У. Малые беспилотные летательные аппараты: теория и практика. Москва: Техносфера, 2015. 312 с.

9. Беспилотная авиация. Терминология, классификация, современное состояние / В. С. Фетисов [и др.]. Уфа: PHOTON, 2014. 217 с.

10. Кошкин Р. П. Беспилотные авиационные системы. Москва: Стратегические приоритеты, 2016. 676 с.

11. Митюшин Д. А. Сравнительный анализ тактико-технических требований к военным и полицейским комплексам с беспилотными летательными аппаратами // Специальная техника. 2011. № 2. С. 31—36.

12. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. Москва: Альта-Принт [и др.], 2008. 1239 с.

13. Галкин Д. В. Возможности позиционирования на местности с использованием технологии спутниковой навигации при производстве следственных действий // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 3 (10). С. 84—86.

Дронова Ольга Борисовна,

профессор кафедры
криминалистической техники
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
dronovao1@rambler.ru

Килинкарова Екатерина Сергеевна,

эксперт организационно-методического отдела
экспертно-криминалистического центра
ГУ МВД России по Ставропольскому краю;
e.s21@mail.ru

6. Martynyuk S. N., Kosovsky V. B. The use of unmanned aerial vehicles in ensuring road safety. Theory and practice of social development, 50—53, 2021. (In Russ.).

7. Dronova O. B. Modern possibilities of using unmanned aerial vehicles to ensure road safety control. Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 59—66, 2023. (In Russ.).

8. Beard R. W., McLane T. W. Small unmanned aerial vehicles: theory and practice. Moscow: Technosphere; 2015: 312. (In Russ.).

9. Fetisov V. S. (et al.) Unmanned aircraft. Terminology, classification, current state. Ufa: PHOTON; 2014: 217. (In Russ.).

10. Koshkin R. P. Unmanned aircraft systems. Moscow: Strategic Priorities; 2016: 676. (In Russ.).

11. Mityushin D. A. Comparative analysis of tactical and technical requirements for military and police complexes with unmanned aerial vehicles. Special equipment, 31—36, 2011. (In Russ.).

12. Ushakov D. N. Big explanatory dictionary of the modern Russian language: 180,000 words and phrases. Moscow: Alta-Print [et al.]; 2008: 1239. (In Russ.).

13. Galkin D. V. The possibilities of positioning on the ground using satellite navigation technology in the production of investigative actions. Law and order: history, theory, practice, 84—86, 2016. (In Russ.).

Dronova Olga Borisovna,

professor at the department of criminalistic techniques
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
dronovao1@rambler.ru

Kilinkarova Ekaterina Sergeevna,

expert of the organization and methodological
department of Expert-criminalistics center
of Main Department of the Ministry
of the Interior of Russia of the Stavropol Territory;
e.s21@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.955:343.143
doi: 10.25724/VAMVD.A163

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ ОПОЗНАЮЩЕГО
(ПСИХОЛОГИЯ И НАИБОЛЕЕ УСТОЙЧИВЫЕ
ПРОЯВЛЕНИЯ ПСИХИКИ)**

Евгений Иванович Замылин**, *Ирина Викторовна Шевчук**

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, efrommm@mail.ru

** Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоградский филиал), Волгоград, Россия, vkomarof@mail.ru

Аннотация. Предъявление для опознания обусловлено целым комплексом сложных психических процессов, происходящих в сознании опознающего; его результат предопределен способностью фигуранта по делу выделить среди схожих объектов, представленных для обозрения, индивидуальные признаки, присущие одному из них. Психология опознания, как и все мыслительные задачи, определяется особенностями личности опознающего, его интересом, отношением к событию преступления и правонарушителю, психологическим (эмоциональным) состоянием, как на момент совершения преступления, так и в ходе проведения данного следственного действия. Использование данных психологии помогает выявлению психических особенностей индивида, вовлеченного в процесс расследования, правильному выбору тактических приемов при допросе, предшествующем опознанию, в ходе самого процессуального действия, а также при проверке и оценке его результатов. Опознание следует признать заключительным актом целого ряда психических процессов, которые можно объединить под общим наименованием «процесс формирования показаний потенциального опознающего».

Ключевые слова: расследование, доказательства, следовательно, формирование показаний, предъявление для опознания, проявления психики, психология опознания

Для цитирования: Замылин Е. И., Шевчук И. В. Специфика формирования показаний опознающего (психология и наиболее устойчивые проявления психики) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 103—112. doi: 10.25724/VAMVD.A163

**SPECIFICS OF TESTIMONY FORMATION BY IDENTIFIER
(PSYCHOLOGY AND MOST PERSISTENT MANIFESTATIONS
OF THE PSYCHE)**

Evgeny Ivanovich Zamylin**, *Irina Victorovna Shevchuk**

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, efrommm@mail.ru

** Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd branch), Volgograd, Russia, vkomarof@mail.ru

Abstract. The presentation for identification is determined by a complex set of intricate mental processes occurring in the consciousness of the identifier. The outcome is predetermined by the ability of the subject to discern individual characteristics among similar objects presented for observation. The psychology of identification, like all cognitive tasks, is influenced by the peculiarities of the identifier's personality, their interest and attitude towards the crime event and perpetrator, as well as their psychological (emotional) state both during the commission of the crime and throughout the investigative procedure. The utilization of psychological principles aids in identifying the mental characteristics of the individual involved in the investigation and facilitates the appropriate selection of tactical approaches during the pre-identification interrogation, the actual procedural action, and the verification and evaluation of its results. Identification should be recognized as the culminating act of a series of mental processes that can be collectively referred to as the process of forming testimony by a potential identifier.

Keywords: investigation, evidence, investigator, formation of testimony, presentation for identification, manifestations of the psyche, psychology of identification

For citation: Zamylin E. I., Shevchuk I. V. Specifics of testimony formation by identifier (psychology and most persistent manifestations of the psyche). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 103—112, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A163

Проблема установления истины на стадии предварительного расследования нередко находит свое разрешение при проведении такого следственного действия, как предъявление для опознания. Этим определяется значимость предъявления для опознания в арсенале средств уголовно-процессуального доказывания и объясняется тот интерес, который оно вызывает у ученых и практических работников. Теоретическая и практическая значимость ранее проведенных исследований, в том числе на диссертационном уровне [1], посвященных данной проблеме, несомненна; в литературе высказано немало рекомендаций по тактике и психологии проведения указанного следственного действия. Не умаляя вклада выполненных разработок, необходимо отметить, что полностью, как нам представляется, данная проблема себя не исчерпала.

Предъявление для опознания — весьма специфическое следственное действие, его проведение обусловлено сложными психическими процессами, происходящими в сознании опознающего. Эти процессы не всегда достаточно четко осознаются самим субъектом опознания. Содержащиеся в показаниях сведения представляют собой определенным образом трансформированную сознанием человека информацию о воспринятых им обстоятельствах преступления. По мнению В. Л. Будникова, трансформация может происходить вне зависимости от воли и желания индивида. Сведения о преступлении и лицах, его совершивших, по своему объему и качеству далеко не всегда совпадают с первоначально отразившейся в сознании таких носителей информационной моделью воспринятой ими криминальной ситуации [2]. Поэтому от искусства и профессионализма следователя во многом зависит получение необходимой информации об интересующем его объекте и последующем ее использовании в ходе расследования.

Целью любого опознания, независимо от вида, является получение дополнительных доказательств виновности конкретного лица или его непричастности к совершенному уголовно наказуемому деянию. Результат следственного действия обусловлен установлением тождества или различия опознаваемого объекта в числе иных с ранее визуально воспринятым фигурантом по делу в той или иной обстановке. Опознание представляет собой слож-

ный комплекс психической деятельности индивида, которая определена его способностью выделять среди схожих объектов, представленных для обозрения, индивидуальные признаки, присущие одному из них. Вместе с тем устойчивые особенности объекта опознания, взятые за основу опознающим, должны быть им предварительно описаны при проведении допроса. Непременным условием должно быть его согласие (независимо от процессуального положения) участвовать в данном следственном действии.

Проведению опознания предшествует тщательная тактико-психологическая подготовка. На данном этапе, в числе прочего, следователю необходимо выяснить, не беспокоит ли что потенциального опознающего, в том числе последствия его содействия расследованию. Если такие факты имеют место, то необходимо продумать меры нейтрализации опасений добросовестного участника уголовного процесса, направленные также и на обеспечение его безопасности. Обобщая полученные сведения в комплексе с оперативной информацией, следователь должен выработать сценарий опознания (*не будем лукавить, что сценарий присущ лишь следственному эксперименту*), не исключая проведения следственного действия в условиях, когда визуальное наблюдение опознаваемым опознающего невозможно, предполагая и необходимость зашифровки установочных данных добросовестного участника уголовного процесса.

Использование данных психологии помогает выявлению психических особенностей личности, правильному выбору тактических приемов при допросе, предшествующем опознанию, в ходе самого процессуального действия, а также при проверке и оценке его результатов. В целом это объединяет следующие моменты:

— во-первых, опознание — это сложный психический процесс узнавания, протекающий в сознании человека;

— во-вторых, идентифицирующим объектом выступает идеальная категория — мысленный образ, хранящийся в памяти человека;

— в-третьих, посредством сопоставления мысленного образа, запечатленного в памяти фигуранта при непосредственном восприятии, с аналогичными объектами, которые предлагаются ему для

сравнения, опознающий приходит к выводу об их тождестве, сходстве или различии.

Таким образом, опознание следует признать заключительным актом целого ряда психических процессов, которые можно объединить под общим наименованием как процесс формирования показаний опознающего. Соответственно, считаем необходимым остановиться на стадиях (этапах) формирования показаний более подробно. За основу классификации могут быть положены психические процессы как наиболее устойчивые проявления психики, различающиеся по времени, содержанию и интенсивности протекания. Общеизвестными считаются три стадии: восприятие, запоминание (или сохранение) и воспроизведение.

Однако нужно признать явно несостоятельным сведение стадий формирования показаний лишь к трем означенным психическим процессам; предложенная классификация не исчерпывает всех психологических факторов, влияющих на достоверность показаний. Так, по мнению ряда ученых, материал, извлекаемый человеком из «фондов памяти», избирательно актуализируется и реконструируется в зависимости от той задачи, которая возникает перед индивидом в определенный момент. Человек воспринимает информацию по двум каналам — осознанно и малоосознанно (бессознательно). Как следствие, избирательная чувствительность к отдельным сторонам действительности актуализирует необходимость учитывать и индивидуально-психологические особенности лица, вовлеченного в уголовный процесс [3].

Нельзя отрицать, что в большинстве случаев событие преступления оказывает существенное воздействие на психологическое состояние и эмоциональную сферу его очевидца. Особенно это относится к жертве, подвергшейся физическому и / или психическому насилию. В немалой степени психология опознания, как и все мыслительные задачи, определяется особенностями личности опознающего, его интересом, отношением к событию преступления и правонарушителю, психологическим состоянием, в котором находился, и пр.

Нельзя не учитывать и то, что на момент предложения следователем свидетелю (потерпевшему) участвовать в опознании у последнего возникают ассоциации не только с внешними данными объекта опознания, но и с комплексом противоправных действий, которые совершены тем в результате преступления (жестокость, цинизм, безнравственность). Если же в адрес потенциального опознающего уже поступали угрозы, то он, как правило,

мысленно проигрывает те неблагоприятные последствия, которые могут иметь место в случае его добросовестного содействия расследованию.

Человек — существо общественное, информация ему поступает из различных источников, порой негативная, которая формирует у него стереотипы мышления и оценок. Определенную роль в этом играют и средства массовой коммуникации; нельзя не признавать их особое значение в информационно-психологическом воздействии на человека. Порой по недомыслию (а иногда и сознательно) в обществе нагнетается беспокойство, безысходность, отчаяние, незащитность перед произволом со стороны криминального мира. В результате граждане не только опасаются свидетельствовать по уголовным делам, но и боятся обращаться в правоохранительные органы с заявлениями по факту совершенного в их отношении уголовно наказуемого деяния. А если уголовное дело возбуждено, то противодействуют установлению истины посредством «неузнавания» при проведении опознания лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления.

Думается, именно в связи с этим А. Р. Ратинов, исследуя затронутую нами проблему, предлагает следующие основные этапы формирования свидетельских показаний с точки зрения изменений, происходящих с этой информацией:

- получение, накопление и обработка информации;
- запечатление, сохранение и переработка информации;
- воспроизведение, словесное оформление и передача информации;
- прием, переработка и процессуальное закрепление информации;
- повторное освидетельствование [4].

Более расширенная классификация дана А. В. Дуловым, который предлагает стадии формирования свидетельских показаний из 12 элементов [5]. Н. И. Порубов и А. Н. Порубов, отмечая определенную условность всех классификаций, имеющих место в литературе, считают, что восприятие и запоминание, вспоминание и воспроизведение могут быть единовременными процессами, и их деление на стадии производится лишь в методических целях [6].

Не будем вступать в дискуссию, каждому из изложенных направлений присуще рациональное зерно; в целом они имеют важное значение и не могут не учитываться в ходе производства по уголовному делу. И все же считаем необходимым обратить внимание на «психологию узнавания», которая,

по мнению В. Е. Эминова и Е. П. Ищенко, складывается из следующих стадий:

а) восприятие потенциальным опознающим объекта в связи с событием, ставшим затем предметом уголовно-правового регулирования и уголовно-процессуального исследования;

б) запоминание и сохранение в памяти указанного лица, образа воспринятого объекта;

в) вспоминание (припоминание) данного образа его носителем и передача следователю при допросе содержащейся в нем информации о признаках воспринятого объекта, об условиях и обстоятельствах его восприятия;

г) вспоминание опознающим образа ранее воспринятого объекта и мысленного сопоставления его признаков с признаками образов объектов, представленных для опознания;

д) установление сходства или различия признаков мысленного образа и признаков образов сравниваемых объектов текущего восприятия, предъявленных опознающему;

е) оценка полученного результата, мысленное формирование и вербализация вывода о наличии или отсутствии тождества в форме дачи показаний о том, имеется или нет среди предъявленных объектов тот объект, о котором он ранее сообщил на допросе, а также указания на опознанный объект, если идентификация состоялась [7].

Как было отмечено ранее, в формировании показаний опознающего, в отличие от допроса, заканчивающегося воспроизведением воспринятого, в предъявлении для опознания необходимо выделить стадию отождествления (идентификации), которая включает психические процессы поиска и выделения признаков у предъявленных объектов, сравнения их с признаками сохранившегося в памяти образа ранее воспринятого объекта и формирования вывода об опознании (или неопознании).

Специфика идентификационного процесса при предъявлении для опознания заключается в том, что он осуществляется в скрытой форме, субъективный характер и непрослеженность которой затрудняют, а в некоторых случаях и исключают контроль за ходом ее выполнения; объективируется она комплексом данных, дающих возможность проверить и оценить правильность опознания. Поэтому важным моментом, влияющим на последующий процесс опознания, является правильная диагностика формы восприятия. Принято рассматривать две таких формы. Первая является аналитической, т. е. предполагает восприятие, при котором выделяются отдельные приметы внешности и признаки предметов. Вторая, по своей сущности и психоло-

гическим характеристикам, — синтетической, предполагающей восприятие объекта в целом, без выделения отдельных признаков, что в общем вызывает определенное скептическое отношение к ней. Наряду с двумя формами восприятия в психологии различают и третью форму, носящую смешанный характер¹.

Выяснение формы восприятия происходящего имеет важное значение для построения тактики допроса будущего опознающего, с тем чтобы получить максимум возможной информации об интересующем следствии объекте. «Для опознания... существенное значение имеют условия первоначального восприятия, психическое состояние наблюдателя, избирательная направленность восприятия» [8, с. 222]. Как следствие, правильность и полнота восприятия определяются как субъективными, так и объективными факторами, влияющими на данный процесс.

К субъективным факторам (их еще называют субъективными условиями) следует отнести особенности личности опознающего, его эмоциональное и психофизиологическое состояние в момент восприятия события: возмущение, негодование, страх, отчаяние, ненависть, обида, болезненное состояние и пр., его отношение к совершенному (воспринятому им) деянию. Необходимо заметить, что само по себе восприятие какого-либо объекта активизирует уровень мыслительной деятельности индивида по осознанию, уяснению и осмысливанию воспринятого происшествия.

Началом любой мыслительной деятельности является потребность что-то понять. В случаях, когда происшествие затрагивает интересы очевидца, он пытается понять ситуацию, а это в свою очередь заставляет его активизировать свою мыслительную деятельность. Активизация мыслительной деятельности по осознанию ситуации, как верно заметил А. М. Алексеев, является, с одной стороны, предпосылкой, а с другой — следствием активизации и других познавательных процессов очевидца — ощущений и восприятий, воображения и памяти [9]. Исключительная роль на этом этапе принадлежит вниманию очевидца.

Внимание является важнейшим условием любой деятельности человека, любого психического процесса; оно обеспечивает познавательным процессам и всей психической деятельности продуктивность

¹ Коновалова В. Е., Шепитько В. Ю. Основы юридической психологии: учебник. Харьков: Одиссей, 2005. Гл. 14. Психология предъявления для опознания // Юридическая психология: сайт. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/konvalova2/konvalova.htm> (дата обращения: 25.02.2023).

и результативность. Известно, что внимание тесно связано с волей; соответственно, направленность и сосредоточенность внимания тесно связаны с волевым актом человека. Избирательность восприятия определяется главным образом направленностью психики на определенный объект, сосредоточенностью на нем, что в значительной степени повышает точность восприятия. В связи с этим в зависимости от воли человека различают произвольное, произвольное и слепопроизвольное внимание [10].

Применительно к проблеме получения информации от потенциального опознающего надо признать, что произвольному вниманию свойственна меньшая активность восприятия, не требующая каких-либо волевых усилий; отсюда и минимум искомой информации по делу, даже от добросовестного участника уголовного процесса. Сущность произвольного внимания состоит в том, что интенсивность или новизна раздражителей, их эмоциональная окраска, а также связь с интересами, потребностью и деятельностью приводит к тому, что определенные явления, предметы, лица лишь временно завладевают вниманием очевидцев, а затем за ненадобностью практически «стираются в памяти». В тех же случаях, когда очевидец осознает, что происходит противоправное деяние, особенно если оно затрагивает его интересы, произвольное внимание, уже как следствие волевого усилия и напряжения, переходит в целенаправленное (произвольное), качественно улучшая весь процесс восприятия, которому, как правило, присущи полнота и достоверность.

Важным моментом при восприятии является еще и эмоциональный фон; эмоции могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на данный процесс. В связи с этим следует более подробно остановиться на эмоциях и их влиянии на правильность восприятия. Эмоциональное возбуждение, обусловленное правовым конфликтом, протекает у «произвольных» участников (очевидцев) по-разному. Так, в обстановке внезапного нападения жертву нередко сковывает чувство страха. В состоянии испуга человек часто не может совершить какое-либо произвольное действие, в течение первых минут, как правило, проявляется угнетающее воздействие на все психические процессы (внимание ослаблено, способность к восприятию и запоминанию резко подавлена). Даже в тех случаях, когда событие воспринимает очевидец и ему самому не угрожает опасность, влияние таких эмоций, как страх, испуг, также существенно сокращают объем и качество восприятия (обработки полученной информации).

В первые минуты после испуга и сопровождающего его волнения круг представлений индивида сужен и сосредоточен на пережитом впечатлении и связанных с ним противоправных действиях. Так, в результате проведенных исследований еще в начале XX в. В. В. Срезневский пришел к однозначному выводу, что влияние испуга на психические процессы самым непосредственным образом связано с его интенсивностью: сильный испуг действует на психические процессы человека угнетающе. Угнетение сказывается главным образом на внимании, которое после испуга с большим трудом поддается сосредоточению; отвлечение внимания как следствие испуга обусловлено внутренними ощущениями, мыслями, связанными с отрицательными эмоциями [11, с. 242].

Таким образом, восприятие индивида не получает достаточного количества разнообразных связей, необходимых для качественного запечатления пережитого. Как показывает практика (например, по делам о разбоях, изнасилованиях), при выяснении у жертвы нападения признаков внешности преступника нередко следует ответ, что он был «страшный», «огромный», «глаза сверкающие» и т. д. В данном случае происходит подмена истинно воспринимаемого стереотипными представлениями о нападающем и его облике. Это важно учитывать следователю при допросе потерпевшего, когда речь идет о приметах внешности нападавшего. В подобных случаях свидетель-очевидец, в отличие от потерпевшего, может дать о внешности значительно более объективную информацию, несмотря на то что отрицательное воздействие эмоций сказывается и на восприятии события им. Однако в данном случае происходит перераспределение внимания.

Наибольшее эмоциональное воздействие на потерпевшего оказывает момент осуществления преступником деятельности, связанной с насилием. Поэтому внимание жертвы главным образом сосредоточивается на деятельности лиц, от которых исходит угроза насилия, или самом факте реализации противоправного деяния, а не на их внешности. Что касается восприятия внешности свидетелем-очевидцем, то уровень его восприятия может быть выше в силу меньшего эмоционального воздействия, и еще потому, что, если можно так выразиться, его восприятию характерна «равномерность».

Полнота и правильность восприятия напрямую зависит не только от психического, но и от физического состояния лица (болезнь, физические страдания, наркотическое или алкогольное опьянение). Так, под действием наркотиков или алкоголя

ухудшается способность правильно оценивать временные и пространственные параметры, понижается мыслительная деятельность, возможность правильно воспринимать последовательность событий; при опьянении нарушается и цветоощущение. Поэтому в ходе допроса также следует критически оценивать показания лица, которое в момент восприятия события, интересующего следствие, находилось в болезненном состоянии, испытывало физические страдания либо пребывало в состоянии наркотического возбуждения или алкогольного опьянения.

При допросе потенциального опознающего важно затрагивать и проблемные вопросы относительно функционирования его органов чувств. Так, в ходе сбора эмпирического материала были получены данные, согласно которым восприятию и впоследствии адекватному воспроизведению информации о преступном событии лица, вовлеченного в процесс расследования, препятствовали, среди прочих, недостатки, связанные с функцией органов чувств. Об этом заявила почти треть опрошенных следователей¹.

Правильность восприятия обуславливается также рядом объективных факторов. Так, психологией традиционно выделены как влияющие на ход и полноту восприятия такие факторы, как освещенность воспринимаемого объекта, расстояние, удаление от объекта наблюдения, погодные условия, временной промежуток наблюдения текущего события и др.

Надо признать, что зависимость восприятия от этих факторов очевидна и не требует детального анализа, поскольку находится в естественном соотношении типа «хуже освещение — хуже восприятие». В то же время следователем должны учитываться индивидуальные качества лица, воспринимающего тот или иной объект. Например, некоторые очень хорошо видят в темноте, четко различают признаки внешности тех или иных лиц. То же относится и к слуховому восприятию, когда субъект обладает высоким порогом такого восприятия; лицо, обладающее дальностью зрения, наблюдая событие со стороны, находится в более выигрышном положении в сравнении с лицом, страдающим близорукостью, и пр.

Важным моментом при восприятии является связь человека с его практической деятельностью. «Психологическими исследованиями установлено, что на качество и количество воспринимаемых,

а затем используемых при опознании признаков существенное влияние оказывает общая социальная активность личности, ее опыт» [12, с. 194]. При восприятии проявляется такая закономерность психического процесса, как апперцепция. Сущность последней заключается в том, что в ходе наблюдения за явлениями окружающей действительности у человека вырабатывается направленность на выделение объектов восприятия в силу предшествующего опыта, знаний, интересов и установок личности. Интервьюирование следователей показало, что в 67,1 % случаев запоминание потерпевшими (свидетелями) признаков объектов происходит лучше, если объект связан с профессиональной деятельностью этих лиц. Так, при расследовании угонов автомашин в большинстве случаев отмечается, что владельцы-водители или автомеханики хорошо запоминают приметы автомашин, с которыми им приходится работать. Это является свидетельством приобретения избирательного профессионального восприятия, основывающегося на апперцепции.

Нельзя игнорировать и тот факт, что объекты воспринимаются человеком в пространстве и во времени. Пространство трехмерно (высота, ширина и глубина). Имеет значение также удаленность предметов, что влияет на восприятие их величины: предметы одинаковые, но находящиеся на разном расстоянии, кажутся разного размера, более удаленные предметы кажутся меньше, чем те, которые расположены ближе. При восприятии пространства следует учитывать и воздушную перспективу. Предметы темного цвета, находящиеся далеко, ощущаются как покрытые дымкой, а светлые имеют розовый оттенок. На восприятие расстояния оказывают влияние природные условия. Так, в горной местности дистанция от воспринимающего лица до предмета как бы сокращается за счет прозрачности воздуха. В результате указанных обстоятельств возможны ошибки в информации опознающего лица на данном этапе, и следовательно, это необходимо учитывать в ходе допроса, предшествующего опознанию.

Под восприятием времени понимается отражение явлений окружающего мира в их длительности и последовательности; оно обусловлено эмоциональным состоянием и интересами лица. Эмоции могут быть положительными и отрицательными в зависимости от реакции субъекта на данное событие, от его заинтересованности. Следует взять за основу довольно интересные рассуждения по этому поводу Д. Г. Элькина, где он указывает, что в случаях, когда действующий раздражитель

¹ По специально разработанной программе изучено 156 уголовных дел, находившихся в производстве следователей ОВД; проинтервьюировано 237 следователей.

вызывает положительные эмоции, у человека возникает установка на то, чтобы этот приятный для него момент продолжался подольше. При действии факторов, вызывающих отрицательное эмоциональное состояние, установка имеет противоположный характер: человек старается как можно скорее избавиться от тех воздействий, которые причиняют ему неприятные переживания [13].

«В конфликтных ситуациях сужается сознание потерпевшего, ограничиваются его адаптивные возможности. Иррадиация возбуждения приводит к чрезмерно расширенным обобщениям, сдвигам во взаимодействии сигнальных систем. Травмирующее воздействие событий приводит к преувеличению потерпевшим временных интервалов (иногда в 2—3 раза)» [14, с. 167]. Поэтому даже сравнительно непродолжительный, можно сказать одномоментный, период, в течение которого жертва получает отрицательные эмоции вследствие насилия, совершаемого в отношении ее, временной промежуток может оцениваться неадекватно.

При подготовке к опознанию использование психологических данных позволяет учесть особенности восприятия человеком объектов и в пространстве, и во времени, и в движении и т. д. Доказательственное значение предъявления для опознания может быть сведено на нет, если указанные особенности не учитываются; это можно проиллюстрировать примером из практики.

В ноябре 2021 г. И., одетый в форму работника ГИБДД, совместно с Г. и двумя неустановленными лицами регулировочным жезлом остановил автомобиль «Ауди», в котором ехал К. Под предлогом досмотра салона И. сел за руль автомобиля и угнал его в целях хищения. Подобным образом были похищены автомобили еще у троих лиц. Следователь принял решение провести опознание задержанных по подозрению в совершении данного преступления. Но, как усматривалось из протоколов допросов, предшествующих опознанию, следователем не были выяснены вопросы о расстоянии, времени, в течение которого потерпевший наблюдал преступника, когда, где произошло это событие. Так, потерпевший А. допрашивался дважды. В протоколе первого допроса зафиксировано, что «...преступник высокого роста, лицо благородное, не худощавый и не полный, на вид славянской внешности, лицо светлое, но не белое...». В протоколе дополнительного допроса зафиксировано: «...Твердо опознать личность гражданина, угнавшего мою машину, не смогу, так как было темно и лицо его хорошо я не смог рассмотреть и запомнить...

Ростом он был высокий, лицо продолговатое, среднего телосложения, т. е. не худой и не солидный, голос мягкий, без какого-либо акцента...». При предъявлении И. в числе других лиц А. показал, что «...хотя И. по росту и овалу лица похож на человека, угнавшего его автомашину, но по голосу он на того человека не похож». Следователь не выяснил целый ряд вопросов, связанных с условиями восприятия, что не позволило правильно организовать предъявление для опознания и получить ожидаемое доказательство¹.

Важное значение для правильного избрания тактики предъявления для опознания имеет понимание таких психологических факторов, которые непосредственно связаны с переработкой и передачей информации, формируют или по крайней мере существенно влияют на процессы запоминания и воспроизведения. Здесь мы имеем в виду (по Ю. В. Чуфаровскому) различные виды памяти: зрительная, слуховая, двигательная и смешанная [10]. В чистом виде они практически не встречаются, бывает, что отдельные виды памяти преобладают один над другим. Так, одни люди запоминают лучше на слух (например, человек, обладающий музыкальным слухом, будет идеальным опознающим при проведении опознания по голосу), другие — с помощью органов зрения, и т. д.

Памяти человека присущ избирательный характер: как правило, запоминается то, что имеет для индивида или его близких существенное значение (в частности, те моменты, которые сопровождаются глубокими переживаниями, неизгладимыми последствиями и т. п.). Память не может существовать изолированно, ее значимость определяется способностью человека воспроизвести искомую следователем информацию в определенный момент, возможно, спустя довольно продолжительное время. Именно временной отрезок, его длительность с момента восприятия того или иного факта, имеющего отношение к расследованию, до воспроизведения может сказываться на возможности фигуранта по делу припомнить без искажений ранее воспринятые события.

Данными экспериментальной психологии установлено, что определяющим моментом, влияющим на результат запоминания, является направленность внимания, прошлый опыт, знания и т. п.

¹ Из этических побуждений авторы не указали установочные данные уголовного дела (на момент ознакомления с материалами дела оно находилось в производстве у следователя).

Принято различать произвольное и непроизвольное запоминание. Произвольное запоминание — умственная деятельность индивида, который, являясь очевидцем, из чувства гражданского долга, из интереса к происходящему, из природного любопытства и пр. специально стремится к запоминанию увиденного им. Нередко это случается преднамеренно, с целью поделиться увиденным, услышанным в кругу своих знакомых, сослуживцев. Однако случаи, когда свидетель-очевидец в момент восприятия события преступления или непосредственно после него ставил перед собой цель использовать полученную информацию в процессе расследования по делу (содействовать расследованию), в следственной практике встречаются не так часто. Это более характерно для лиц старшего поколения.

Нельзя отрицать тот факт, что и непроизвольное запоминание вполне способно обеспечить относительно высокий уровень сохранения информации, необходимой для установления истины в процессе расследования. Так, А. М. Алексеев отмечает, что существенным условием высокого качества непроизвольного запоминания является активная работа мышления, понимания сути и значения события. Лучше запоминается все странное, необычное, что вызывает вопросы, заставляет удивляться, недоумевать, в чем дело, что произошло; то, что не укладывается в рамки машинально протекающего восприятия. Мыслительная деятельность по осознанию и понятийному оформлению воспринятой ситуации, обязательная для любого очевидца, характеризуется активностью и направленностью его сознания. И напротив, то, что протекает автоматически, схематично, в плане так называемых фиксированных установок, воспринимается, запечатлется и воспроизводится значительно хуже. У очевидцев, не осознающих значения происходящего, восприятие носит пассивный характер, что при непроизвольном запоминании дает значительно меньший уровень полноты и точности запечатления [9].

Незнание зависимости указанных выше процессов от специфики восприятия и запоминания нередко является одной из причин ошибок, допускаемых в следственной практике при принятии решений о проведении опознания.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о стадии воспроизведения, словесного оформления и передачи информации, где лица, вовлеченные в процесс расследования, дают показания о происшедшем. В психологии воспроизведение определяется как процесс актуализации ранее воспринятого материала путем извлечения его

из долговременной памяти и перевода ее в оперативную; различают воспроизведение в виде узнавания или воспоминания¹. В ходе следственного действия следователь в целях получения искомой информации по делу побуждает лицо, вовлеченное в процесс расследования, к воспроизведению картины происшедшего, которая хранится в его памяти.

Безусловно, словесное оформление в ходе допроса является основным способом передачи информации, т. е. составной ее частью. Но нельзя не учитывать (оставлять за пределами исследования) и то, что словесная передача информации не может быть единственным вектором общения между сторонами по делу. Так, в процессе проведения следственного действия с тем или иным участником уголовного судопроизводства деятельность следователя по восприятию и анализу поисковой информации не может ограничиваться только языком и стилем речи как одним из способов передачи данной информации.

Было бы крайне неразумно ограничиваться лишь вербальным контактом. Информация содержится не только в словах, само поведение собеседника является ее носителем: «Люди, искушенные в „языке тела“, обладают большей пластичностью во взаимодействии с другими на основе невербальной коммуникации»², «...Вникая в устное и письменное содержание речи собеседника, нельзя упускать из виду ее эмоциональную насыщенность или бледность, тактильные, вегетативные и иные проявления, сопровождающие речь» [7, с. 20]. Средствами передачи информации (осознанно или бессознательно) являются и тембр голоса, и мимика, и пантомимика, и жесты, и даже паузы, короткий или длительный период молчания.

В ситуации, когда внимание следователя (по неопытности или недомыслию) в своей основе сосредоточено лишь на речевой составляющей собеседника (в ущерб иным средствам передачи информации), вполне вероятны непроизвольные искажения получаемой информации, ее «переработке» и процессуальному закреплению (протоколированию) присущ субъективный характер. Ошибочное понимание следователем лица, передающего ему информацию, как в ходе допроса, так

¹ Коновалова В. Е., Шепитько В. Ю. Указ. соч. Гл. 12. Психология допроса.

² Андрианов М. С. Новые перспективы анализа процессов невербальной коммуникации // Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности. М., 2008. С. 104. Об этом также см.: Чухаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности. Москва: Проспект, 2020. С. 174—175.

и при проведении опознания, является своеобразным индикатором его профессионализма и личностных качеств, в частности внимательность / невнимательность к собеседнику, что, несомненно, сказывается и на последующей фиксации получаемых сведений. Основная ошибка должностного лица — это акцентирование внимания на вербальном контакте, где за основу берется лишь словесное восприятие затребованной информации, когда за пределами исследования остаются иные средства

ее получения, посредством так называемой невербальной коммуникации.

Что касается получения и фиксации искомой информации в ходе допроса, предшествующего опознанию, следователь должен использовать весь арсенал тактических приемов, направленных на оживление ассоциативных связей и актуализацию латентно запечатленной информации. В подобных случаях не исключена и помощь психолога.

1. См.: Самолаева Е. Ю. Теория и практика предъявления для опознания людей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 24 с.; Бурька Д. А. Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 28 с.; Егерев И. М. Тактико-психологические основы предъявления для опознания лиц по признакам внешности: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 194 с.; Иванова Л. Ф. Психолого-тактические аспекты предъявления для опознания в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 218 с.; и др.

2. Будников В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2009. 144 с.

3. Антонян М. Ю., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступников и расследование преступлений. Москва: Юрист, 1996. 336 с.

4. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. Москва: Юрлитинформ, 2001. 352 с.

5. Дулов А. В. Судебная психология: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Вышэйш. шк., 1975. 464 с.

6. Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 304 с.

7. Эминов В. Е., Ищенко Е. П. Следственные действия — основа раскрытия преступлений: психолого-криминалистический анализ: практ. пособие. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2015. 208 с.

8. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания: монография. Москва: РГ-Пресс, 2018. 400 с.

9. Алексеев А. М. Психологические особенности показаний очевидцев. Москва: Юрид. лит., 1972. 104 с.

10. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. 472 с.

1. See: Samolaeva E. Yu. Theory and practice of presentation for identification of people. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2004: 24. (In Russ.); Buryka D. A. Legal, organizational and tactical bases of presentation for identification. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2006: 28. (In Russ.); Yegerev I. M. Tactical and psychological bases of presentation for identification of persons by appearance. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Irkutsk; 2006: 194. (In Russ.); Ivanova L. F. Psychological and tactical aspects of presentation for identification in Russian criminal proceedings. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Chelyuabinsk; 2007: 218. (In Russ.); et al.

2. Budnikov V. L. Testimony in criminal proceedings. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2009; 144. (In Russ.).

3. Antonian M. Yu., Enikeev M. I., Eminov V. E. Psychology of criminals and crime investigation. Moscow: Yurist; 1996: 336. (In Russ.).

4. Ratinov A. R. Judicial psychology for investigators. Moscow: Yurlitinform; 2001: 352. (In Russ.).

5. Dulov A. V. Judicial psychology. Textbook. 2nd ed., rev. and add. Minsk: Vysshaya shkola; 1975: 464. (In Russ.).

6. Porubov N. I., Porubov A. N. Interrogation: procedural and forensic aspects. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2013: 304. (In Russ.).

7. Eminov V. E., Ishchenko E. P. Investigative actions — the basis for solving crimes: psychological and forensic analysis. Practical guide. Moscow: Norma: INFRA-M; 2015: 208. (In Russ.).

8. Antonian Yu. M., Enikeev M. I., Eminov V. E. Psychology of crime and punishment. Monograph. Moscow: RG-Press; 2018: 400. (In Russ.).

9. Alekseev A. M. Psychological features of eyewitness testimony. Moscow: Juridical literature; 1972: 104. (In Russ.).

11. Срезневский В. В. Испуг и его влияние на некоторые физические и психические процессы: Экспериментальное исследование с обзором учений об эмоциональных состояниях: дис. ... д-ра медицины В. В. Срезневского / из психол. лаб. акад. В. М. Бехтерева. Санкт-Петербург: Рус. скоропеч., 1906. 328 с.

12. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. Москва: Проспект, 2020. 208 с.

13. Элькин Д. Г. Восприятие времени. Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1962. 311 с.

14. Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник. Москва: Норма, 2012. 512 с.

10. Chufarovskiy Yu. V. Legal psychology. Textbook. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Prospekt; 2016: 472. (In Russ.).

11. Sreznevsky V. V. Fear and its impact on some physical and mental processes: Experimental study with a review of the teachings about emotional states. Dissertation of the doctor of medicine V. V. Sreznevsky. By the psychological laboratory of academic V. M. Bekhterev. Saint Petersburg: Russian print shop; 1906: 328. (In Russ.).

12. Chufarovskiy Yu. V. Psychology of operational-search and investigative activities. Textbook. Moscow: Prospekt; 2020: 208. (In Russ.).

13. Elkin D. G. Perception of time. Moscow: Publishing House of the Academy of pedagogical sciences of the RSFSR; 1962; 311. (In Russ.).

14. Enikeev M. I. Legal psychology. Textbook. Moscow: Norma; 2012: 512. (In Russ.).

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

Zamylin Evgeny Ivanovich,

professor at the department of criminalistics
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
efrommm@mail.ru

Шевчук Ирина Викторовна,

доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Волгоградский филиал),
кандидат юридических наук, доцент;
vkomarof@mail.ru

Shevchuk Irina Victorovna,

associate professor
at the department of criminal law,
criminal process and criminalistics
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration (Volgograd branch),
candidate of juridical sciences, docent;
vkomarof@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; одобрена после рецензирования 13.06.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 13.06.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.346+340.692
doi: 10.25724/VAMVD.A164

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПРОГРАММНЫХ КОМПЛЕКСОВ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ АВТОТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Григорий Михайлович Семенов*, **Станислав Михайлович Бобовкин****, **Анна Анатольевна Базулина*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, grigorii_001@mail.ru

** Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, s.m.bobovkin@yandex.ru

*** Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, anna.bazulina@mail.ru

Аннотация. В последние годы на территории Российской Федерации принимается комплекс мер, направленных на эффективность расследования дорожно-транспортных преступлений. Одной из них является внедрение новых инновационных технологий, в том числе таких современных программных комплексов, как PC-crash, с помощью которого осуществляются анализ и моделирование дорожно-транспортных преступлений. Авторы проанализировали и сопоставили технические возможности, используемые в настоящее время сотрудниками экспертных подразделений МВД России, а также потенциал специализированного программного обеспечения для производства автотехнической экспертизы, назначаемой при расследовании указанных преступлений. На основе проведенного исследования сделаны выводы о необходимости повсеместного применения рассматриваемого комплекса при анализе механизма развития дорожно-транспортных преступлений. В статье представлены результаты применения программных комплексов сотрудниками экспертных подразделений в рамках автотехнической экспертизы для получения сведений о состоянии транспортного средства, работе электронных систем автомобиля. Делается вывод, что использование данной объективной информации следователями может оказать существенную помощь в расследовании дорожно-транспортных преступлений.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, расследование, программные комплексы, автотехническая экспертиза

Для цитирования: Семенов Г. М., Бобовкин С. М., Базулина А. А. Использование современных специализированных программных комплексов при производстве автотехнических экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 113—122. doi: 10.25724/VAMVD.A164

**USE OF MODERN SPECIALIZED SOFTWARE SYSTEMS
IN THE PRODUCTION OF AUTOMOTIVE TECHNICAL EXPERTISE
IN THE INVESTIGATION OF ROAD TRANSPORT CRIMES**

Grigory Mikhailovich Semenenko*, **Stanislav Mikhailovich Bobovkin****, **Anna Anatolievna Bazulina*****

* Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, grigorii_001@mail.ru

** Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, s.m.bobovkin@yandex.ru

*** Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, anna.bazulina@mail.ru

Abstract. In recent years, a number of measures have been taken in the Russian Federation to ensure the effective investigation of road traffic offences. One of them is the introduction of new innovative technologies, including such modern software packages as PC-crash, which is used for the analysis and modelling of road crime. The authors analyzed and compared the technical capabilities currently used by the staff of expert units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as the potential of specialized software for the production of auto-technical

expertise, to be imposed during the investigation of these offences. On the basis of the conducted study, conclusions were made about the need for widespread application of the given complex in the analysis of the mechanism of development of road crime. The article presents the results of application of software complexes by the staff of expert units in the framework of the autotechnical examination for obtaining information about the state of the vehicle, the operation of electronic systems of the car. It is concluded that the use of this objective information by investigators can significantly help in the investigation of road crimes.

Keywords: road accidents, investigation, software packages, automotive examination

For citation: Semenenko G. M., Bobovkin S. M., Bazulina A. A. Use of modern specialized software systems in the production of automotive technical expertise in the investigation of road transport crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 113—122, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A164

Расследование такого преступления, как нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, предусмотренного ст. 264 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), характеризуется рядом криминалистических особенностей, имеющих свою уникальную и отличную от расследования иных преступлений структуру. Указанная специфика находит свое отражение в создании специальных структурных подразделений для расследования данного вида преступлений в следственных подразделениях МВД России.

Следователи, специализирующиеся на расследовании дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), составляют программу расследования уголовного дела, в том числе исходя из результатов автотехнической экспертизы. Несмотря на положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), указывающие на одинаковую силу всех допустимых доказательств, с точки зрения методики расследования ДТП основное, главенствующее место в расследовании занимает именно заключение автотехнической экспертизы.

На практике сложилась ситуация, когда подавляющий объем проводимых автотехнических экспертиз, назначаемых в связи с расследованием ДТП, осуществляется силами подразделений органов внутренних дел и в меньшей степени — судебно-экспертными подразделениями Министерства юстиции РФ.

Согласно п. 2 Приложения № 2 «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511, производятся следующие виды автотехнических экспертиз:

- исследование обстоятельств ДТП;
- исследование технического состояния деталей и узлов транспортных средств;

- исследование следов на транспортных средствах и месте ДТП (транспортно-трассологическая диагностика);

- исследование маркировочных обозначений транспортных средств¹.

Существует аналогичный приказ «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» от 27 декабря 2012 г. № 237, согласно которому производятся следующие виды автотехнической экспертизы:

- исследование обстоятельств ДТП;
- исследование технического состояния транспортных средств;

- исследование следов на транспортных средствах и месте ДТП (транспортно-трассологическая диагностика);

- исследование транспортных средств в целях определения их стоимости и стоимости восстановительного ремонта;

- исследование технического состояния дороги, дорожных условий на месте ДТП².

Изучение нормативных правовых актов позволило сделать вывод, что объем и целевое содержание производимых экспертиз в обоих ведомствах позволяет утверждать об их однородности. Это

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»): приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 30.05.2022) // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/documents/2022/.html> (дата обращения: 20.07.2023).

² Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обусловлено, прежде всего, объективными физическими, математическими и иными параметрами измерения.

Принимая во внимание важность единообразного подхода к пониманию видов автотехнической экспертизы смежных ведомств, следует определить перечень криминалистически значимых обстоятельств, которые необходимо учитывать сотрудникам правоохранительных органов при формулировании выводов экспертизы. Перечислим эти обстоятельства.

1. Дорожные условия. К ним относятся вид, состояние дорожного полотна, наличие дефектов покрытия, природные факторы, такие как обледенение, мокрая поверхность после дождя и т. п.

2. Дорожная обстановка. К этому понятию относятся такие объективные данные, как интенсивность движения, полосность дороги, наличие или отсутствие помех, препятствий, условия видимости. Иными словами, все те данные, которые должен учитывать водитель при определении наиболее безопасного режима езды.

3. Установление механизма происшествия предполагает изучение обстоятельств, которые происходили с участниками ДТП непосредственно до столкновения, в ходе столкновения и после него. При этом определяется динамика процесса сближения и взаимодействия участников. Забегая вперед, отметим, что именно воссоздание механизма ДТП в трехмерной модели с помощью программных комплексов является наиболее наглядным и позволяет не только экспертам, но и иным участникам уголовного судопроизводства объективно оценить произошедшее и принять взвешенное и обоснованное процессуальное решение.

4. Техническая возможность предотвращения происшествия. Предполагается, что изучение данного параметра требует высокого уровня познаний эксперта. Условно можно разделить элемент на две составляющих — данные о технических возможностях автотранспортного средства и субъективных особенностях конкретного лица, управлявшего автотранспортным средством. К первой группе относятся такие показатели, как габариты машины, радиус разворота, особенности тормозной системы, иные технические особенности, влияющие на скорость маневра, поведение автотранспортного средства в конкретной дорожной обстановке. Указанные технические характеристики автомобилей по маркам и моделям являются справочной информацией, которую можно найти в автокаталогах и использовать в том или ином программном комплексе. Источник происхождения формируется заводом-

изготовителем автомобиля, мотоцикла и т. п. на основе проведенных исследований и испытаний. Определенную сложность представляет получение указанной информации о китайских автомобилях, поскольку в настоящее время на территории Российской Федерации представлен большой модельный ряд транспортных средств разных марок. В этом случае, полагаем, можно использовать электронные каталоги, например сервис Chinamobil.ru¹.

Кроме этого, возможность предотвращения происшествия зависит от особенности реакции и биологических возможностей конкретного человека. Безусловно, существуют усредненные показатели скорости реакции, но здесь необходимо учитывать каждый конкретный случай. Вместе с тем следует подробно изучать внешнее воздействие (освещенность, заметность препятствия, наличие знаков и т. п.).

5. Опасная обстановка для водителя. Методически правильно отдельно обозначить данную группу, хотя она перекликается с предыдущей в части восприятия водителем и наличия технических возможностей автомобиля реагировать на внезапно изменившуюся дорожную обстановку. Немаловажным для экспертного исследования, в том числе с использованием программных комплексов, является определение момента возникновения опасной обстановки. Это момент, предшествовавший ДТП, начиная с которого от водителя потребовалось принять решение исходя из возможностей автотранспортного средства, дорожной обстановки и т. п., направленное на совершение действий по предотвращению происшествия.

6. Аварийная обстановка. Является более сложной для водителя автотранспортного средства, так как в этом случае избежать столкновения не представляется возможным (внезапно возникшее препятствие на расстоянии меньше остановочного пути, неисправность автотранспортного средства, иные возникшие обстоятельства, выходящие за пределы технической возможности автомобиля и реакции водителя). Задача эксперта — определить участника дорожного движения, создавшего аварийную ситуацию. Расчетные возможности программного комплекса PC-Crash оказывают помощь в формировании выводов эксперта-автотехника.

7. Опасность для движения. Согласно Правилам дорожного движения РФ: а) под опасностью для движения понимается такая ситуация, при которой

¹ Китайские автомобили (Chinamobil.ru): сетевое изд. URL: www.chinamobil.ru/catalog.php (дата обращения: 31.01.2023).

для предотвращения происшествия (или уменьшения тяжести его последствий) водитель должен принять меры к снижению скорости или остановке транспортного средства; б) под опасностью для движения (или повышенной опасностью для движения) понимаются также такие препятствия или особенности дорожной обстановки, которые создают на данном участке дороги особенно большую вероятность возникновения происшествия или возможность происшествия с крайне тяжелыми последствиями¹. Водитель должен особенно внимательно наблюдать за дорожной обстановкой и своевременно принять меры для предотвращения опасной или аварийной ситуации. Опасность для движения (в этом смысле) возникает при движении транспортных средств в сложной дорожной обстановке. В связи с этим эксперт-автотехник должен учитывать субъективное поведение водителя. Для этого необходимо сравнить поведение человека с усредненными данными скорости реакции при совершении того или иного маневра, предшествующего ДТП.

8. Помеха движению. К помехам следует отнести препятствия дорожному движению: неподвижные (автотранспортные средства в случае аварийной или иной остановки, упавший груз и иные нехарактерные для дорожных условий препятствия) и подвижные (автотранспортные средства, появившиеся на дороге вследствие нарушения водителем правил дорожного движения, иные подвижные предметы). Необходимо при этом учитывать такие показатели, как видимость, скорость движения помехи, расположение помехи относительно дорожного полотна, принятие водителем автотранспортного средства мер по своевременному предупреждению иных участников дорожного движения о помехе (аварийная сигнализация, выставление аварийных знаков, установление временных дорожных знаков, сигнализирующих о помехе, иные сигнализации).

9. Безопасный интервал. Одним из основных критериев определения безопасного интервала движения является возможность водителя автотранспортного средства своевременно, с учетом технических особенностей транспортного средства (габариты, скорость движения, возможность маневра, техническая возможность снижения скорости вплоть до полной остановки), а также дорожной обстановки (покрытие дорожного полотна, погодные условия, условия видимости) избежать ДТП.

¹ О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 24.10.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Опасная зона. Ее размер определяется исходя из субъективных и технических характеристик участника дорожного движения и подлежит обязательному установлению экспертом-автотехником в целях определения момента возникновения предаварийной ситуации.

11. Полоса движения автотранспортного средства. В отличие от полосы дорожного полотна данная характеристика носит исключительно технический характер. Определяется исходя из габаритов самого автомобиля, находящегося в прямолинейном движении, при маневре поворота или разворота. Носит справочный характер и является для каждого вида и марки автотранспортного средства величиной постоянной. Таким образом, программный экспертный комплекс автоматически вносит данный параметр при формировании выводов эксперта-автотехника.

12. Дальность видимости. Данный параметр, несмотря на субъективность, тем не менее, включает техническую составляющую и зависит от следующих объективных характеристик: степени освещенности дорожного полотна; характеристик фар автомобиля, в том числе нахождение их в техническом состоянии, предусмотренном ГОСТом; погодными условиями, влияющими на прозрачность воздушной среды; иными обстоятельствами, влияющими на величину опасной зоны.

13. Обзорность. На нее могут влиять загрязненность стекол автомобиля, наличие на дорожном полотне препятствий, заметность преград и объектов, наличие стен, зданий, сооружений, препятствующих обзорности.

Таким образом, указанные объективные и субъективные параметры, возникающие перед ДТП, во время и после него, подлежат обязательному установлению в процессуальном порядке сотрудниками следственных подразделений в ходе предварительного следствия.

Применение экспертами-автотехниками ЭКЦ МВД России специальных программных комплексов предъявляет требования к минимальному объему технических параметров, вводимых в комплекс в целях получения максимально приближенной к реальной дорожной обстановке в ходе ДТП реконструкции событий, что обеспечивает впоследствии получение достоверных и обоснованных выводов экспертизы.

Рассмотрим возможности программного обеспечения на примере PC-Crash — компьютерной программы для анализа и моделирования ДТП².

² Программный комплекс PC-Crash: сайт. URL: <https://www.pc-crash.com/> (дата обращения: 26.01.2023).

Программный комплекс PC-Crash использует криминалистически значимые модели расчетов: от классической модели столкновения (удара) и до более технически сложных расчетов силовой и сетчатой моделей, что даст возможность определить механизм образования ДТП.

Как уже было отмечено, механизм образования ДТП включает в себя несколько стадий: перед столкновением, во время столкновения и после него. Данный программный комплекс дает возможность моделирования механизма ДТП с учетом

изменяющихся параметров каждой стадии. Результатом работы программного комплекса PC-Crash являются данные в текстовом формате и результаты компьютерного моделирования, представленные в графической форме для наглядности и удобства эксперта-автотехника. Полученные результаты могут быть продублированы в виде графиков и диаграмм. В целях визуализации полученных данных результаты выводятся в 2D-рисунках и 3D-анимации (пространственный вид) (рис. 1—7)¹.

¹ АНО «Независимый центр экспертизы и оценки»: сайт. URL: <http://www.expertiza-center.ru/node/60> (дата обращения: 29.01.2023).

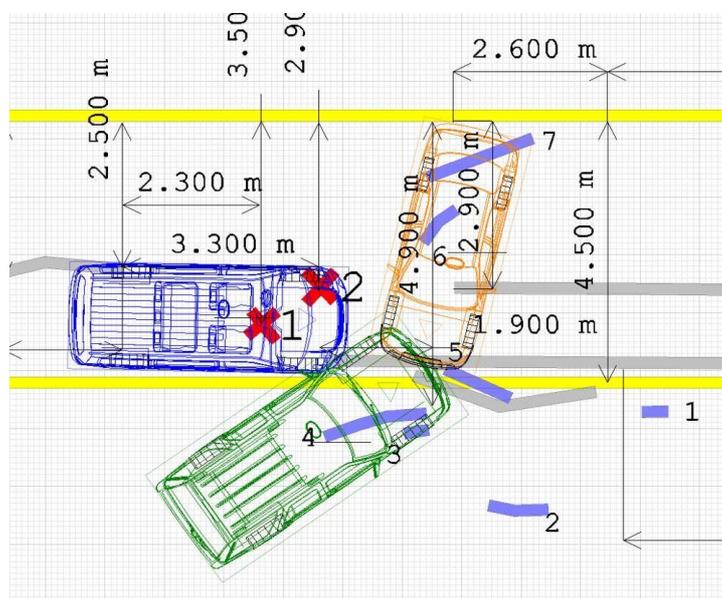

Рис. 1. Пример визуализации программы PC-Crash

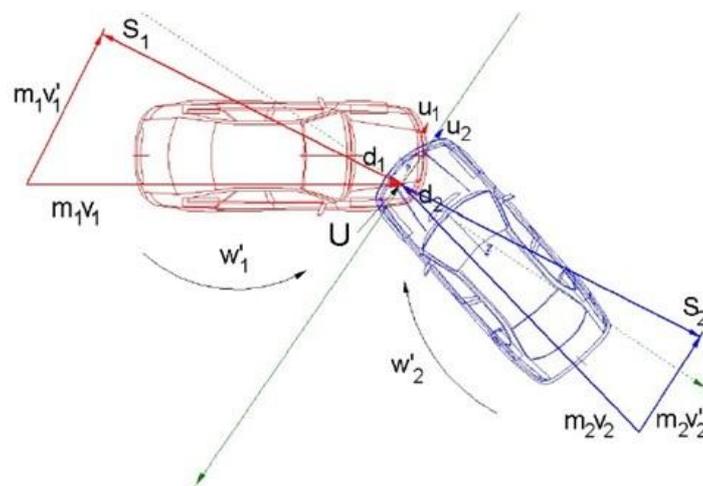

Рис. 2. Классическая модель столкновения, полученная с использованием программного комплекса PC-Crash

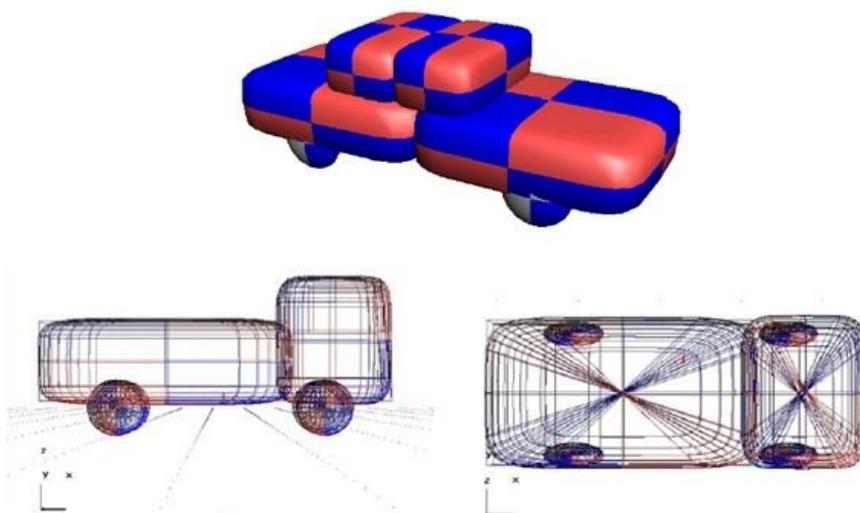

Рис. 3. Силовая модель анализа столкновения, полученная с использованием программного комплекса PC-Crash

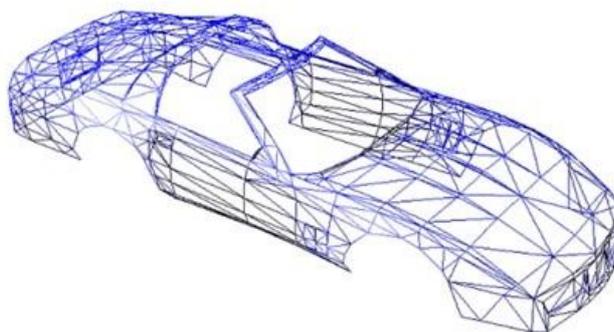

Рис. 4. Пример сетчатой модели, полученной с использованием программного комплекса PC-Crash

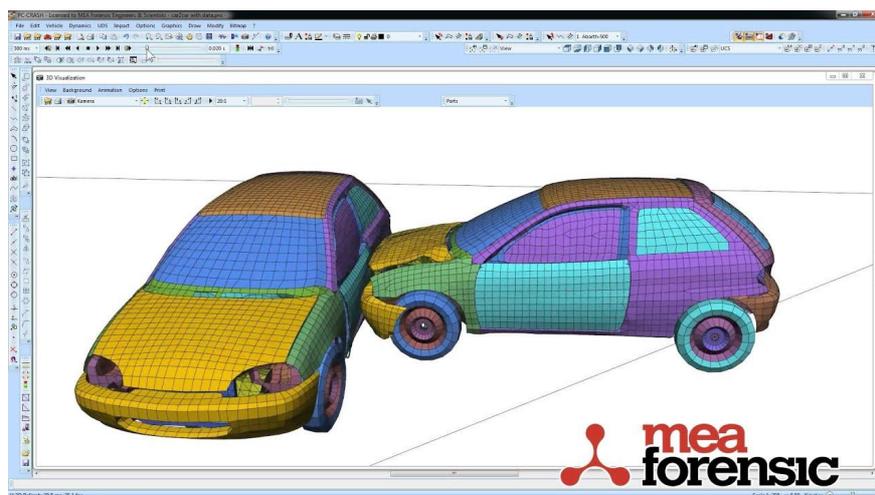

Рис. 5. Пример комбинированного силового и сетчатого моделирования, полученного с помощью программного комплекса PC-Crash

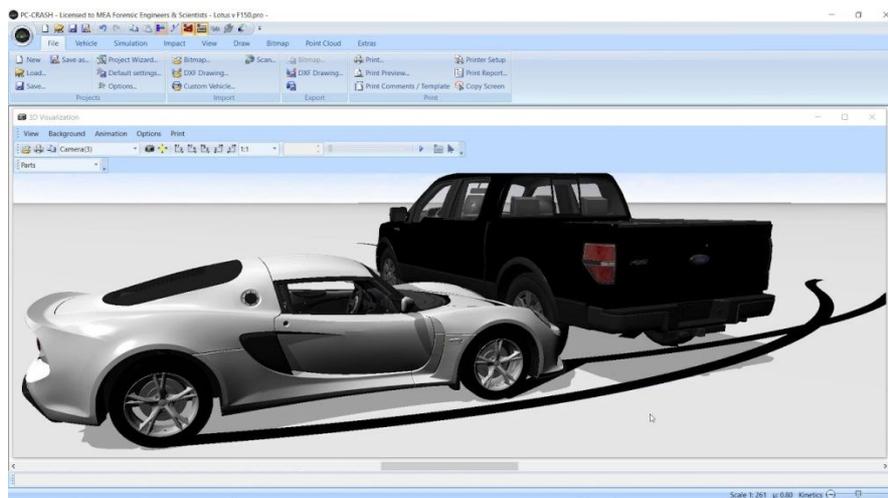

Рис. 6. Классическая модель расчета, выполненная в 2D-визуализации с помощью программного комплекса PC-Crash

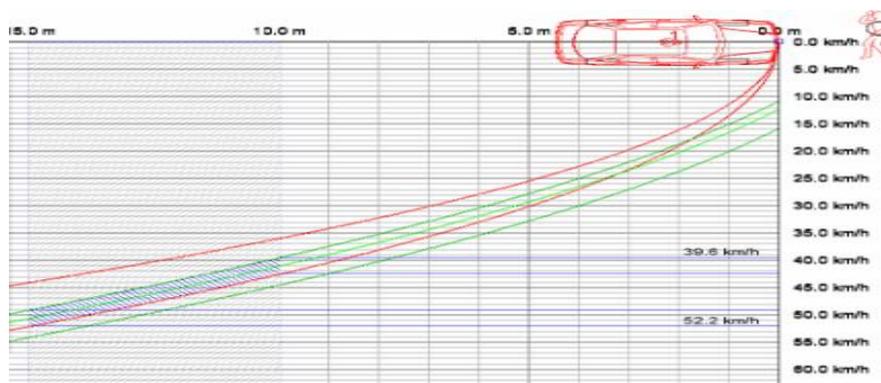

Рис. 7. Диаграмма данных отброса пешехода, выполненная с помощью PC-Crash

Таким образом, программный комплекс PC-Crash эффективен для анализа, моделирования и визуализации ДТП сотрудниками ЭКЦ МВД России при производстве автотехнической экспертизы в рамках расследования уголовного дела о ДТП. Кроме того, программа постоянно совершенствуется, последняя ее версия 2023 г. предлагает привязку видов с камер наружного наблюдения, спутниковой карты местности, геолокации ДТП.

Представляет интерес для сотрудников правоохранительных органов рассмотрение программного комплекса автоматической идентификации момента аварии и компьютерного моделирования ДТП «АИ Монитор» (АИ — акселерометр интеллектуальный). Разработанный в России программный комплекс на основе поступившей информации анализирует совокупность данных, полученных с датчика, устанавливаемого на автотранспортное средство. Датчик передает через систему ГЛОНАСС/GPS информацию о качественных характеристиках

автомобиля до, во время и после ДТП¹. Таким образом, он является, по сути, «черным ящиком» для автотранспортного средства, содержащим информацию, в том числе связанную с ДТП.

Далее программный комплекс «АИ Монитор» на основе полученной информации строит модель ДТП в пространстве и создает 3D-анимацию движения, отличающуюся высокой степенью достоверности, поскольку анализируются объективные данные прибора измерения, а не информация, основанная на субъективном восприятии произошедшего (показания свидетелей, участников ДТП) (рис. 8—10).

Высокую степень объективизации выводов экспертов-автотехников, основанных на результатах обработки информации при помощи идентификационной системы определения столкновения «АИ Монитор» отмечает М. В. Беляев [1].

¹ Глобальная спутниковая навигационная система ГЛОНАСС мониторинг транспорта // ВИБС: сайт. URL: <http://www.monitor-gps.ru/sma/> (дата обращения: 26.01.2023).

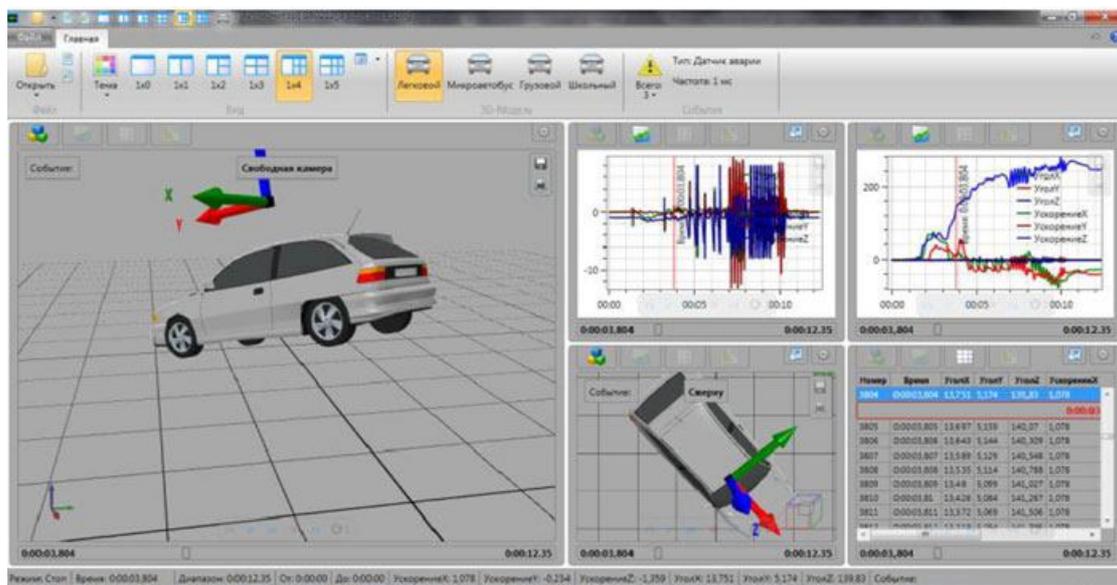

Рис. 8. Программа «АИ Монитор» моделирует движение автотранспортного средства, создается 3D-анимация движения

С помощью «АИ Монитор» сотрудниками правоохранительных органов в ходе расследования ДТП воссоздается план-схема ДТП до, во время

и после ДТП. Формируется таблица параметров, в том числе в виде наглядных таблиц и диаграмм.

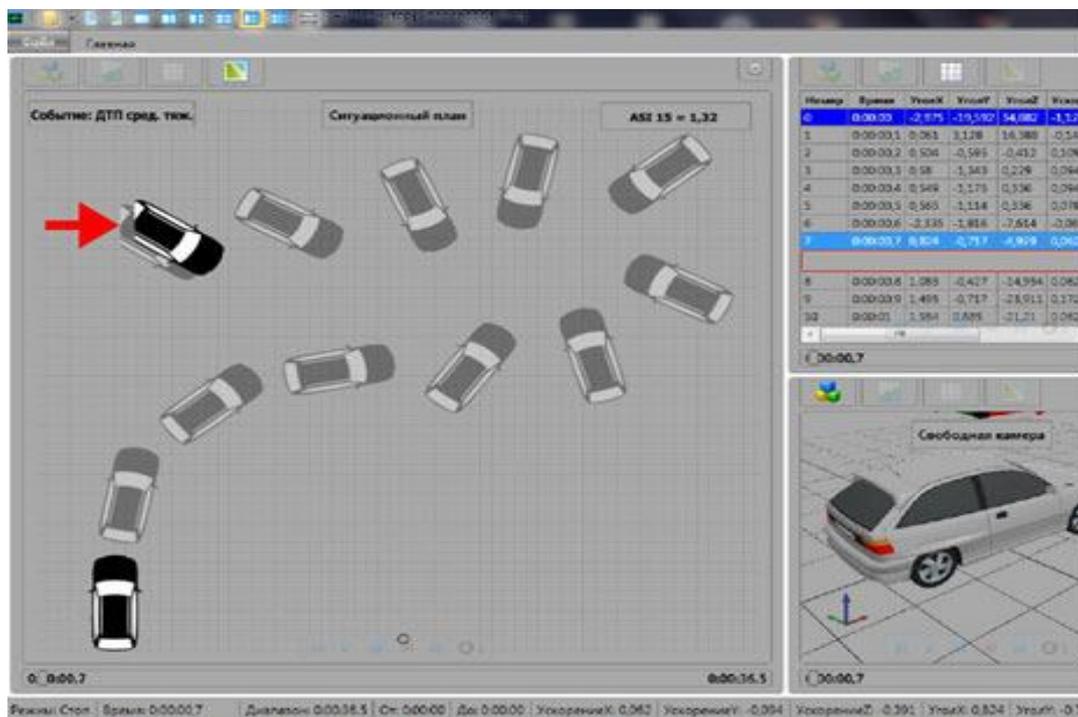

Рис. 9. Наглядное представление в формате 2D прогресса движения автотранспортного средства в ходе ДТП

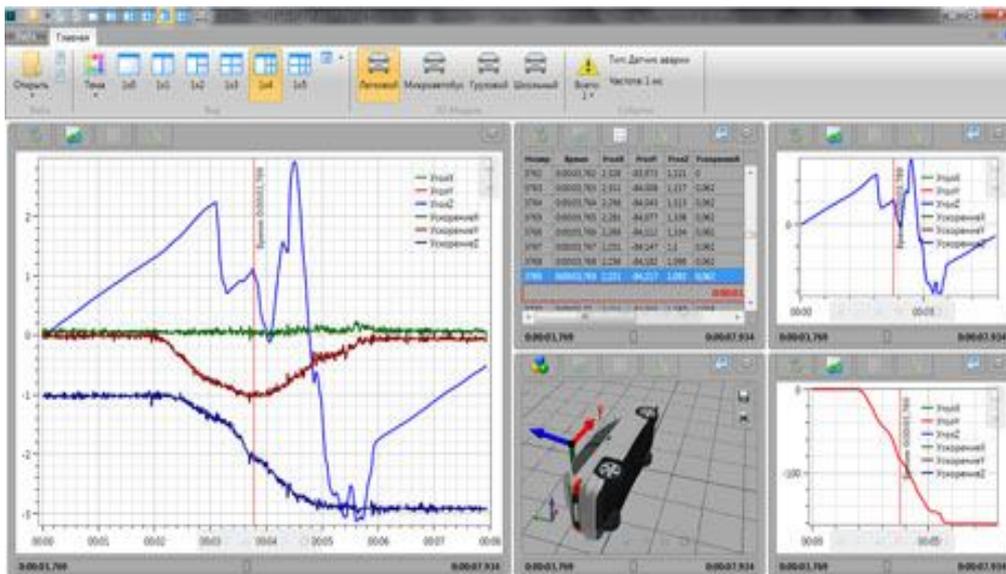

Рис. 10. Формирование программным комплексом «АИ Монитор» информационной матрицы важнейших показателей, находящихся в памяти программного обеспечения автотранспортного средства, движения автотранспортного средства для объективизации выводов эксперта-автотехника

Подводя итог, следует отметить, что использование такого инструментария, как современные специализированные программные комплексы для моделирования ДТП, способствует успешной рекон-

струкции события преступления в ходе производства автотехнической экспертизы и, как следствие, существенно повышает эффективность расследования преступлений рассматриваемой категории.

1. Беляев М. В. Трасологическая диагностика по делам о дорожно-транспортных происшествиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 25 с.

1. Belyaev M. V. Trasologic diagnostics in cases of road accidents. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow, 2016: 25. (In Russ.).

Семенов Григорий Михайлович,
начальник кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
grigorii_001@mail.ru

Semenenko Grigory Mikhailovich,
head of the department of criminalistics
of the training and scientific complex
for preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
grigorii_001@mail.ru

Бобовкин Станислав Михайлович,
доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;
s.m.bobovkin@yandex.ru

Bobovkin Stanislav Mikhailovich,
associate professor at the department
of documents research of the educational
and scientific complex of forensic expertise
of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
candidate of juridical sciences;
s.m.bobovkin@yandex.ru

Базулина Анна Анатольевна,
доцент кафедры педагогики
учебно-научного комплекса психологии
служебной деятельности
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;
anna.bazulina@mail.ru

Bazulina Anna Anatolievna,
associate professor
at the department of pedagogy
of the educational and scientific complex
of psychology of service activity
of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
candidate of juridical sciences;
anna.bazulina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.07.2023; одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 12.07.2023; approved after reviewing 21.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.1(019)
doi: 10.25724/VAMVD.A165

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ XV—XVII ВЕКОВ, ПОВЛИЯВШИЕ НА РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ ПО СОВЕРШЕННЫМ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЯНИЯМ

Денис Александрович Васильченко

Омская академия МВД России, Омск, Россия, VDA.com@mail.ru

Аннотация. В результате настойчивого стремления христианского духовенства, всецело поддерживаемого руководством государства, к изменению имевшегося повседневного привычного уклада жизни и приведению его в соответствие с христианско-византийскими началами общинно-родовой быт нашего государства рано или поздно должен был быть подвергнут разрушению, а вместе с тем и методика установления истины по совершенным противоправным деяниям должна была претерпеть значительные изменения в соответствии с новыми требованиями. Однако эти изменения, проводимые в том числе насильственными способами, встречали сильное сопротивление, поскольку были чужды укоренившимся народным обычаям. Поэтому развитие методики установления истины по делу в этот период представляется нам довольно болезненным процессом. В то же время большая часть принимаемых нормативных правовых актов, регламентирующих указанную деятельность, исключали отдельные способы установления истины по делу ввиду недоверия к ее результатам и принятому новому религиозному мировоззрению. Отличительной чертой методики установления истины по делу была пытка, служившая средством получения признательных показаний от лица, заподозренного в совершении преступления, в том случае если оно не давало его добровольно, и имевшая вместе с тем неоспоримое судебное доказательство.

Ключевые слова: установление истины по совершенному противоправному деянию, правители, христианское духовенство, Древнерусское государство, пытка, народные обычаи

Для цитирования: Васильченко Д. А. Исторические явления XV—XVII веков, повлиявшие на развитие методики установления истины по совершенным противоправным деяниям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 123—131. doi: 10.25724/VAMVD.A165

HISTORICAL PHENOMENA OF THE XV—XVII CENTURIES, WHICH INFLUENCED THE DEVELOPMENT OF THE METHODOLOGY OF ESTABLISHING THE TRUTH ON COMMITTED ILLEGAL ACTS

Denis Alexandrovich Vasilchenko

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, VDA.com@mail.ru

Abstract. As a result of the persistent desire of the Christian clergy, fully supported by the leadership of the state, to change the existing daily habitual way of life and to bring it into line with the Christian-Byzantine principles, the communal and tribal life of unbaptized Russia sooner or later had to be destroyed, and at the same time the method of establishing the truth on the committed illegal acts had to undergo significant changes in accordance with the new requirements. However, these changes, carried out including by violent means, met with strong resistance, since they were alien to entrenched folk customs. Therefore, the very direct development of the methodology for establishing the truth in the case during the period under consideration seems to us to be a rather painful process. At the same time, most of the adopted normative legal acts regulating this activity excluded certain ways of establishing the truth in the case due to distrust of its results and the adopted new religious worldview. A distinctive feature of the method of establishing the truth in the case during the period under review was torture,

which served as a means of obtaining confessions from a person suspected of committing a crime, if he did not give it voluntarily, and at the same time had indisputable judicial evidence.

Keywords: establishing the truth in the case, rulers, Christian clergy, Ancient Russian state, torture, folk customs

For citation: Vasilchenko D. A. Historical phenomena of the XV—XVII centuries, which influenced the development of the methodology of establishing the truth on committed illegal acts. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 123—131, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A165

Выявление и раскрытие противоправных деяний, а также установление лиц, их совершивших, является древнейшей профессиональной деятельностью человека разумного (лат. Homo sapiens). При получении новых знаний о природе, обществе, личности, по мере научного, социального, политического и религиозного развития, сложившиеся на определенный исторический период способы установления истины по указанным деяниям уходили в прошлое, постепенно заменяясь новыми, более гуманными, более нормативно-урегулированными и менее зависимыми от субъективного мнения лица, устанавливающего истину по делу. Вместе с тем анализ исторических явлений, повлиявших на развитие методики установления истины по совершенным противоправным деяниям, имеет довольно большое значение и позволяет не только получать новые знания о происходивших исторических событиях на территории нашего государства, но и сформировать объективное восприятие современных методик их раскрытия.

Согласно проведенному нами исследованию, начало XV в. стало одним из главных этапов развития системы установления истины по делу и открыло новую страницу в истории становления методики раскрытия преступлений. Этому способствовали следующие основные явления.

1. Установление истины по совершенным противоправным деяниям получает статус государственной (административной) деятельности. Так, по обычаю варягов, наши князья с древних времен раздавали отдельные территории в управление своим наместникам, волостелям, тиунам (далее — правители). Их назначение в большинстве случаев преследовало лишь военные цели. При военном конфликте (войне) правители были обязаны осуществлять набор людей в войско, вооружать их и ставить «под стяг» князя. В непосредственное управление своей территорией князья практически не вмешивались. Поэтому и главное внимание правителей было обращено на получение прибыли и собственного дохода, оттого и служба их носила название «кормление»¹. Такая система

создавала широкие возможности для совершения правителями проступков, связанных с незаконными, преступными действиями, что вызывало крайнее недовольство местного населения. Примеры угнетений жителей Древнерусского государства правителями мы находим уже в древних текстах летописи Нестора: «...Людемъ не доходити княже правды, начаша тиуни грабити, людий продавати...» [1, с. 93]. В связи с этим требовалось незамедлительно ограничить власть правителей и оградить народ от произвола. Для этого князья и стали издавать уставные грамоты, которые, составляя вид жалованных грамот вообще², заключали в себе правила (в виде наставления или инструкции), которыми должны были руководствоваться правители в установлении истины по совершенным противоправным деяниям и в управлении данной им территорией. В нормативных правовых актах довольно подробно обозначались доходы, которые должны были получать правители за эту деятельность, и устанавливались надзирающие лица — «староста», «цѣловальникъ» и «лучшие люди», без которых запрещалось «чинить судъ и расправу».

О том, что данные грамоты издавались в целях ограничения произвола правителей, становится ясно при изучении содержания древнейшей из дошедших до нас уставных грамот — уставной

лись более 100 городов, около 30 из которых делились на половины или другие доли в качестве самостоятельного кормления (в том числе Москва, Новгород, Псков, Великие Луки, Вологда, Нижний Новгород, Руса (с начала XVI в. Старая Руса и др.), более 20 городов управлялись обычно представителями высшей знати, преимущественно членами Боярской думы (Владимир, Москва, Новгород, Псков, Смоленск, Вязьма, Кострома и др.). Административно-судебная подведомственность сельских местностей правителям была различной в зависимости от их удаленности от города, происхождения и статуса жалуемых кормлению лиц и других факторов. Подавляющее большинство территорий представляли собой отдельные кормления, причем крупные делились на половины, а небольшие соединялись в одно кормление.

² Так, уставные грамоты начинаются словами: «...Се язъ Князь Великій... <...> ...пожаловаль есмъ боярь...». Более подробно см.: Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома А. Д. Горский. Москва, 1985. С. 179—205.

¹ Отметим, что, согласно проведенному нами исследованию, в первой половине XV в. в кормление отдава-

Двинской грамоты, подписанной Московским и Владимирским великим князьям Василием Дмитриевичем в 1397 г. Можно заметить, что ст. 8 определила, какую сумму должен был получать правитель за деятельность по установлению истины по делу: «...А езды и позовы от Орлеца до Матигор две белки езду; до Колмогор две белки... <...> ...до Нонаксы двадцать бел...», а ст. 5 установила категорию дел, с которых он не должен был получать ничего: «...А от того наместником... <...> ...не взяти ничего...»¹. Статья 11 закрепила случаи, при которых правители вообще не принимали никакого участия в разбирательстве: «...А случится смерть, в том наместники не судят...». Статья 13 давала местному населению право обращаться к великому князю в Москву с жалобой на действия правителей: «А над кем учинят продажу силно, а ударят ми на них челом, и мне, князю великому, велети наместнику стати перед собою на срок...» и т. д. [2, с. 180—186].

С появлением при Иване III поместной системы, начало которой обнаруживается, согласно нашему исследованию, гораздо раньше², правители теряют военный характер своей деятельности: территории начинают вручаться лицам, неспособным к военной службе, в виде так называемой пенсии, для отдыха, для кормления. Этот исключительно частный характер деятельности правителей имел пагубные последствия для всего Древнерусского государства: «Правители были не что иное, как грабители областей; злоупотреблениямъ и произволу не было границъ; жители толпами бѣжали изъ сель, оставляя за собою пустыни» [3, с. 242—243]. От произвола правителей в указанное время наиболее всего страдали жители Пскова, от которых «не разъ доходили жалобы къ Князьямъ на наместниковъ» (Псковская первая лѣтопись [4, с. 227]).

¹ Обозначим, что Двинская уставная грамота в ст. 5 впервые в истории русского права законодательно закрепила применение смертной казни в качестве меры наказания, предписываемой непосредственно приговором суда. Статья 5 данной грамоты также впервые устанавливает повышенную уголовную ответственность за повторное и многоэпизодное преступления.

² К примеру, в договорах русских князей между собой упоминается о тех слугах, «которые потягли къ дворяскому». Так назывались слуги, которые жили на княжеской земле, пользовались ею, и за это должны были служить князю, но не могли переходить на службу к другому князю, «подъ страхомъ лишениа земли». В отличие от слуг вольных: «...Слугамъ, кто будетъ не подъ дворяскимъ, вольнымъ воля...». Более подробно см.: Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. Москва, 1847. С. 321.

В целях дальнейшего противодействия произволу правителей князья начали издавать так называемые жалованные грамоты, предоставляющие отдельным населенным пунктам, монастырям и частным лицам право освобождаться в полном и частичном объеме от общей подсудности [5]. К мерам противодействия, по нашему мнению, может быть отнесено и издание Судебника 1497 г., в котором были прописаны отдельные правила установления истины по делу. Например, Судебник предусмотрел два вида методики установления истины: состязательную и инквизиционную. При состязательном установлении истины дело начинало рассматриваться по жалобе («челобитной») истца; при инквизиционной инициатором установления истины выступало государство (в лице его чиновников) для раскрытия особо важных совершенных противоправных деяний, и оно не могло быть прекращено по соглашению сторон. В качестве одного из доказательств по данному виду методики была предусмотрена пытка [6, с. 127—128]. Судебник закреплял два случая применения пытки. Первый случай — когда лицо, задержанное за совершение преступления, не предоставляло информации об обстоятельствах противоправного деяния (время, место, способ, соучастники, пособники и др.): «А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет причонный человек з доводом, ино его пытати в татбе...» (Судебник 1497 г. Ст. 14 «О татиних речах» [2, с. 56]). Второй — когда имелась информация о том, что лицо, совершившее преступление и содержащееся под арестом, обладает значимой информацией об иных подготавливаемых, совершающихся или совершившихся противоправных деяниях. При этом указывалось, что если кто-либо из недельщиков³ при непосредственном осуществлении меры пресечения — содержания под стражей подозреваемого лица — получит указание на его пытку, то недельщику надлежало пытать

³ Отметим, что, согласно нашему исследованию, недельщиком называли должностное лицо, в обязанности которого входили вызов в суд сторон, арест и пытка обвиняемых и передача в суд дел о воровстве, организация судебного поединка и исполнение решения суда. По определению С. Герберштейна, «недѣльщик у нихъ общественная должность; недѣльщики призываютъ въ судъ людей, схватываютъ злодѣевъ и держать ихъ въ темницѣ; они принадлежать къ числу благородныхъ. Наименованіе свое недѣльщики получили потому, что они сменялись по недѣлямъ». Более подробно см.: Герберштейн С. Записки о Московіи = (Rerum Moscoviticarum commentarii) / съ латинскаго базельскаго изданія 1556 г. перевелъ И. Анонимовъ, преподаватель исторіи въ VII С.-Петербургской гимназіи. Санкт-Петербург, 1866. С. 83—85.

преступника без всякого предвзятого отношения к нему. В том случае если при совершении пыток лицо предоставит значимую информацию, то недельщик был обязан незамедлительно передать эти сведения великому князю или судье, который и заключил под стражу указанного пытуемого. Недельщику категорически запрещалось превышать свои служебные полномочия в отношении пытуемого (указывать, какие сведения и в отношении кого необходимо предоставлять; заставлять сообщать факты, неизвестные пытуемому; принуждать пытуемого к даче заведомо ложных сведений и др.): «А которому дадут татя, а велят его пытать, и ему пытать татя безхитростно, а на кого татя что взговорит, и ему то сказати великому князю или судии, который ему татя дасть, а клепати ему татю не велети никого. А пошлют которого неделщика по татей, и ему татей имати безхитростно, а не норовити ему никому. А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти; а опришних ему людей не имати» (Судебник 1497 г. Ст. 34 [2, с. 58]).

Кроме того, ст. 3 Судебника строго регламентировала судебные пошлины, которые стали взыскиваться только со стороны, проигравшей дело. Теперь, согласно данной статье, размер пошлины зависел от суммы иска и лица, ее получающего. За основу бралась цена иска в один рубль. Боярин при этом получал два алтына (12 денег), а дьяк — восемь денег. С увеличением или уменьшением суммы иска пропорционально изменялся и размер пошлины: «А имати боярину и диаку в суде от рублеваго дела на виноватом, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег. А будеть дело выше рубля или ниже, и боярину имати по тому росчету» (Судебник 1497 г. Ст. 3 [2, с. 55]). Для этого же Иваном III были «заведены окладныя книги, въ коихъ съ точностію обозначались доходы правителей съ областей» [7, с. 50—51].

В свою очередь в Пскове для защиты местных жителей от произвола правителей «велѣно было избрать 12 старость, которые должны были въ судѣ сидѣти и съ Наместики и съ Тиуны правды стеречи» [8, с. 18 (примеч. 77)]. А впоследствии «выбраши изъ улицы лучшихъ людей 48 человекъ, и къ цѣлованію привести, и оттолѣ по Государеву слову В. К. Іанна Васильевича... <...> ...должны были производить судѣ и расправу вмѣстѣ съ Тиунами [8, с. 85 (примеч. 362)].

Однако, несмотря на принимаемые меры, произвол правителей достиг своего наивысшего развития при царствовании Ивана IV Васильевича. По мнению К. Д. Кавелина, правители не были

преданы Ивану IV Васильевичу, «служили неохотно, роптали и измѣняли или уѣзжали, когда могли. Остальные думали только о себѣ и не радѣли о государствѣ. Области находились въ бѣдственномъ положеніи: цѣлыя села пустѣли отъ грабительства и ихъ слугъ» [7, с. 51].

В виде решительной меры для обуздания произвола Иваном IV Васильевичем был издан Судебник 1550 г.¹, в ст. 62 которого было определено, что запрещалось осуществлять установление истины по делу без лиц простых («худородных»), но грамотных, знающих порядок управления и выбранных народом: «...А без дворского и без старосты и без целовалников наместником и их Тиуном не судити...». Вскоре после этого Иваном IV Васильевичем в Важской уставной грамоте 1552 г. было указано, что установлением истины по делу начинают заниматься исключительно лица, выбранные местным населением, и на безвозмездной основе (далее — выборные лица). Поиск и привлечение к ответственности преступников выборные лица были обязаны осуществлять в максимально короткие сроки: «...Повелѣно было жителямъ городовъ, становъ и волостей выбрать изъ своей среды старость излюбленныхъ и другихъ лицъ, которое бы чинили судъ и расправу въ правду и безволокитно, пошлинъ съ дѣлъ судныхъ не брали бы ни каких...» [9].

Таким образом, с появлением института выборных лиц Иваном IV Васильевичем была предпринята, по нашему мнению, небезуспешная попытка восстановления действовавшего ранее на территории нашего государства древнего общинного начала, в котором установление истины по совершенному противоправному деянию на всех ее этапах шло при непосредственном участии всей общины, с помощью многочисленных помощников и в общем интересе. Существенная разница заключалась лишь в том, что ранее вся данная деятельность имела полностью народный (общественный) характер, теперь же установление истины по совершенному противоправному деянию получало статус государственной деятельности.

2. Не рассматривая дальнейшее ограничение полномочий правителей, продолжавшееся до конца

¹ Отметим, что существует точка зрения П. М. Строева и К. Ф. Калайдовича, согласно которой между Судебниками 1497 и 1550 г. был еще Судебник Василия III, не дошедший до наших дней. Более подробно см.: Законы Великаго князя Іоанна Василіевича и Судебникъ Царя Великаго князя Іоанна Василіевича съ дополнительными Указами, изданные К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. Москва, 1819. С. XVI—XVII.

царствования Петра I, обозначим, что на развитие методики установления истины по делу в указанный период значительное влияние оказало изменение морально-нравственного состояния населения.

По мнению С. Пахмана, в результате притеснений, заставляющих жителей уходить с мест своего постоянного проживания, а также отчасти по причине возможности свободного перехода крестьян с места на место, мораль и нравственность населения претерпели существенные изменения, причем не в лучшую сторону: значительно возросло количество грабежей, разбоев, поджогов и ряда других противоправных деяний [10, с. 143]. Подтверждение данной сложившейся обстановки мы находим и в Псковских летописях, где указывалось, что «...поклепцы, посылаемые изъ Москвы для поимки разбойниковъ, сами грабили, отпуская вѣдомыхъ преступниковъ, а невинныхъ притягивая къ суду...» [11, с. 188—189].

Непростая ситуация, с одной стороны, вызвала «изданіе губныхъ грамотъ и учрежденіе губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, избиравшихся самими народомъ для поимки и сужденія воровъ, разбойниковъ» [12, с. 368], а с другой — «обширное примѣненіе пытки» [13, с. 80].

Отметим, что отличительной чертой методики установления истины по делу в период с начала XV до XVII в. была пытка, служившая средством получения признательных показаний от лица, заподозренного в совершении преступления, в том случае, если оно не давало его добровольно, и имевшая вместе с тем неоспоримое судебное доказательство. К сожалению, в наших древних нормативных правовых актах мы не нашли четко определенных правил, как производилась пытка в рассматриваемый период. Однако из дошедших до нас исторических описаний способов производства пытки и по отдельным воспоминаниям современников Ивана IV Васильевича можно установить, что признательные показания добывались следующим образом: «...Вбивали под ногти длинные иглы, обливали холодной водой, мучили желѣзными клещами, сковородами, разрѣзывали людей по составамъ, перетирали тонкими веревками на-двое, сдирали кожу, выкраивали ремни изъ спины...» [14, с. 165]. Из записок немецкого путешественника А. Олеария видно, что пытка в нашем государстве состояла в том, что «...на заблаговременно бритую голову обвиняемого капали холодную воду, или завернув руки пытаемымъ за спину, поднимали ихъ вверх, а к ногамъ привязывали колодки, на которые становился палач и растягивал суставы. <...> Иногда чтобы увеличить мучения, обвиняемыхъ

секли и били кнутом, а раны прижигали раскаленным железом...» [15, S. 272].

Вместе с тем при установлении истины по гражданским делам пытка категорически отвергалась, а довольно широко использовались присяга и поединок. Однако применение той или иной методики установления истины зависело не от различия рассматриваемых дел, а от народной молвы, относившейся к подсудимому, которая, как результат особенного метода установления истины, ведущего свое начало с древнейших времен — повального обыска, была важнейшим условием для определения тяжести преступления. Например, если в соответствии с народной молвой подсудимый оказывался «лихимъ человекомъ», то противоправное деяние подвергалось рассмотрению по уголовному делу. Если же он, согласно все той же народной молве, являлся «добрымъ», то имело место гражданское дело. Иными словами, в первом случае применялась пытка, во втором случае имели силу присяга и поединок.

Основания применения той или иной методики установления истины по делу довольно четко были регламентированы в ст. 52 Судебника 1550 г.: «А приведут кого с поличнымъ впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску лихимъ человекомъ, ино его пытати. <...> А скажут в обыску, что он добрый человек, ино дело врьшити по суду» [2, с. 106—107]. Кроме того, довольно ясно было указано, что при доброй молве о лице, совершившем преступление, пытка не применялась, а в соответствии со ст. 25 Судебника 1550 г. присуждалась присяга: «...Обвинити... <...> ...кто в чемъ скажется виноват, то на немъ и взятии... <...> ...а в достали суд и правда, крестное целование» [2, с. 101].

Отметим, что значение пытки как методики установления истины по делу видно также из Уставной книги Разбойного приказа, в которой указывалось, что «...на которыхъ людей въ обыску скажутъ, что они лихіе люди, тати или розбойники... <...> ...и тѣхъ лихованныхъ людей, по обыскомъ, в разбоихъ и въ татбахъ, пытати...» [16, с. 16]. Согласно все той же Уставной книге Разбойного приказа пытка могла быть применима и к лицу, которое уже призналось в совершенном противоправном деянии. В данном случае цель пытки состояла в раскрытии ранее совершенных преступлений, в которых, по мнению лиц, осуществлявших установление истины по делу, мог принимать участие пытаемый¹:

¹ Отметим, что, согласно Указу Ея императорскаго величества самодержицы всероссийской «О порядке

«А котораго челоуѣка приведуть съ поличнымъ, или по язычной молкѣ, или по лихованнымъ обыскамъ, въ разбоѣ или въ татбѣ, и онъ на себя въ роспрость, а не пытанъ скажетъ, и того челоуѣка пытать въ иныхъ розбояхъ и татбахъ» [16, с. 17].

Можно заключить, что методика установления истины по уголовным и гражданским делам зависела непосредственно не от самого совершенного противоправного деяния, а от результатов проведения повального обыска. Так, одни и те же совершенные противоправные деяния получали характер то гражданских, то уголовных дел¹. Поэтому, с одной стороны, методика установления истины по гражданскому делу применялась, в сущности, по уголовному делу: при воровстве, грабеже, разбое и др. использовались присяга или поединок. С другой стороны, методика установления истины по уголовному делу использовалась, по своему существу, по гражданскому делу: при исках по договору поклажи (отдачи на сохранение), в исках о личных обидах и т. д. использовалась пытка. По нашему мнению, ясно прослеживается, что в указанный период применение методики установления истины по делу не основывалось на различии предметов и методов правового регулирования и не имело ни научного, ни теоретического обоснования. В свою очередь использование данной методики опиралось лишь на административные меры, которые руководство нашего государства принимало в целях защиты жизни, здоровья, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Без сомнения, для этих целей и была введена новая методика установления истины по делу, под которую подводились все без ограничения нарушения прав, где лицо, совершившее противоправное деяние, по повальному обыску признавалось человеком подозрительным или опасным — словом, «лихимъ челоуѣкомъ».

3. Ослабление общинно-родового быта имело сильнейшее влияние на изменения методики установления истины по совершенным противоправ-

производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» от 10 февраля 1763 г., «...вѣлено было признававшася освобождать отъ пытки...». Более подробно см.: Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2 / В. М. Клеандров, Г. А. Кутына, Т. Е. Новицкая, С. Л. Нюттов [и др.]. Москва, 2001. С. 884—888.

¹ В связи с чем точка зрения М. М. Михайлова о том, что «дѣла уголовныя, въ началѣ періода, не различенныя еще строго отъ дѣл гражданскихъ, къ этому времени совершенно отдѣляются», по нашему мнению, кажется нам совершенно неверной. Более подробно см.: Михайлов М. М. Исторія образования и развития системы русскаго гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. Санкт-Петербург, 1848. С. 52.

нымъ деяніямъ, поскольку с разрушением основ быта, заложенного наши предками еще в древности, вместо полного взаимного доверия между лицами, проживавшими на одной территории, появились в отношениях ложь, враждебность, недоверие, лицемерие и эгоизм. Кроме того, сделки, в которых государство не участвовало в качестве третьего лица, гарантирующего выполнение каких-либо обязательств, в подавляющем большинстве случаев заканчивались обманом и злоупотреблением². В связи со сложившейся ситуацией в стране Иван III предпринимает первую в истории Российского государства попытку взять под контроль и надзор совершение всех действий граждан, направленных на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей в нашей стране, и облечь их в письменную форму. Таким образом, возникает государственная система укрепления гражданских прав и обязанностей письменными официальными документами. Указанные документы, изначально составлявшиеся исключительно для фиксации какого-либо процесса, т. е. для «памяти»³, впоследствии получили процессуальное значение и стали составляться для документирования как своих действий, так и действий иных лиц. Затем как закономерный результат приняли значение нового вида доказательств в методике установления истины по совершенным противоправным деяниям, которые достаточно быстро получают большую юридическую силу, чем иные доказательства. Полагаем, что на появление и распространение данного доказательства в методике установления истины по совершенным противоправным деяниям имело сильнейшее влияние христианское духовенство, которому мы обязаны возникновением в нашем

² Так, Святой Преподобный Серапiон в одной из своих проповедей следующим образом изложил складывавшиеся взаимоотношения между лицами, проживавшими в нашем государстве, в указанный период: «Господь еще ожидаетъ нашего покаянія, ожидаетъ нашего обращенія. Ежели не будемъ болѣе производить безсовѣстныхъ и немилосердыхъ судовъ, ежели отстанемъ отъ кровожаднаго лихоимства и всякаго грабительства, воровства, разбоа и сквернаго прелюбодѣйствія... <...> ...отстанемъ отъ сквернословія, лжи, клеветы, клятвы, напрасныхъ обвиненіи и другихъ дѣлъ сатанинскихъ, — ежели, говорю, отъ сего отстанемъ; то вѣрно должны знать, что мы сподобимся благи не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ...». Более подробно см.: Гумилевский Д. Г. (Филарет Черниговский). Изысканіе о русскомъ проповѣдникѣ XIII вѣка, Владимiрскомъ епископѣ Серапiонѣ, и слова его. Москва, 1843. С. 10.

³ Отметим, что, согласно результатам нашего исследования, первоначально все акты, составлявшиеся в нашем государстве, носили название «памятей».

государстве письменности¹. Под его покровительством образовалась и письменная форма наших актов, по образцу используемых в Византийской империи [17, с. 32—77]. Более того, христианское духовенство стремилось к усовершенствованию методики установления истины по делу. В первую очередь это прослеживается из мер, которые оно предпринимало для искоренения судебных поединков в нашем государстве, однако, ввиду глубочайшего сплетения с народными обычаями, данная методика установления истины по делу существовала еще довольно продолжительное время. К подобным мерам, по нашему мнению, можно отнести и вытеснение из методики установления истины по делу старославянской присяги и полную, безоговорочную поддержку христианской присяги и т. д.

Говоря об ослаблении общинно-родового быта, которое, по нашему мнению, началось со времени призвания варяжских князей к власти на Руси, необходимо отметить, что разрушение данного быта шло неравномерно по всей территории нашего государства. Так, в отличие от Киева и его окрестностей, общинно-родовой быт еще долго господствовал в северной части России, а именно в Новгородской республике. Полагаем, что причиной является то, что варяжские дружины, принесшие столь значительные изменения в жизнь населения нашего государства, довольно быстро оставили Новгород и в 882 г. отправились в южном направлении для завоевания Киева: «Призванные князья не долго оставались в Новгородѣ; преемник Рюрика уходит на Юг и основывается в Киевѣ; послѣдующіе князья стремятся далѣе къ завѣтной цѣли своей — Византіи; области нынѣшней России остаются для них по прежнему только путемъ къ этой цѣли...» [18, с. 19]. В связи с этим в Новгородской республике общинно-родовой быт наших предков не только остался практически без существенных изменений, но и, по мнению К. Д. Кавелина, продолжал развиваться и усиливаться «в слѣдствіе различныхъ

другихъ причинъ, к которымъ можно отнести: торговля сношенія съ иностранцами, поддерживавшія духъ свободы и независимости; споры о Великокняжескомъ достоинствѣ и непрерывныя смѣны Князей какъ въ Киевѣ, так и въ в Новгородѣ, не позволявшія власти княжеской утвердиться въ Новгородѣ и усилиться; нашествіе Монголовъ, ослабившее власть Князей и т. п.» [7, с. 24—25].

В связи с этим особый интерес для нас представляет Новгородская Судная грамота от 11 августа 1471 г. (далее — Новгородская Судная грамота), в которой изложена отдельная методика установления истины по делу, применявшаяся в Новгородской республике. Так, согласно проведенному анализу Новгородской Судной грамоты, методика установления истины по делу включала в себя: послушество (показания свидетелей), управы (письменные документы) и поле (судебный поединок). Одной из основных особенностей Новгородской методики установления истины по делу является то, что в ней отсутствует присяга, именно в значении методики, т. е. та, к которой прибегали при недостаточности или отсутствии доказательств виновности (либо невиновности) лиц, совершивших противоправное деяние. Вместе с тем в Новгородской республике довольно часто использовалась так называемая обещательная присяга, которую, в соответствии со ст. 14 Новгородской Судной грамоты, перед началом судебного процесса давали судьи, обвиняемые и обвинители. Присяга приносилась путем целования православного креста на Новгородской Судной грамоте. Поэтому это было не обычное крестоцелование, а присяга (обязательство) выполнять требования Новгородской Судной грамоты. Если же одна из сторон отказывалась совершить указанную процедуру, то она автоматически признавалась проигравшей: «...Ино крестъ поцѣловавъ одинава да искать: а кому будетъ отвѣчивать, а креста не цѣловавъ на сей грамотѣ, ино ему крестъ поцѣловавъ да отвѣчать, а не поцѣлуеть креста, тѣмъ его и обвинить» [19, с. 69].

Таким образом, проанализировав исторические явления XV—XVIII вв., повлиявшие на развитие методики установления истины по совершенным противоправным деяниям, можно сделать следующие выводы.

1. Начало XV в. — этап зарождения системы установления истины по совершенным противоправным деяниям и новая страница в истории современной методики раскрытия преступлений. Развитию данной методики способствовали три явления: 1) произошло разрушение общинно-родового быта на территории нашего государства; 2) духовно-нравственное состояние предков претерпело существенные негативные изменения; 3) установление

¹ Обозначим, что, определяя роль духовенства в развитии письменных нормативных правовых актов в Древней Руси, Н. Л. Дювернуа писал: «Кто могъ лучше другихъ сохранить всю законодательную традицію древнѣйшей Россіи, кто былъ свободенъ отъ исключительно — мѣстнаго взгляда на судъ и законъ, кто могъ отвѣчать на весь кругъ вопросовъ юридическихъ, включая сюда и свободу и рабство, дѣла торговыя, наслѣдованіе во всѣхъ классахъ, опеку? Мы думаемъ, всего скорѣе лица духовныя, которыя знали не одинъ кругъ интересовъ, которымъ ихъ греческое образованіе давало возможность стать на точку зрѣнія организованнаго и исторически развивающагося юридическаго быта, которыя могли быть въ настоящемъ смыслѣ юристами» (Дювернуа Н. Л. Источники права и судъ въ древней Россіи. Опыты по истории русскаго гражданскаго права. Москва, 1869. С. 153).

истины по совершенным противоправным деяниям получает статус государственной (административной) деятельности.

2. В XV—XVII вв. государство стало активно осуществлять системную деятельность, направленную на противодействие преступности на своей территории.

3. Методика установления истины по совершенным противоправным деяниям в рассматриваемый период начинает приобретать обрядовость, назначение которой заключалось в том, чтобы дове-

рие наших предков к результатам установления истины по делу превращалось в устойчивую веру: во-первых, в компетентность и справедливость субъектов, ведущих установление истины; во-вторых, в то, что конечный результат, к которому пришли в ходе установления истины, и есть абсолютная истина по делу.

4. Зарождение и становление методики установления истины по совершенным противоправным деяниям проходило на фоне развития публичного права на территории нашего государства.

1. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. В 43 т. Т. 1. I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. Санкт-Петербург, 1846. XX, 267 с.

2. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома А. Д. Горский. Москва: Юрид. лит., 1985. 519 с.

3. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. В 5 т. Т. 1. 1334—1598. Санкт-Петербург: В Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. VIII, 551 с.

4. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. В 10 т. Т. 4. IV. V. Новгородская и Псковская летописи. Санкт-Петербург, 1848. VIII, 360 с.

5. Лукомский В. К. Жалованные грамоты XVII и XVIII // Старые годы: периодический журнал. 1913. Июль — Сент. С. 55—63.

6. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 1. Москва: Мысль, 2003. 701 с.

7. Кавелин К. Д. Взглядъ на юридическую бытъ древней Россіи // Русская исторія. Разсужденія, критическія статьи и замѣтки. Съ портретомъ автора, біографическим очеркомъ и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова: монографіи по русской исторіи. В 4 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 1897. С. 50—51.

8. Карамзинъ Н. М. Исторія государства Россійскаго. В 12 т. Т. VII. Изд. 2-е, испр. Санкт-Петербург: В тип. Н. Греча: изданиемъ братьевъ Слениныхъ, 1819. 235, 109 с.

9. Уставная важская грамота 1555 г. // Владимирской-Будановъ М. Ф. Христоматія по исторіи русскаго права. Выпускъ второй. Кіев, 1887. С. 189—212.

10. Пахман С. О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимуще-

1. The Complete Collection of Russian Chronicles, published by the supreme command of the Archeographic Commission. In 43 vols. Vol. 1. I. II. The Laurentian and Trinity Chronicles. St. Petersburg; 1846: XX, 267. (In Russ.).

2. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. General ed. by O. I. Chistyakov; ed. of volume A. D. Gorsky. Moscow: Juridical literature; 1985: 519. (In Russ.).

3. Historical acts collected and published by the Archeographic Commission. In 5 vols. Vol. 1. 1334—1598. Saint Petersburg: At the Printing House Government Paper Expeditions; 1841: VIII, 551. (In Russ.).

4. The complete Collection of Russian Chronicles, published by the supreme command of the Archeographic Commission. In 10 vols. Vol. 4. IV. V. Novgorod and Pskov Chronicles. Saint Petersburg; 1848: VIII, 360. (In Russ.).

5. Lukomsky V. K. Granted Charters of the XVII and XVIII. Old Years: a periodical magazine, 55—63, 1913. July — September. (In Russ.).

6. Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G. Y. Judicial power in Russia: history, documents. In 6 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl; 2003: 701. (In Russ.).

7. Kavelin K. D. A look at the legal life of ancient Russia. In: Russian History. Arguments, critical articles and notes. With a portrait of the author, a biographical sketch and notes by prof. D. A. Korsakov: monographs on Russian history. In 4 vols. Vol. 1. Saint Petersburg; 1897: 50—51. (In Russ.).

8. Karamzin N. M. History of the Russian state. In 12 vols. Vol. VII. 2nd ed., rev. Saint Petersburg: At N. Gretch Printing House: dependent on the Slenin brothers; 1819: 235, 109. (In Russ.).

9. Vazhsky charter of 1555. In: Vladimirsky-Budanov M. F. Anthology on the history of Russian Law. Issue 2. Kiev; 1887: 189—212. (In Russ.).

10. Pakhman S. About judicial evidence on ancient Russian law, mainly civil law, in their historical development. Moscow: University Printing House; 1851: VI, 212. (In Russ.).

ственно гражданскому, въ историческомъ их развитіи. Москва: Унив. тип., 1851. VI, 212 с.

11. Псковская лѣтопись, изданная на иждивении Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ Университетѣ, М. Погодинымъ. Москва: Унив. тип., 1837. XXX, 281 с.

12. Калачов Н. В. О Судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридическія записки, издаваемые П. Рѣдкинымъ, докторомъ и ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета. В 5 т. Т. 2. Москва: В унив. тип., 1842. С. 368.

13. Дегай П. Взглядъ на современное положеніе уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Тип. М-ва гос. имуществ, 1847. 326 с.

14. Карамзинъ Н. М. Исторія государства Россійскаго. В 12 т. Т. IX. Санкт-Петербург: В тип. Н. Греча: иждивениемъ братьевъ Слениныхъ, 1821. 472, 296 с.

15. Olearius A. Vermehte Neue Beschreibung Der Muscovitische und Persischen Reyse SO durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft an den Russischen Zaar und König in Persien geschehen, Schließwig: gedruckt in der Fürstl Druckerey, durch Johan Holwein, 1656. 766 S.

16. Шалфѣев Н. Об установной книгѣ Разбойнаго приказа. Санкт-Петербург: Тип. Мор. м-ва, 1868. 76 с.

17. Улуханов И. С. О языке Древней Руси. Москва: Наука, 1972. 135 с.

18. Соловьев С. М. Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ. Историческое изслѣдованіе. Москва, 1845. 202 с.

19. Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографическою экспедиціею Императорской академіи наукъ. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Коммиссіею. В 4 т. Т. 1. 1294—1598. Санкт-Петербург: Тип. II отд-нія собств. е. и. в. канцелярии, 1836. 541 с.

Васильченко Денис Александрович,

начальник кафедры
оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
VDA.com@mail.ru

11. The Pskov Chronicle, published on the dependency of the Society of History and Antiquities of Russia, at Moscow University by M. Pogodin. Moscow: University Printing House; 1837: XXX, 281. (In Russ.).

12. Kalachov N. V. About the Court Book of Tsar Ivan Vasilyevich. In: Legal notes published by P. Redkin, doctor and ordinary professor of the Imperial Moscow University. In 5 vols. Vol. 2. Moscow: University Printing House; 1842: 368. (In Russ.).

13. Degai P. A look at the current situation of criminal proceedings. Saint Petersburg: Printing house of the Ministry of State Property; 1847: 326. (In Russ.).

14. Karamzin N.M. History of the Russian state. In 12 vol. Vol. IX. Saint Petersburg: At N. Gretch Printing House: dependent on the Slenin brothers; 1821: 472, 296. (In Russ.).

15. Olearius A. Added a new description, and the Muscovite and Persian Reyse SO happened by occasion of a Holstein Embassy to the Russian Tsar and King in Persia. Schlesswig: Printed in the Fürstl Druckerey, by Johan Holwein; 1656: 766. (In German).

16. Shalfeev N. On the installation book of the Robbery Order. Saint Petersburg: 1868; Ministry of the Navy: 76. (In Russ.).

17. Ulukhanov I. S. About the language of Ancient Russia. Moscow: Nauka; 1972: 135. (In Russ.).

18. Soloviev S. M. About the relations of Novgorod to the Grand Dukes. Historical research. Moscow; 1845: 202. (In Russ.).

19. Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences. Supplemented and published by the Most Highly established Commission. In 4 vols. Vol. 1. 1294—1598. Saint Petersburg: Printing House II of Her Imperial Majesty's Office; 1836: 541. (In Russ.).

Vasilchenko Denis Alexandrovich,

head of the department
of operational investigative activities
of the Internal Affairs Bodies
of the Omsk Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
VDA.com@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.07.2023; одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 04.07.2023; approved after reviewing 14.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.102

doi: 10.25724/VAMVD.A166

**ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ
РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ
(ЧАСТЬ 1)**

Василий Владимирович Семенчук*, Владимир Батоевич Батоев**

* Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия, semenchuk_ord@mail.ru

** ФКУ НПО «СТиС» МВД России, Москва, Россия, vbatoev@mail.ru

Аннотация. В настоящее время перспективы совершенствования организации и тактики оперативно-разыскной деятельности нельзя рассматривать в отрыве от цифровизации всех сфер общественных отношений. Развитие информационно-телекоммуникационных технологий с их производными приводит к поступательной трансформации преступной деятельности и, соответственно, увеличению доли цифровых следов. Указанные обстоятельства прямым образом влияют на деятельность сотрудников оперативных подразделений по решению задач оперативно-разыскной деятельности. В юридической литературе выдвигаются различные мнения относительно искомого вопроса, однако они не находят должного внимания со стороны правоприменителя, законодателя и иных заинтересованных субъектов. Представляется ошибочным игнорировать необходимость соответствия методов и средств оперативно-разыскной деятельности новым вызовам и угрозам. Для этого на концептуальной основе должны быть разработаны и реализованы мероприятия по совершенствованию организационной, правовой и технологической основ оперативно-разыскной деятельности с учетом скоординированного взаимодействия ее субъектов. Данному вопросу на всех уровнях организации оперативно-разыскной деятельности должно уделяться внимание в приоритетном порядке.

Ключевые слова: концепция, оперативно-разыскная деятельность, цифровизация, цифровая среда, преступность

Для цитирования: Семенчук В. В., Батоев В. Б. Предпосылки формирования концепции развития оперативно-разыскной деятельности в цифровой сфере (часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 132—136. doi: 10.25724/VAMVD.A166

**PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF THE CONCEPT
OF DEVELOPMENT OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITY
IN THE DIGITAL SPHERE
(PART 1)**

Vasilii Vladimirovich Semenchuk*, Vladimir Batoevich Batoev**

* Far Eastern Law Institute of the Ministry of the internal affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia, semenchuk_ord@mail.ru

** FGI SPA SET of the MIA RF, Moscow, Russia, vbatoev@mail.ru

Abstract. Currently, the prospects for improving the organization and tactics of operational-investigative activity cannot considering in isolation from the digitalization of all spheres of public relations. Development of IT-technologies with their derivatives leads to a transformation of criminal activity and, accordingly, an increase in the share of digital traces. These circumstances directly affect the solution of the tasks of operational-investigative activity. In the legal literature, various proposals are put forward regarding the issue being, which, however, do not find due attention on the part of the law enforcement bodies, the legislator and other interested parties. It seems erroneous to ignore the need to match the methods and means of operational-investigative activity with new challenges and threats. Taking into account the coordinated interaction of subjects of operational-investigative activity on a conceptual

basis, should develop and implement measures for improving the organizational, legal and technological foundations for its implementation. At all levels of the organization of operational-investigative activity, this issue must be in priority attention.

Keywords: concept, operational-investigative activity, digitalization, digital environment, crime

For citation: Semenchuk V. V., Batoev V. B. Prerequisites for the formation of the concept of development of operational-investigative activity in the digital sphere (part 1). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 132—136, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A166

Начиная рассуждения в исследуемой сфере, отметим, что развитие научно-технического прогресса привело к тому, что социальные коммуникации, бизнес-процессы и даже функционирование органов власти и управления осуществляются с использованием различных цифровых технологий. Преступники также осознали преимущества современных технологий, что повлекло трансформацию классических и появление новых направлений преступной деятельности.

Для иллюстрации динамических изменений в криминальной сфере можно привести несколько примеров.

Незаконный оборот наркотических средств перешел от классической контактной к бесконтактной форме сбыта посредством сети Интернет. В данной сфере прослеживается комплексный подход к применению современных технологий: создание специализированных онлайн-площадок для сбыта наркотиков (в закрытом сегменте сети Интернет (Darknet), телеграмм-каналах и пр.); использование платежных средств, в частности криптовалюты; средств коммуникации в виде SIP-телефонии, мессенджеров, анонимной электронной почты; анонимайзеров, обеспечивающих сокрытие принадлежности IP-адресов (Тор-браузер, VPN, прокси-серверы и пр.).

Примером появления новых направлений преступной деятельности является развитие сферы бесконтактного мошенничества, совершаемого путем дистанционного взаимодействия преступника и жертвы с помощью методов социальной инженерии. В данном случае наблюдается тенденция совершенствования методов мошенничества, по мере того как о них становится известно общественности. По данным банка России, общий объем операций без согласия клиентов в 2022 г. составил 14,165 млрд рублей¹.

Подобные обстоятельства придают особое значение оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) в реализации уголовной политики государ-

ства на современном этапе. Такой вывод обусловлен характером задач, стоящих перед ОРД, и вызванных ими алгоритмами действий.

ОРД нацелена на выявление преступлений, что предполагает обнаружение ранее неизвестных сведений, и сегодня — работу с большими массивами данных. В отличие от уголовно-процессуальной деятельности ОРД менее казуальна и может быть инициирована задолго до возбуждения уголовного дела или поступления сообщения о преступлении. Говоря о латентных преступлениях, сотрудник оперативного подразделения одним из первых сталкивается с криминальными проявлениями, и уже после проверки и подтверждения первичной информации собранные данные становятся достоянием уголовного судопроизводства.

С учетом развития методов получения и анализа информации прослеживается тенденция, согласно которой именно ОРД станет основным фильтром, через который будут проходить сведения о преступлениях в цифровой сфере.

Для того чтобы сохранять эффективность в современных реалиях, система ОРД должна была адекватна им. Деятельность в данном направлении не стоит на месте, и в качестве примеров этого можно привести следующее:

— совершенствование законодательной регламентации методов ОРД путем дополнения перечня оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) получением компьютерной информации и создания более гибких условий для проведения снятия информации с технических каналов связи (далее — СИТКС) в целях установления местонахождения лиц, пропавших без вести;

— разработка в системе МВД России на постоянной основе частных оперативно-разыскных методик выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием современных технологий. Дополнительно к этому выделен ряд проблем, подлежащих первоочередному научному разрешению (далее — сводный перечень проблем)²;

¹ Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/ (дата обращения: 15.01.2023).

² Сводный перечень проблем деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, требующих научного разрешения. Москва: ВНИИ МВД России, 2022.

— развитие кадрового потенциала оперативных подразделений ОВД, в том числе путем реализации программ повышения квалификации, в рамках комплекса мероприятий по формированию эффективной системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на предотвращении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 2021—2022 гг.);

— создание управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России¹.

Для получения дополнительных преимуществ требуется теоретически обосновать и внедрить Концепцию развития ОРД в цифровой сфере (далее — Концепция), поскольку назрела необходимость в определении перспективного направления развития ОРД в цифровой среде как системы научных знаний. Думается, что формирование указанной Концепции можно рассматривать в качестве способа устранения проблемных вопросов, описываемых в юридической литературе и имеющихся в практической деятельности.

Как правило, концепция в истинном смысле включает в себя идеи и гипотезы об объекте исследования, ее системе и структурных элементах, значении для теории и практики, научных задачах и крупных научных проблемах.

Объектом данной Концепции являются закономерности развития ОРД в условиях цифровизации общества и государства, а цель состоит в приведении методов, сил и средств ОРД к соответствию современным реалиям и угрозам со стороны преступности, т. е. в обеспечении познания и пресечения деятельности криминалитета. Такое соответствие должно быть динамичным, т. е. заключаться не в экстренном решении критической массы проблем, а в последовательном развитии, направленном на упреждение преступности.

Концепция основывается на ряде принципов, которые, помимо роли основополагающих начал, могут иметь значение для формирования организационно-правовых основ ее последующей реализации.

I. Принцип преемственности.

Научно-технический прогресс всегда был движущим фактором развития ОРД. Например, появ-

ление новых способов общественных коммуникаций способствовало возникновению новых методов ОРД (например, ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» и «СИТКС»), а также совершенствованию уже существовавших (например, перлюстрации).

Вместе с тем такого рода изменения были адаптацией к внешним условиям, а не коренным сломом концепции ОРД, и новые методы не отменяли старых. Поэтому, несмотря на цифровизацию общественных отношений, нельзя говорить о бесперспективности традиционных методов ОРД [1, с. 36]. Таковые могут использоваться и впредь, что не исключает их корректировки, адекватной реальной действительности [2, с. 99].

Даже относительно преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, такой классический метод ОРД, как наблюдение, не может быть вытеснен цифровым наблюдением, получением компьютерной информации или чем-либо еще, так как объектом изучения является человек со всем многообразием его действий в виртуальной и реальной жизни.

Исходя из данного утверждения, будем придерживаться посылки о целесообразности развития ОРД в цифровой сфере, а не о ее цифровизации. Полагаем, что подобный подход отвечает принципу преемственности в развитии ОРД.

II. Принцип использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем.

Считаем, что данный принцип должен стать не только основанием Концепции, но также получить самостоятельную правовую регламентацию в оперативно-разыскном законодательстве.

Нормы Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД») (в действующей редакции) позволяют использовать информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемку, а также другие технические и иные средства при проведении ОРМ, но не содержат обязательных предписаний в части обеспечения системного научно-технического развития ОРД, в том числе путем должного материально-технического обеспечения ее субъектов.

В то же время соответствующий принцип предусмотрен ст. 11 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ и в части использования информационных систем и технических средств для документирования преступной деятельности имеет непосредственное отношение к ОРД. Однако в законах, регламентирующих

¹ Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1110. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деятельность других субъектов ОРД, аналогичные примеры и, соответственно, побудительные мотивы к развитию научно-технического потенциала в сфере ОРД отсутствуют.

Формирование и регламентация единого принципа может стать основой развертывания долгосрочной научно-технической политики в сфере ОРД: правового регулирования методов ОРД, научного, кадрового и материально-технического обеспечения их реализации. Имеющийся диссонанс предлагаемого принципа с уже регламентированными оперативно-разыскным законом принципами не является критичным, так как существующая «четверка» неоднородна по содержанию и также распадается на две группы общеправовых и специальных (отраслевых) принципов.

III. Принцип межведомственной координации научно-технического развития ОРД.

Законодательством уже предусмотрена координирующая роль отдельных субъектов ОРД в данной сфере:

— ФСБ России осуществляет согласование ведомственных нормативных правовых актов МВД России, ФТС России и ФСИН России, регламентирующих организацию и тактику проведения ОРМ (кроме наблюдения, проводимого на открытой местности, в транспортных средствах и общественных местах) с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 4 ФЗ «Об ОРД»);

— проведение ОРМ на каналах связи и получение компьютерной информации осуществляется с использованием оперативно-технических сил и средств органов ФСБ, ОВД в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»);

— органы ФСБ России уполномочены осуществлять взаимодействие с операторами связи при проведении ОРМ, связанных с использованием технических средств, в том числе в интересах других уполномоченных органов. При отсутствии у органов ФСБ необходимых оперативно-технических возможностей для проведения такого рода ОРМ их исполнение осуществляют ОВД, являющиеся уполномоченными органами, в том числе в интересах других уполномоченных органов¹.

¹ Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность: постановление Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научно-техническое обеспечение ОРД предполагает существенные затраты на разработку и внедрение технологической составляющей, поэтому дублирование данной работы разными субъектами ОРД считаем нецелесообразным.

Отметим, что еще в Указе Президента РФ от 1 сентября 1995 г. № 891 предусматривалось, что развитие оперативно-технических возможностей на объектах связи должно осуществляться органами ФСБ и ОВД при долевым финансировании других органов, осуществляющих ОРД. Таким образом, уже в период формирования оперативно-разыскного законодательства был заложен подход, предполагающий совместные затраты на создание материально-технической базы, используемой для общих нужд.

С учетом изложенного развитие оперативно-технических возможностей в части проведения ОРМ на каналах связи, как и систем анализа собранных данных, должно быть скоординированным при руководящей роли органов ФСБ России и МВД России. Результаты такой деятельности при этом должны быть достоянием всех субъектов ОРД.

В иных сферах научно-технического обеспечения ОРД органы, ее осуществляющие, обладают большей самостоятельностью, и взаимодействие может осуществляться на уровне горизонтальных связей. Несмотря на некоторые ведомственные различия, ОРД имеет преимущественно схожие подходы к реализации, из чего следует необходимость обмена положительным опытом (программными средствами, технологиями и др.), накопленным разными субъектами ОРД.

IV. Принцип конспирации.

Конспирация имеет особое значение при осуществлении ОРД в цифровой сфере, так как основным свойством таких технологий является простота копирования и распространения информации. Помимо развития процедур сбора информации, должна быть обеспечена защита сведений, ограничения и запреты на распространение которых предусмотрены ст. 12 ФЗ «Об ОРД». По этой причине возможности информатизации процессов управления в данной сфере ограничены.

Так, в отличие от предпринимательской деятельности и других сфер управления введение электронного документооборота в ОРД (электронного оперативно-разыскного производства) влечет угрозу расшифровки защищаемых сведений и, как следствие, неэффективность данного вида деятельности.

Другой аспект связан с необходимостью защиты персональных данных, получаемых в ходе ОРД.

Она должна реализовываться по следующим направлениям: организация доступа в информационные базы данных (учет пользователей, контроль за обоснованностью доступа); своевременный анализ сведений, получаемых в ходе ОРД, исключая их необоснованное накопление.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в целях эффективной и своевременной трансформации ОРД в условиях цифровизации практически всех сфер организации общественных процессов на государственном уровне надлежит критично переосмыслить подходы к осуществлению ОРД с учетом предлагаемых принципов. Новизна ранее изложенных

умозаключений и утверждений заключается в том, что, несмотря на множество теоретических работ по рассматриваемой тематике, представленное направление теории и практики ОРД недостаточно исследовано в концептуальном ракурсе. Полагаем, что именно в этом и проявляется актуальность работы и потребность в ее дальнейшем изучении. Следующая часть статьи будет посвящена реализации обозначенных принципов сквозь призму мер по совершенствованию правовых основ, информационно-аналитического, материально-технического и кадрового обеспечения ОРД в цифровой среде.

1. Васильченко Д. А. О концепции цифровизации оперативно-розыскной деятельности // Петербургские пенитенциарные конференции: материалы конф. В 4 т. Т. II. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ин-т ФСИН России, 2021. С. 34—41.

2. Иванов П. И. Цифровая реальность и ее влияние на развитие оперативно-розыскной науки // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения): сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. Москва: Ун-т прокуратуры РФ, 2021. С. 92—99.

1. Vasilchenko D. A. On the concept of digitalization of operational-investigative activity. In: Petersburg penitentiary conferences. Materials of conferences. In 4 vols. Vol. II. Saint Petersburg: Saint Petersburg Institute of Federal Penitentiary Service; 2021: 34—41. (In Russ.).

2. Ivanov P. I. Digital reality and its impact on the development of operational-investigative science. In: Digital technologies in the fight against crime: problems, state, trends (Dolgovskie readings). Collection of materials of the I All-Russian scientific-practical conference. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2021: 92—99. (In Russ.).

Семенчук Василий Владимирович,
заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Дальневосточного юридического института
МВД России,
кандидат экономических наук, доцент;
semenchuk_ord@mail.ru

Батоев Владимир Батоевич,
старший научный сотрудник
ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vbatoev@mail.ru

Semenchuk Vasilii Vladimirovich,
deputy head of the department
of operational-investigative activity
of law-enforcement bodies
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of the Internal Affairs of the Russian Federation,
candidate of economic sciences, docent;
semenchuk_ord@mail.ru

Batoev Vladimir Batoevich,
senior researcher of the FGI SPA SET
of the MIA RF,
candidate of juridical sciences, docent;
vbatoev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 18.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.97

doi: 10.25724/VAMVD.A167

**СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ****Николай Александрович Андреев**

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, nikolay00795@gmail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние социально-экономических факторов на активизацию криминальной экстремистской деятельности в сети Интернет в условиях повышенной социально-политической и экономической напряженности. Особое внимание уделяется негативным аспектам влияния информационного пространства на формирование экстремистской идеологии, а также классификации основных угроз, оказывающих деструктивное воздействие на личность пользователя сети Интернет и цифровых медиаресурсов. Анализируется современное состояние и структура преступлений экстремистской направленности, а также предлагаются основные направления деятельности органов государственной власти в области противодействия нагнетанию радикальной экстремистской информации в сети Интернет. Проанализированы основные формы трансляции информационного контента, имеющего экстремистскую окраску, характерные для средств интернет-коммуникации. Для более эффективной борьбы с экстремистской деятельностью в сети Интернет автор статьи предлагает возвращение к практике уголовного наказания в виде конфискации имущества и установление уголовно-правового института лишения гражданства лиц, причастных к экстремистской деятельности, которая посягает на основы конституционного строя Российской Федерации.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистская идеология, сеть Интернет, информационно-телекоммуникационные технологии, экстремистские материалы, информационный контент

Для цитирования: Андреев Н. А. Современные формы трансляции экстремистской идеологии в сети Интернет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 137—143. doi: 10.25724/VAMVD.A167

MODERN FORMS OF BROADCASTING EXTREMIST IDEOLOGY ON THE INTERNET**Nikolay Alexandrovich Andreev**

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, nikolay00795@gmail.ru

Abstract. This article examines the influence of socio-economic factors on the intensification of criminal extremist activity on the Internet in conditions of increased socio-political and economic tension. Particular attention is paid to the negative aspects of the influence of the information space on the formation of extremist ideology, as well as the classification of the main threats that have a destructive impact on the personality of the Internet user and digital media resources. The current state and structure of extremist crimes are analyzed, as well as the main directions of activity of state authorities in the field of countering the injection of radical extremist information on the Internet are proposed. The main forms of broadcasting information content with extremist overtones characteristic of Internet communication media are analyzed. For a more effective fight against extremist activity on the Internet, the author of the article suggests a return to the practice of criminal punishment in the form of confiscation of property and the establishment of a criminal law institution of deprivation of citizenship of persons involved in extremist activities that encroach on the foundations of the constitutional system of the Russian Federation.

Keywords: extremism, extremist activity, extremist ideology, the Internet, information and telecommunication technologies, extremist materials, information content

For citation: Andreev N. A. Modern forms of broadcasting extremist ideology on the Internet. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 137—143, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A167

Современный мир, переживая «цифровую революцию» практически во всех сферах социальной, научно-технической, производственной и экономической деятельности, сталкивается с множеством проблем, от решения которых зависит не только будущее научно-технического прогресса, но и безопасность самого человечества. В частности, стремительно формирующиеся социокоммуникативные и социоинформационные реалии современного общества привели к росту коммуникативных и социокультурных рисков в интернет-пространстве, обусловленных противоречиями, объективируемыми в призме информационно-коммуникативных технологий и социальных реалий.

Следует признать, что большая часть активной современной молодежи в качестве основного средства коммуникации и доступа к информационному контенту использует Интернет и социальные сети. Перемещение пользователя социальных сетей из объективной в виртуальную реальность приводит к изменению сформировавшихся на протяжении долгих лет социально-коммуникативных навыков, а также поведенческих привычек и социальных норм. Отмеченные тенденции ставят человечество перед необходимостью воспитания новой «цифровой» культуры, формирования новых представлений об общественной безопасности и правопорядке в интернет-пространстве [1].

Современное развитие цифрового информационного пространства открывает новые возможности для всех сфер общественной жизни, но, к сожалению, также создает дополнительные криминальные угрозы. Развитие информационных технологий и стремление государства к полной цифровой трансформации деятельности общества требуют совершенствования инструментов, используемых в целях противодействия преступной деятельности.

Цифровой информационный контент доступен каждому, и это способствует масштабному распространению экстремистских идей. Такой контент позволяет экстремистам эмоционально и информативно влиять на миллионы людей, культивировать свою идеологию и рекрутировать новых последователей и активных участников. Последнее становится все более актуальной проблемой по причине лавинообразной тенденции криминализации интернет-пространства, в том числе в результате экстремистской деятельности.

В современных условиях благодаря достижениям научно-технического прогресса идеология экстремизма способна распространяться с максимальной скоростью посредством использования сети Интернет, где особое место занимают социальные

сети. Это позволяет экстремистской пропаганде охватить достаточно широкую аудиторию и вовлечь в противоправную деятельность различные слои населения. Особенно подвержены такому воздействию экстремизма лица молодого возраста, являющиеся активными пользователями как социальных сетей, так и информационно-телекоммуникационных ресурсов сети Интернет [2].

В определенной степени многообразие форм экстремизма является свидетельством того, что этот разрушительный феномен, распространяясь по всему миру, не знает границ. Научно-технический прогресс в сфере информационно-телекоммуникационных технологий играет особую роль в этом процессе благодаря возможности быстрого распространения экстремистского контента, что, в свою очередь, является причиной сомнительной достоверности информации в сети Интернет.

Весь мировой социум в равной степени находится под угрозой нарушения сформировавшейся десятилетиями системы ценностей и отношений. Как правило, целью экстремистской деятельности является продвижение интересов отдельных социальных групп и представителей иностранных государств. Эффективность такого рода криминальной деятельности доказана множеством примеров, демонстрирующих нелегитимную смену государственной власти, нарушение дружественных отношений между представителями соседствующих государств и их субъектов, ослабление внешней и внутренней политики государств, а также уязвимость их суверенитета [3].

Экстремистская деятельность является одним из нелегитимных способов изменения государственного строя, часто сопровождающегося насильственным захватом власти, нарушением территориальной целостности государства либо утратой государственного суверенитета. В ее основе лежит личная убежденность субъекта в оправданности выбора средств достижения достигаемых целей. В свою очередь, формирование экстремистской мотивации зачастую основано на субъективном признании исключительности и превосходстве групповой самоидентичности экстремистского сообщества, с которым себя отождествляют его участники. Основу деструктивного самоопределения составляет экстремистская идеология, активно культивируемая в информационно-телекоммуникационном пространстве. Заложенные в ее основу элементы убеждения и заражения оказывают деструктивное воздействие на индивидуальное и групповое сознание и поведение людей, разрушают их нормальное духовно-нравственное развитие,

способствуют привитию искаженных ценностей и представлений, служат оправданием противоправного поведения.

Идеология обеспечивает повествовательную структуру, с помощью которой можно интерпретировать новую информацию и прошлые события. Поскольку экстремистские группы формируются из представителей меньшинства протестной оппозиции, часто их интересы не могут быть в полной мере обеспечены по причине несправедливого распределения благ. Идеология данной части общества, как правило, сосредоточена вокруг повествования о жертвенности, образующей центральную идеологическую тему [4].

Экстремистская идеология, распространяемая в информационно-телекоммуникационном пространстве, включая сеть Интернет, представляет собой явление, способное вызвать в обществе подмену позитивных ценностных установок негативными. Она содержит определенную структуру, состоящую из идей, взглядов и представлений, направленных на поддержку экстремизма. Обладая различной информацией (контентом), она может формировать у пользователя экстремистские убеждения и негативные социальные установки в результате принятия им скрытой или открытой идеи. Эти идеи могут включать в себя пропаганду либо оправдание преступных действий, поощрение экстремистской деятельности и героизацию лиц, осуществляющих противоправные действия по идеологическим мотивам.

Основу экстремистской идеологии, как правило, составляет искаженная интерпретация философских, религиозных, политических, научных доктрин, концепций и учений. Являясь системообразующим компонентом криминальной идеологии в сети Интернет, экстремистская идеология определяет криминальное содержание, поощряет и оправдывает отдельные формы преступного поведения, формирует самостоятельные идеологические течения экстремистской направленности, способствует искажению системы ценностных ориентаций и мировоззренческих установок, потребностей, желаний, создавая ложную систему координат, в которую погружается личность [5].

Формирование культовой экстремистской идеологии заключается в связывании процессов, лежащих в основе просоциального поведения (например, эмпатия), и процессов, способствующих формированию культа насилия (например, дегуманизация), с учетом внутри- и межгрупповых различий. Это приводит к тому, что потенциальные участники экстремистских сообществ проявляют преданность

внутренней группе и ненависть к внешней; они готовы сражаться и даже умереть от имени «нас» и готовы убить «их». Психологические процессы, приводящие к глубокому альтруизму (когда речь идет о внутренней группе) и мотивирующие насилие (когда речь идет о внешней группе), являются ключевыми факторами этой идеологии.

Эмпатия, как известно, основана на сочувствии и является мощным социальным инструментом. Возможно, это «социальный клей», который способствовал объединению больших групп людей, не связанных кровными узами, в сложные кооперативные общества. Хотя действительно есть экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что наличие эмпатии у человека (как черты его характера) или проявление эмпатии (когда речь идет о состоянии другого человека) может стимулировать альтруизм, некоторые исследования показывают, что в межгрупповых контекстах эмпатия может не являться столь же просоциальной [6].

Сочувствие к аутгруппе может стимулировать просоциальное поведение по отношению к ее членам, однако внутригрупповое сочувствие может привести к противоположному эффекту. Люди, особенно чувствительные к страданиям членов своей группы, могут начать действовать против членов аутгруппы, которых они считают виновными. Кроме того, фактор дегуманизации часто сопровождал темные страницы истории человечества. В периоды колонизации, рабства, геноцида и войн изображение противников как нецивилизованных животных было распространенным явлением [7]. Согласно мнению исследователей, экстремистские сообщества применяют дегуманизирующую риторику в отношении «неверных». Они не только называют нас «свиньями» или «собаками», но и рассматривают как коллективно ответственных и недифференцированных. Такая же риторика используется в западных демократиях, когда речь заходит о нелюбимых мусульманских группах, экстремистах и террористических организациях. Например, иранцы, ХАМАС и ИГИЛ часто изображаются в СМИ как звери, змеи, крысы или паразиты, которых нужно уничтожить. Такой подход не только дискредитирует и дегуманизирует определенные группы людей, но и может привести к коллективной ответственности и ненависти к ним [8].

Составляя ядро экстремистской идеологии, «центральная» тема, продвигаемая в сознание отдельных представителей общества, должна быть обеспечена соответствующей формой информационного контента. Среди инструментов, используемых для насаждения экстремистской идеологии, можно

выделить информацию в различных форматах, таких как аудио-, видео- и аудиовизуальные материалы. Они распространяются в информационно-телекоммуникационном пространстве сети Интернет. Одним из наиболее эффективных методов трансляции экстремистских идей в сети Интернет является взаимодействие пользователей в сети. Оно может проявляться в виде онлайн-трансляций (стримов), чатов и сотрудничества в онлайн-играх.

Характерной особенностью распространения экстремистской идеологии в сети Интернет является прогрессивное развитие виртуального пространства, обусловленное научно-техническим прогрессом, в результате которого удалось построить систему сложных технологий информационно-психологического воздействия на личность [9].

Как правило, экстремистская идеология распространяется через различные гибридные формы выражения нетерпимости к процессам и явлениям, которые имеют отражение в реальной жизни, а также к представителям отдельных социальных и этнических групп. Интернет-пространство стало основной площадкой для насаждения идеологии экстремизма. В этом процессе используются разнообразные методы и формы выражения, которые приводят к росту числа сторонников данной идеологии.

Наиболее распространенными формами выражения экстремистского контента являются следующие.

1. Мем. В общем смысле под мемом понимаются идея, символ, манера или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д. [10] Особенностью интернет-мема является медиаобъект, воспроизведенный в цифровой форме, содержащий юмористическую или ироническую идею, завоевавшую определенную популярность, посредством ее распространения в информационных ресурсах сети Интернет. Наиболее часто мемы представлены в форме графической информации, а их основу составляет визуальный образ, получивший популярность в сетевой коммуникационной области. Данная форма продвижения экстремистской идеологии, несмотря на ее безобидный, на первый взгляд, характер, может служить достаточно эффективным инструментом разобщения социальных групп и культивирования напряженности.

Наиболее ярким примером продвижения такого рода экстремистского контента могут служить публикуемые на страницах французского интернет-издания *Charlie Hebdo* карикатуры на пророка

Мухаммеда, оскорбляющие религиозные чувства мусульман.

Часто рост протестных настроений на территории Российской Федерации обусловлен реакцией на распространение мемов — мягких, ненавязчивых, неявных, но последовательных средств деструктивного воздействия на адресатов [11]. Ненавязчивость мемов, транслирующих экстремистскую идеологию в информационно-телекоммуникационном пространстве, нередко обеспечивается их юмористическим содержанием, направленным на эмоции и чувства индивидов, а также популярностью в сетевой коммуникационной практике.

2. Фанфик. Этот термин является жаргонизмом и представляет собой специфическую форму любительского сочинения по мотивам известных литературных произведений, комиксов, компьютерных игр и т. д.

В своем содержании фанфики транслируют идеи экстремистской идеологии в цифровом информационно-телекоммуникационном пространстве в форме текстовой информации. По своему содержанию такой текстовый контент включает информацию, основным посылом которой может служить:

- героизация нацистов;
- оправдание и поощрение экстремистских идей;
- сотворение «кумиров» из наиболее активных участников экстремистских сообществ (организаций).

3. Фан-арт. Представляет собой, как правило, художественное творчество поклонников различных сфер искусства, таких как кинематография, мультипликация, литература, комикс, компьютерная игра и т. п. Фан-арт может представлять иллюстрацию, пародию, карикатуру, «переплетение» нескольких произведений и т. д.¹

В контексте средств культивирования экстремистской идеологии в сети Интернет фан-арт представляет собой творчество отдельных представителей экстремистских течений, стремящихся героизировать лидеров экстремистских сообществ (организаций), запечатлеть наиболее значимые экстремистские акции, солидаризироваться с экстремистской идеологией.

4. Тематические цитаты. Данная форма продвижения экстремистской идеологии является наиболее часто употребляемым средством коммуникации среди пользователей социальных сетей, ее содержание может быть представлено в качестве сетевого сленга. Особенностью данной формы

¹ Фан-арт. URL: <https://fb.ru/article/145432/fan-art---chto-eto-takoe> (дата обращения: 09.01.2023).

информационного выражения является трансляция экстремистской идеологии в сети Интернет как гибридного вида информации, сочетающей текстовый сегмент с графическим. Проведение контент-анализа отдельных сетевых ресурсов и наблюдение за экстремистско-идеологическими сообществами в информационно-телекоммуникационном пространстве позволяет говорить об активном использовании тематических цитат в процессе межличностной коммуникации.

5. Псевдонаучные исследования. В последнее время данная форма трансляции экстремистской идеологии является наиболее применимой в практике подмены и искажения исторической сущности наиболее значимых событий, имеющих важное значение в государственном развитии и эволюции гражданского общества. В последнее время используемые псевдонаучные теории и результаты исследований позволяют формировать искаженное представление пользователей социальных сетей и иных информационно-телекоммуникационных ресурсов об истинном положении вещей и становятся инструментом в построении искаженной параллельной действительности, транслирующей экстремистские убеждения и способствующей формированию экстремистской идеологии.

6. Фейк. В общеупотребимом смысле фейк рассматривается как нечто ложное, недостоверное, сфальсифицированное, выдаваемое за действительное, реальное, достоверное с целью ввести кого-либо в заблуждение¹. Практика продвижения фейкового контента в информационно-телекоммуникационном пространстве является одним из методов ведения информационной войны, направленных на искажение фактов для политической пропаганды и манипулирования массовым сознанием [12].

С началом специальной военной операции 24 февраля 2022 г. и вхождением в состав Российской Федерации новых территорий ДНР, ЛНР, а также Запорожской и Херсонской областей Россию захлестнула волна фейковой информации, искажающей истинный характер событий и деструктивно воздействующей на сознание потребителей информационного контента, размещаемого в различных социальных сетях и мессенджерах².

Так, в целях подрыва авторитета, имиджа власти, а также дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляется трансляция массовой гибели мирного населения, применения запрещенных способов ведения войны в зоне проведения специальной военной операции, в информационно-телекоммуникационном пространстве осуществляются систематические «вбросы» заведомо недостоверной информации. Данная деятельность направлена на оправдание насильственного изменения основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации, формирование протестных настроений в обществе и рекрутирование граждан в экстремистскую деятельность.

В заключение следует отметить, что многообразие форм выражения информации, транслирующей экстремистскую идеологию в информационно-телекоммуникационном пространстве, опосредовано смысловым содержанием центральной темы, составляющей основу экстремистской идеологии. Все формы трансляции данной идеологии обладают характерным потенциалом, образуемым средствами воздействия обособленных экстремистско-идеологических направлений в информационно-телекоммуникационном пространстве, каждое из которых обеспечивает достаточное влияние на воспитание экстремистской идеологии и формирует протестное настроение.

Таким образом, экстремистская идеология в информационно-телекоммуникационном пространстве, в том числе сети Интернет, характеризуется специфической структурой, составляющими которой являются: центральная идеологическая тематика, определяющая экстремистское содержание идеологических форм экстремистской направленности; средства трансляции экстремистского контента, оказывающего непрерывное воздействие на сознание пользователей киберпространства; информационно-телекоммуникационное пространство, используемое для доставки информации, транслирующей экстремистскую идеологию.

¹ Словарь современной лексики, жаргона и сленга. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/index.htm> (дата обращения: 21.01.2023).

² Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики. Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 09.01.2023).

1. Харламова А. А., Makeeva I. S. Преступления экстремистской направленности: общая характеристика и некоторые особенности // Российский следователь. 2022. № 1. С. 55—59.

2. Преступность в Ставропольском крае: состояние и прогноз / И. Л. Мармута, В. В. Власенко, Е. П. Коровин [и др.]; под ред. Н. Ш. Козаева. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2021. 270 с.

3. Рясов Д. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: учеб. пособие. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2019. 131 с.

4. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). Санкт-Петербург: Юридический центр — Пресс, 2006. 448 с.

5. Квашиш В. Е., Ильницкий А. С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2021. № 2. С. 26—32.

6. Маргиане А. Л. Понятие и основные признаки терроризма // NOVAUM.RU. 2017. № 7. С. 85—87.

7. Рясов Д. А. Этнокультурные особенности формирования криминальной мотивации членов семей участников религиозно-экстремистских незаконных вооруженных формирований и псевдорелигиозных сообществ деструктивной направленности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4 (38). С. 24—27.

8. Мусаелян М. Ф. Историко-правовое развитие уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России в XX в. // История государства и права. 2013. № 14. С. 39—42.

9. Баришполец В. А. Основы информационно-психологической безопасности / под общ. ред. В. А. Баришпольца. Москва: Знание, 2012. 413 с.

10. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. О. Фоминой. Москва: Мир, 1993. 316 с.

11. Бабикова М. Р. Интернет-мемы как инструмент soft-power — технологии миромоделирования современной молодежи // Политическая лингвистика. 2021. № 5. С. 116—121.

12. Корецкая О. В. Фейковые новости как объект изучения медиалингвистики (на материале англоязычных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1. С. 118—120.

1. Kharlamova A. A., Makeeva I. S. Crimes of extremist orientation: general characteristics and some features. A Russian investigator, 55—59, 2022. (In Russ.).

2. Marmuta I. L., Vlasenko V. V., Korovin E. P. (et. al.) Crime in the Stavropol Territory: state and prognosis. Ed. by N. S. Kozhev. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021: 270. (In Russ.).

3. Rysov D. A. Criminal and legal characteristics of crimes against the foundations of the constitutional system and the security of the state. Textbook. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019: 131. (In Russ.).

4. Dikaev S. U. Terror, terrorism and crimes of a terrorist nature (criminological and criminal law research). Saint Petersburg: Juridical Center — Press; 2006: 448. (In Russ.).

5. Kvashis V. E., Ilnitsky A. S. Modern forms of criminal ideology manifestation on the Internet. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 26—32, 2021. (In Russ.).

6. Margiane A. L. The concept and main signs of terrorism. NOVAUM.RU, 85—87, 2017. (In Russ.).

7. Rysov D. A. Ethnocultural features of the formation of criminal motivation of family members of participants in religious extremist illegal armed formations and pseudo-religious communities of destructive orientation. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 24—27, 2017. (In Russ.).

8. Musaelyan M. F. Historical and legal development of criminal legislation on responsibility for terrorism in Russia in the XX century. History of State and Law, 39—42, 2013. (In Russ.).

9. Barishpolets V. A. Fundamentals of information and psychological security. General ed. by V. A. Barishpolets. Moscow: Znanie; 2012: 413. (In Russ.).

10. Dawkins R. Egoistic gene. Transl. from English by N. O. Fomina. Moscow: Mir; 1993: 316. (In Russ.).

11. Babikova M. R. Internet memes as a soft-power tool — technologies of world modeling of modern youth. Political Linguistics, 116—121, 2021. (In Russ.).

12. Koretskaya O. V. Fake news as an object of studying media linguistics (based on the material of English-language media). Philological Sciences. Questions of theory and practice, 118—120, 2017. (In Russ.).

Андреев Николай Александрович,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России;
nikolay00795@gmail.ru

Andreev Nikolay Alexandrovich,
associate adjunct at the department
of criminal law and criminology
of Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
nikolay00795@gmail.ru

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 07.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 28.06.2023; approved after reviewing 07.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.535
doi: 10.25724/VAMVD.A168

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В РОССИИ**

Мария Константиновна Глазкова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, Maryatern1414@gmail.com

Аннотация. Понятие «несостоятельность», или «банкротство», само по себе не ново. Процесс развития рыночной экономики без существования названной процедуры представить себе практически невозможно. Однако не все участники возникающих при этом правоотношений желают действовать согласно правилам, установленным законами нашей страны. В настоящее время криминальные банкротства являются серьезной проблемой для экономики России. Они приводят к потере денежных средств кредиторами и государством, а также создают неравные условия для всех участников хозяйственной деятельности. В статье рассматриваются общие вопросы правового регулирования общественных отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) в России, озвучиваются основные проблемы выявления и квалификации преступлений в сфере банкротств, а также предлагаются общие меры по борьбе с вышеуказанной проблемой, такие как необходимость пересмотра и реформирования процедур банкротства, защита прав кредиторов на законодательном уровне, установление более серьезной ответственности за неправомерные действия конкурсного управляющего при осуществлении своей профессиональной деятельности. Итогом перечисленных действий должно стать обеспечение честной конкуренции на рынке и надежная защита интересов всех участников экономических отношений.

Ключевые слова: банкротство, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, неправомерные действия при банкротстве, преступления в сфере экономической деятельности, уголовная ответственность юридических лиц

Для цитирования: Глазкова М. К. Проблемы правового регулирования и охраны общественных отношений в сфере несостоятельности (банкротства) в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 144—151. doi: 10.25724/VAMVD.A168

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PROTECTION
OF PUBLIC RELATIONS
IN THE FIELD OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) IN RUSSIA**

Maria Konstantinovna Glazkova

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, Maryatern1414@gmail.com

Abstract. The concept of "insolvency" or "bankruptcy" is not in itself new. The process of development of a market economy without the existence of the procedure hereinabove is almost impossible to imagine. However, not all participants of legal relations, who are being considered, are willing to act in accordance with the rules established by the Laws of this country. In this regard, it should be noted that criminal bankruptcies are currently a serious problem in the context of the Russian economy. They lead to the loss of funds by both creditors and the state, and also create unequal conditions for all participants in economic activity. The article discusses the general issues of legal regulation of public relations dealing with insolvency (bankruptcy) in Russia, raises basic concerns about difficulty in bankruptcy crime detection and its qualification, and proposes definite measures on tackling this problem — i. e., the need to review and reform bankruptcy procedures, as well as protecting the rights of creditors at the legislative level and establishing heavier liability for illegal actions of the bankruptcy trustee in his professional activities. The measures listed hereinabove should be resulted in ensuring fair competition in the market and providing reliable protection of interests to all participants in economic relations.

Keywords: bankruptcy, intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, illegal actions in bankruptcy, crimes in economic activity, criminal liability of legal entities

For citation: Glazkova M. K. Problems of legal regulation and protection of public relations in the field of insolvency (bankruptcy) in Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 144—151, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A168

Банкротство — это крайне нежелательный процесс для любой компании. Оно может произойти по разным причинам, например, из-за неплатежей по кредитам, снижения спроса на товары или услуги, изменения законодательства и др. Однако иногда банкротство может быть результатом преступной деятельности, например мошенничества, уклонения от уплаты налогов, сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание, и пр. Такие случаи в ряде источников принято называть криминальными банкротствами¹.

На данный момент мало кто еще не знаком косвенно или непосредственно с таким понятием, как несостоятельность, или банкротство. Понятие это само по себе не ново. Изучая историю, можно найти массу источников, говорящих о том, что к подобным процедурам прибегали еще с древних времен [1, с. 172; 2, с. 9].

Однако в последние десятилетия с перестройкой экономики на рыночный тип общество сталкивается с указанным явлением гораздо чаще, чем еще несколько десятилетий назад. Стоит отметить, что эта особенность характерна, наверное, лишь для нашего государства, поскольку в европейских странах и странах запада экономическое развитие строилось совсем иначе.

В целом банкротство в России имеет довольно долгую историю. В древней Руси не существовало официальной процедуры банкротства в современном понимании этого термина. Однако если купец не мог выплатить долги, то его имущество могло быть продано на аукционе для погашения задолженности. Иногда купцы могли обращаться к царю или князю с просьбой о помощи в решении финансовых проблем, но эти случаи были эпизодичны и не имели официального статуса [2, с. 8—10].

В Советском Союзе, как и в других странах, существовала процедура банкротства, но она имела свои особенности.

Во-первых, в СССР банкротство воспринималось как нечто постыдное, поэтому многие предприятия и организации, находившиеся на грани банкротства, старались скрыть свое финансовое положение и продолжать работу. Более того, сам факт несостоятельности мог привести к уголовной ответственности за халатность или мошенничество [2, с. 34].

Во-вторых, процедура банкротства была сложной и длительной. Она включала в себя не только ликвидацию имущества должника, но и возможность реструктуризации долгов, перевода предприятия в управление другой организации или государства. Все это требовало согласования с различными органами государственной власти и многочисленных юридических процедур [2, с. 38].

В-третьих, в условиях централизованного планирования экономики банкротство предприятий и организаций было не столько результатом рыночных процессов, сколько следствием неправильного распределения ресурсов и неэффективного управления. Поэтому государство часто использовало свои ресурсы для поддержки убыточных предприятий и организаций, а не для их ликвидации [2, с. 42].

Таким образом, банкротство в СССР имело свои отличительные черты, связанные с особенностями экономической системы и политической культурой того времени.

В 1990 г. вступил в силу Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 г. № 445-1². В первые годы после принятия его использование на практике было фрагментарным и малоэффективным в связи с отсутствием опыта и недостаточной разработанностью процедур. Однако с течением времени система банкротства стала интенсивно развиваться.

В 2002 г. был принят Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее —

¹ Депутаты предложили в разы увеличить штрафы за криминальные банкротства банков, страховщиков и НПФ // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс): офиц. сайт. Москва. URL: <https://clck.ru/3496ZB> (дата обращения: 11.01.2023).

² О предприятиях и предпринимательской деятельности: закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 декабря 2002 г. № 127-ФЗ. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

ФЗ № 127), который усовершенствовал рассматриваемые процедуры и сделал их более эффективными. В последующие годы были внесены дополнительные изменения в законодательство, направленные на ускорение процесса банкротства и повышение защиты прав кредиторов.

В период с 2008 по 2019 г. в России произошло множество крупных банкротств, вызванных финансовым кризисом и экономической нестабильностью. Как отмечает сайт «Право.ру»¹, крупными банкротами в основном являются промышленные фирмы. Среди банкротов фигурировали такие компании, как «ЮКОС», «АФК „Система“», «АвтоВАЗ», АО «Антипинский НПЗ», Авиакомпания «Трансаэро» и др.²

Развитие рыночной экономики в принципе трудно себе представить без признания того факта, что в условиях рисков предпринимательской деятельности должны существовать и условия, связанные с признанием должника несостоятельным, или банкротом. Иными словами, следует сказать, что рыночная экономика не может успешно функционировать без признания того факта, что должник, будь то физическое или юридическое лицо, имеет возможность быть признанным неспособным платить по своим обязательствам, в таком случае его необходимо объявить банкротом. Государство, в свою очередь, должно регулировать эти процессы, не допускать недобросовестных действий как со стороны должника по отношению к своим кредиторам, так и в обратную сторону.

Тем не менее в процессе развития института несостоятельности общество закономерно столкнулось и с проявлением недобросовестных действий при осуществлении процедуры банкротства как юридических, так и физических лиц. Часто указанные действия могут иметь характер экономических преступлений, поскольку способы их совершения схожи по ряду признаков и свойств. В целях обобщенного обозначения указанных незаконных действий экономического характера в сфере осуществления процедур банкротства, в процессе развития хозяйственно-экономических отношений обычно используется термин «криминальные банкротства»³.

¹ Топ-9 крупнейших банкротств // Право.Ру: офиц. сайт. URL: <https://clck.ru/3496WW> (дата обращения: 03.01.2023).

² Единый федеральный реестр сведений о банкротстве: офиц. сайт. URL: <https://old.bankrot.fedresurs.ru> (дата обращения: 19.02.2023).

³ Доля криминальных банкротств кредитных организаций составляет до 80 % всех банкротств банков // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс): офиц. сайт. 2013. URL: <https://clck.ru/3496Yi> (дата обращения: 10.01.2023).

Криминальные банкротства в России стали особенно заметными в период экономического кризиса 2008—2014 гг. [3, с. 137] В то время многие компании не смогли успешно осуществлять свою деятельность из-за снижения спроса и ужесточения условий кредитования. Однако некоторые бизнесмены решили использовать банкротство в качестве способа избежать выплаты денежных обязательств и сохранить свои финансовые и имущественные активы. Для этого они создавали фиктивные задолженности, переписывали имеющуюся собственность на третьих лиц, фиксировали нулевые балансы и т. д. В результате банкротства компании они получили возможность продолжать работу на новом месте, сохраняя свои активы и уходя от долгов.

Согласно статистическим данным, в 2008—2014 гг. количество банкротств в России выросло в четыре раза, но доля криминальных банкротств оценивается в 30—40 %⁴. Это создало серьезные проблемы для кредиторов, которые теряют свои деньги, а также для государства, недополучающего доходы от налогов.

Кроме того, нарушение законодательства в рассматриваемой сфере экономических отношений оказывает негативное влияние на конкуренцию на рынке и создает неравные условия для компаний, осуществляющих свою деятельность в рамках закона.

В России существует ряд законодательных актов, направленных на борьбу с обозначенной проблемой. Например, вышеупомянутый ФЗ № 127 устанавливает ответственность за несоблюдение правил банкротства, включая уклонение от уплаты долгов, сокрытие имущества и т. д.

В настоящее время институт несостоятельности (банкротства) в нашей стране продолжает развиваться. 12 июля 2021 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) были внесены изменения, которые расширили возможности для защиты прав кредиторов. В соответствии с этими изменениями повысились меры уголовной ответственности для таких субъектов, как контролирующее должника лицо и его руководитель, а также председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор) и арбитражный управляющий⁵. Кроме того, ужесточилось наказание за деяния, предусмотренные

⁴ Березина Е. В России резко возросло количество дел о банкротствах // Российская газета: офиц. сайт. Москва. URL: <https://rg.ru/2015/02/17/bankrotstvo.html?ysclid=lggeyfn1tz382474693> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ О внесении изменений в статьи 195 и 196 УК РФ и статью 31 УПК РФ: федер. закон от 1 июля 2021 г. № 241-ФЗ РФ. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

ст. 195—197 УК РФ, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а также в соучастии.

Появилось также примечание, освобождающее от ответственности лиц, совершивших рассматриваемые деяния впервые и активно содействовавших раскрытию преступлений. Полагаем, что это примечание может сыграть важную роль в судебной практике рассматриваемой категории дел, поскольку указанные меры направлены на привлечение бенефициарных владельцев юридических лиц к уголовной ответственности и повышение вероятности возмещения ущерба кредиторам.

Вместе с тем стоит сказать о том, что, несмотря на предпринимаемые государством меры, проблема криминальных банкротств в России остается достаточно актуальной. Так, в 2021 г. по ст. 195 УК РФ было осуждено 8 человек, по ст. 196 УК РФ — 22 человека, а по ст. 197 УК РФ — 0 человек (цит. по: [4, с. 42]). Эти относительно небольшие цифры могут свидетельствовать о таких аспектах рассматриваемой проблемы:

1) недостаточная эффективность процедуры банкротства в нашей стране, которая может затягиваться на несколько лет, что увеличивает затраты на ее проведение и уменьшает вероятность возврата долгов;

2) отсутствие прозрачности в процедурах банкротства часто приводит к коррупции и незаконным сделкам;

3) невысокая степень защиты прав кредиторов в нашей стране, которые не всегда имеют возможность получить свои долги в полном объеме, так как должник может скрыть принадлежащее ему имущество или передать его другим лицам;

4) сложности с установлением факта банкротства, часто связанные с определением его сроков, что может привести к тому, что должник уже израсходовал все или большую часть своих активов;

5) недостаток квалифицированных специалистов в области проведения процедуры банкротства и защиты прав кредиторов.

Примеры коррупции и незаконных сделок при банкротстве в России включают следующие случаи:

1) коррупционные схемы при продаже активов компаний-банкротов;

2) сокрытие имущества перед началом процедуры банкротства¹;

3) незаконные сделки с активами компаний-банкротов. Например, в 2018 г. был выявлен случай,

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.03.2023 г. URL: <https://clck.ru/349pMM> (дата обращения: 25.03.2023).

когда руководитель компании «ВЭБ-Лизинг» заключил незаконную сделку с активами компании-банкрота «Трансаэро»²;

4) использование фиктивных компаний для сокрытия имущества перед началом процедуры банкротства. Например, в 2022 г. ООО «Металл-групп» решением арбитражного суда Белгородской области было признано несостоятельным (банкротом). Однако в процессе изучения финансовой документации стали известны факты, указывающие на использование фиктивных компаний для сокрытия имущества перед началом процедуры банкротства³.

Изучая статистические данные по количеству зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 195—197 УК РФ, на первый взгляд можно сделать вывод о том, что их число не так уж и велико в соотношении с иными преступлениями в сфере экономической деятельности, однако, по мнению Д. Б. Лаптева и З. А. Гордиенко, скорее, следует отметить несовершенство системы уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за криминальные банкротства, поскольку, изучая данные судебной практики более детально, можно констатировать тот факт, что в основном гражданско-правовые дела о банкротстве содержат в себе признаки составов преступлений, предусмотренных указанными статьями [4, с. 43].

В качестве примера для подтверждения вышесказанного стоит детально изучить дело № А40-136323/17, рассмотренное в арбитражном суде Москвы. В судебном заседании было установлено, что должнику до начала банкротства принадлежало здание и земельный участок под ним, которые впоследствии были проданы должником до введения данной процедуры. В соответствии с договором купли-продажи стороны оценили указанное имущество на сумму 431 045 рублей и 4 568 955 рублей соответственно⁴.

Однако арбитражным управляющим уже в рамках процедуры банкротства должника проводилась оценка упомянутого имущества, согласно которой стоимость жилого дома составила 7 494 518 рублей, и земельного участка — 2 325 195 рублей.

² Определение арбитражного суда города Москвы от 17 июля 2018 г. URL: <https://clck.ru/34999G> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Сообщение о судебном акте арбитражного суда Белгородской области от 7 июня 2022 г. URL: <https://clck.ru/349AWe> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Постановление девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы от 25 июня 2018 г. URL: <https://clck.ru/349piA> (дата обращения: 20.02.2023).

Предполагая, что спорная сделка является недействительной в силу ничтожности и направлена на отчуждение ликвидного имущества должника по заведомо заниженной цене, конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании ее недействительной в Арбитражный суд, который в свою очередь, изучив все материалы дела, установил, что сделка была заключена со злоупотреблением сторонами своими правами в целях вывода ликвидного имущества общества, в связи с чем удовлетворил требования конкурсного управляющего.

Таким образом, в гражданском судопроизводстве было установлено, что должник фактически реализовал имущество по существенно заниженной стоимости, что повлекло ущерб на сумму 4 819 713 рублей, а впоследствии оказался в процедуре банкротства [4, с. 44].

Как отмечает в своем обзоре Верховный Суд России, а также в соответствии со ст. 1881 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 226 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ч. 4 ст. 200 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в тех случаях, когда судом при рассмотрении дела по существу в действиях лиц, участвующих в судебном процессе, обнаружены признаки преступления, суд сообщает об этом органам дознания или предварительного следствия, в том числе направив копию частного определения¹.

Необходимо также сказать о том, что определенные проблемы в области взаимодействия судов и органов следствия существуют довольно продолжительное время. В 1987 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было отмечено, что суды не во всех случаях глубоко и всесторонне выявляют обстоятельства, способствовавшие совершению правонарушений, и не во всех случаях выносят частные определения, необходимые для устранения всех фактов, отрицательно влияющих на состояние законности в стране. При составлении вышеназванных постановлений нередко вскрываются грубые нарушения и ошибки, не проводится конкретный анализ выявленных правонарушений. Кроме того, суды часто оставляют без надлежащего реагирования факты неисполнения или формального исполнения частных определений

¹ Обзор по отдельным вопросам практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 июля 2020 г. // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfg.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

и не требуют привлекать к ответственности должностных лиц, имея на то основания².

Отдельно стоит отметить немаловажную роль арбитражного управляющего в ходе проведения процедуры банкротства. Это специалист, который в соответствии с ФЗ № 127 является обязательным участником в деле о признании несостоятельности любого лица. Одной из важнейших задач данного должностного лица является управление имуществом должника в период банкротства и максимизация его стоимости для удовлетворения требований кредиторов. Управляющий также контролирует проведение процедур банкротства, в том числе составление и утверждение списков кредиторов, оценку имущества, продажу имущества и распределение средств между всеми заинтересованными сторонами согласно реестру.

Названный выше специалист также обязан представлять интересы кредиторов, защищать их права в суде и перед другими органами государственной власти, а также должен контролировать действия должника в период банкротства, чтобы предотвратить возможные нарушения закона.

Арбитражный управляющий, как правило, назначается судом и должен иметь соответствующую квалификацию и опыт работы в области банкротства. Закон о несостоятельности (банкротстве) содержит четкие требования к кандидатуре этого участника. Его деятельность контролируется арбитражным судом и другими органами государственной власти, чтобы предотвратить возможные коррупционные проявления или нарушения закона. Однако в судебной практике встречаются случаи, когда конкурсные управляющие, пользуясь своими должностными правами, сами оказываются фигурантами уголовных дел, связанных с противозаконными действиями при проведении процедур банкротства.

В качестве примера можно также рассмотреть практику арбитражного суда Нижегородской области, где по делу № А44-7516/2017 была установлена неправомерность действий арбитражного управляющего при исполнении обязанностей внешнего управления в деле о банкротстве ООО «Сормоль», выразившаяся в отчуждении (передаче в собственность) ООО «Стройтрест» двух экскаваторов без проведения мероприятий по оценке и реализации

² О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 1 сентября 1987 г. // Верховный суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfg.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

имущества должника на торгах, как не соответствующих п. 2 ст. 111, пп. 4—19 ст. 110 ФЗ № 127¹.

Из материалов дела следует, что договоры купли-продажи заключены арбитражным управляющим на нерыночных условиях и, по сути, являются убыточными. Суд указал на то, что арбитражный управляющий, проводя комплекс мероприятий по реализации экскаваторов, не мог не знать о допущенных нарушениях ФЗ № 127. Согласно отчету об оценке рыночной стоимости экскаваторов, представленному специалистом, стоимость двух указанных технических средств на момент исполнения договора составляла 3 909 400 рублей и 3 960 000 рублей соответственно.

Размер убытков был определен судом как разница между рыночной стоимостью и ценой продажи экскаваторов и составил порядка 5 125 400 рублей. Соответственно, судом были установлены обстоятельства, свидетельствующие о ненадлежащем исполнении арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве должника, определен факт причинения убытков должнику вследствие этих действий, а также установлена вина и противоправность действий арбитражного управляющего.

Из материалов рассмотренных дел следует, что вина конкретных лиц в совершении неправомерных действий при проведении процедур банкротства арбитражными судами в двух случаях была установлена. Описанные факты могли бы лечь в основу привлечения к уголовной ответственности для обозначенных выше субъектов с учетом всех фактических обстоятельств дел.

Исходя из материалов изученной судебной практики можно согласиться с Д. Б. Лаптевым и З. А. Гордиенко и сделать вывод о том, что регулирование отношений, связанных с неправомерными действиями при проведении процедур банкротства, происходит фрагментарно. Наблюдается отсутствие четких критериев разграничения неправомерных действий гражданско-правового и преступного характера [4].

Еще одной проблемой реализации правовых норм в сфере банкротства является их применение только в отношении физических лиц. В УК РФ отсутствуют положения, позволяющие привлечь к уголовной ответственности юридическое лицо.

Стоит отметить, что тенденция к снижению количества зарегистрированных преступлений, связан-

ных с криминальными банкротствами, скорее имеет негативный характер, нежели позитивный. Это связано не только с латентностью вышеназванных деяний, но и с проблемами правоприменительной практики, поскольку часто в соответствии с ФЗ № 127 трудности определяются на стадии привлечения к субсидиарной ответственности. В результате правоохранительными органами в лучшем случае может быть возбуждено уголовное дело по иным нормам, предусматривающим ответственность за преступления против собственности или в сфере экономической деятельности. Необходимо сказать еще и о том, что незаконная деятельность юридических лиц создает проблемы при возмещении убытков, причиненных действиями этих лиц, направленными на объявление себя банкротом.

Правительством Российской Федерации подготовлен законопроект о реформе института банкротства, который уже в течение полутора лет ожидает рассмотрения в первом чтении в Государственной Думе².

Документ предлагает внести кардинальные изменения в правила банкротства в России. Он предусматривает ликвидацию процедур наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления, вместо этого планируется разработать механизм реструктуризации долгов и конкурсное производство (ликвидация).

Кроме этого, рассматривается возможность изменения правил реализации имущества должника. Вместо торгов на повышение должны появиться так называемые голландские аукционы с плавающим ценообразованием, т. е. торги, как и ранее, вначале идут на повышение, но если в процессе желающих выкупить активы не найдется, в таком случае цена будет снижаться до появления первого покупателя.

Ранее мнение о том, что законопроект «слишком глобальный», чтобы принимать его в полном объеме, высказал заместитель председателя комитета Госдумы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям Николай Николаев. По его мнению, отдельные законопроекты позволили бы действовать оперативно и без ошибок. «С одной стороны, даже чисто технически небольшие законопроекты, небольшие этапы позволяют

¹ Постановление арбитражного суда Новгородской области от 5 октября 2021 г. URL: <https://sudact.ru/arbitral> (дата обращения: 22.02.2023).

² О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: законопроект от 17 мая 2021 г. № 1172553-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: офиц. сайт. Москва. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2023).

действовать более оперативно. С другой стороны, нам нужно сейчас снизить возможность допущения ошибок», — пояснил он¹.

В контексте изложенного отметим, что принимаемых в настоящий момент мер явно недостаточно для борьбы с криминальными банкротствами в России, проблема преступности в изучаемой сфере остается актуальной. Это связано с многими аспектами, в частности с затягиванием сроков проведения этапов банкротства, отсутствием прозрачности всех процедур, нехваткой эффективных мер защиты прав кредиторов, сложностями с определением факта несостоятельности, недостатком квалифицированных специалистов в рассматриваемой сфере и т. д.

Проблемы привлечения к уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве в России могут быть связаны с низкой эффективностью правоприменительной практики, недостаточной квалификацией сотрудников правоохранительных органов и судов, а также с коррупционными проявлениями в системе правосудия.

Кроме того, в России существует проблема низкой осведомленности юридических и физических лиц о законодательстве в области банкротства, что может приводить к различного рода ошибкам и нарушениям при проведении процедур несостоятельности. В таких случаях меры ответственности должны быть применены как к лицам-должникам, так и к сотрудникам и консультантам юридических компаний, оказывающих помощь в установлении статуса банкрота.

Для решения этих проблем необходимо повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судов, а также проведение информационных кампаний для предпринимателей о правилах осуществления процедур банкротства. Кроме того, необходимо более жесткое пресечение коррупции в системе правосудия и повышение прозрачности и открытости последней.

Подводя итог, можно сказать о том, что, несмотря на все предпринимаемые попытки, на данный момент комплекс мер по противодействию криминальным банкротствам в нашей стране остается в недостаточной мере проработанным и эффективным. Это обусловлено совокупностью различных факторов, начиная с трудностей, связанных с отступлением от принципа личной виновной ответственности и необходимостью поиска возможности уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц — бенефициаров компаний-банкротов, проблемой проработки четкого механизма разграничения гражданско-правовых деликтов и уголовно наказуемых деяний в рассматриваемой сфере, и заканчивая назревшей проблемой реформирования института несостоятельности в целом как не отвечающего современным требованиям к процедурам банкротства в России. На наш взгляд, проблематика, рассмотренная в статье, предполагает необходимость дальнейшего совершенствования существующей правовой базы.

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Москва: Территория будущего, 2005. 800 с.

2. Сперанская Ю. С. Институт несостоятельности (банкротства) в России XI — начала XXI века (историко-правовое исследование): учеб. пособие. Нижний Новгород: Нижегород. правовая акад., 2009. 124 с.

3. Зинковский М. А. Преднамеренное банкротство в условиях национального экономического кризиса // Современное право. 2015. № 6. С. 137—140.

1. Vladimirovskiy-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. Moscow: Territory of the future; 2005: 800. (In Russ.).

2. Speranskaya Yu. S. Institute of Insolvency (bankruptcy) in Russia XI — the beginning of the XXI century (historical and legal research). Study manual. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod academy of law; 2009: 124. (In Russ.).

3. Zinkovsky M. A. Deliberate bankruptcy in the context of the national economic crisis. Modern Law, 137—140, 2015. (In Russ.).

¹ Обзор: день 1. Форум «Банкротства. Новая реальность» Интерфакса и Федресурса // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс): офиц. сайт. 2013. URL: <https://fedresurs.ru/news> (дата обращения: 30.12.2022).

4. Лаптев Д. Б., Гордиенко З. А. Проблемы норм о преступлениях в сфере банкротства // Безопасность бизнеса. 2022. № 5. С. 41—44.

Глазкова Мария Константиновна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
Maryatern1414@gmail.com

4. Laptev D. B., Gordienko Z. A. Problems of rules on crimes in the sphere of bankruptcy. Business security, 41—44, 2022. (In Russ.).

Glazkova Maria Konstantinovna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
Maryatern1414@gmail.com

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 14.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.359
doi: 10.25724/VAMVD.A169

**АРЕСТ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ**

Юрий Вадимович Нагаев-Кочкин

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
kochkin821@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности при расследовании уклонения от уплаты налогов использовать наложение ареста на право требования (дебиторскую задолженность) как на имущественное право. Проанализированы правовые позиции высших судебных инстанций Российской Федерации, а также межведомственные акты, обосновывающие необходимость применения такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество, в целях возмещения ущерба, причиняемого государству противоправными действиями неплательщиков-уклонистов. В статье также указывается, на какие основания необходимо ссылаться следственным органам при обращении в суд с ходатайством об аресте права требования, разработаны рекомендации, призванные обеспечить необходимый уровень обоснованности соответствующего ходатайства.

Вывод о высокой эффективности наложения ареста на право требования проиллюстрирован примером из следственной практики. Предложено включить тактические рекомендации по наиболее эффективному использованию данной обеспечительной меры в методику расследования налоговых преступлений.

Ключевые слова: следователь, расследование, наложение ареста на имущество, право требования, дебиторская задолженность, имущественное право, обыск, налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов

Для цитирования: Нагаев-Кочкин Ю. В. Арест права требования при расследовании уклонения от уплаты налогов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 152—157. doi: 10.25724/VAMVD.A169

**ARREST OF THE RIGHT OF CLAIM
IN THE TAX EVASION INVESTIGATION**

Yuri Vadimovich Nagaev-Kochkin

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia,
kochkin821@yandex.ru

Abstract. The article discusses the possibilities in the investigation of tax evasion to use the arrest of the right of claim (accounts receivable) as a property right. The legal positions of the highest judicial instance of the Russian Federation are analyzed, as well as interdepartmental acts justifying the need to apply such a measure of procedural compulsion as arrest, in order to compensate for the damage caused to the state by the illegal actions of non-payers-evaders. The article also substantiates the conclusions to what grounds must the investigative authorities refer when applying to the court with a petition for the arrest of the right of claim, and recommendations to ensure the necessary level of evidence of the relevant petition are developed.

The conclusion about the high effectiveness of this interim measure is illustrated by an example from investigative practice. The conclusion is substantiated that tactical recommendations on the most effective use of this interim measure in the investigation of tax crimes are to be included in the methodology of the investigation of crimes of this group.

Keywords: investigator, investigation, seizure of property, right of claim, accounts receivable, property rights, search, tax crimes, tax evasion

For citation: Nagaev-Kochkin Yu. V. Arrest of the right of claim in the tax evasion investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 152—157, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A169

Одной из форм защиты (восстановления) нарушенных прав и законных интересов является возмещение причиненного преступлением ущерба, чему уделяется значительное внимание всеми правоохранительными структурами. В особенности это касается ущерба, причиненного государству, так как вред в этом случае причиняется не отдельно взятому человеку, а всему обществу в лице публичного образования — например, при уклонении от уплаты налогов.

Государство, принимая меры к защите частной собственности, прав предпринимателей, не может допускать нарушений общественных и государственных интересов и обязано принимать меры к их защите. Так, при уклонении хозяйствующих субъектов от уплаты налогов, помимо раскрытия противоправной деятельности и привлечения виновных лиц к ответственности, не менее важным является и принятие соответствующих мер по возмещению неуплаченных в бюджет сумм недоимки, несмотря на то что при этом ограничивается право частной собственности.

По этому вопросу неоднократно высказывался Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ), отмечая обязательность уплаты налогов и возможность ограничения права частной собственности. Так, в постановлении от 17 декабря 1996 г. № 20-П КС РФ указал, что право частной собственности не является абсолютным, оно может быть ограничено в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя. Более того, налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению той частью своего имущества, которая в виде определенной денежной суммы подлежит взносу в казну¹. Меры реагирования государства на нарушение налогового законодательства должны соответствовать характеру совершенного деяния².

¹ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приоритетность данного направления — возмещение ущерба, причиненного преступлением, — отмечают в своих научных трудах Е. А. Ефремова [1], Ж. В. Цыренов [2]. Последний обращает внимание на вопросы ведомственного контроля и прокурорского надзора, осуществляемого путем введения в статистическую отчетность отдельного показателя работы по возмещению ущерба.

Организация деятельности по возмещению ущерба, причиненного государству преступлениями, урегулирована совместным приказом Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФССП России, Росфинмониторинга, согласно которому следователям надлежит устанавливать имущество, на которое может быть наложен арест³. В Республике Татарстан правоохранительными органами также приняты меры по обеспечению возможности эффективного решения вопроса о возмещении ущерба. Региональными органами Министерства внутренних дел, Федеральной налоговой службы и СК России 12 февраля 2021 г. заключено соглашение о взаимодействии. Самостоятельный раздел соглашения посвящен мерам по возмещению ущерба, причиненного налоговыми преступлениями. В числе мер указаны: сбор сведений о принадлежащем имуществе и денежных средствах налоговым органом; сбор сведений о взаимосвязанных лицах и объектах, подлежащих аресту, путем проведения оперативно-разыскных мероприятий; незамедлительный арест обнаруженного имущества следователем⁴.

Представляется обоснованным, когда речь идет о наложении ареста на имущество, использовать не только традиционный подход, при котором

³ О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями: совместный приказ Генпрокуратуры России № 182, МВД России № 189, МЧС России № 153, ФСБ России № 243, СК России № 33, ФСКН России № 129, ФТС России № 800, ФССП России № 220, Росфинмониторинга № 105 от 29 марта 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О взаимодействии между следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, Министерством внутренних дел по Республике Татарстан, Управлением Федеральной налоговой службы по Республике Татарстан: соглашение следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан от 12 февраля 2021 г. № 8, Министерства внутренних дел по Республике Татарстан № MVD/C-16/21, Управления Федеральной налоговой службы по Республике Татарстан № 2.1-21/47.

понятием «имущество» охватываются вещи и денежные средства, но также включать в него и права требования (дебиторская задолженность). Вопросы ареста имущества подозреваемого и иных лиц неоднократно становились предметом рассмотрения высших судов, а также многих научных исследований. Однако вопросы о возможности наложения ареста на дебиторскую задолженность и порядке ее ареста в рамках уголовного судопроизводства предметом формулирования правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) не становились.

Так, отдельные вопросы о том, в каких случаях, на имущество каких лиц и какие именно ограничения могут быть наложены судом, рассмотрены в постановлениях Пленума ВС РФ от 14 июня 2018 г. № 17¹ и от 1 июня 2017 г. № 19 — о необходимости сопоставления арестованного имущества причиненному ущербу и размеру штрафа, который может быть назначен в качестве наказания². Ряд иных практических вопросов освещен в обзоре практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество, утвержденном Президиумом ВС РФ 27 марта 2019 г., однако случаи ареста дебиторской задолженности не описаны³.

Особенности тактики подготовки и наложения ареста на дебиторскую задолженность при расследовании преступлений, как представляется, не нашли должного освещения и в научной литературе — ряд авторов (Р. М. Исаева, Л. Д. Хабибова, Я. А. Шараева, А. Г. Мовсисян, Н. Г. Федорова), исследуя вопросы наложения ареста в уголовном процессе, не затрагивают при этом наложение ареста на права требования.

Так, Р. М. Исаева, раскрывая актуальные аспекты института наложения ареста на имущество и анализируя отдельные правовые позиции КС РФ, приходит к выводу о недостаточной урегулированно-

сти данного вопроса уголовно-процессуальным законодательством в силу наличия разрозненных, по ее мнению, норм и различий в толковании последних [3, с. 74].

В свою очередь Я. А. Шараева и А. Г. Мовсисян, признавая целесообразность использования рассматриваемой меры обеспечительного характера, уделяют внимание проблемам, возникающим в правоприменительной практике следователей и судов при установлении целей и оснований наложения ареста на имущество, определении стоимости арестованного имущества, порядка принятия решения о наложении на него ареста, условий хранения и освобождения имущества от ареста [4].

Ряд криминалистических аспектов использования данного института исследован Н. Г. Федоровой, которая обосновала такие его принципы, как оперативность, объективность, необходимость взаимодействия с органом дознания и использования криминалистической техники, настойчивость, этичность [5].

Отдельные виды наложения ареста на имущество, выделяемые в зависимости от его характера, также уже были предметами исследования. Так, Л. Д. Хабибова, рассматривая данный институт и его сущность (как следственного действия или меры процессуального принуждения), акцентирует внимание только на неурегулированности процедуры ареста криптовалюты [6].

Арест дебиторской задолженности исследовался в работах С. Ю. Шараева, Д. Х. Валева, Т. В. Волковой [7], Е. С. Ефремовой [8], А. Н. Берсенева [9]. Однако ими вопрос рассматривался с точки зрения реализации норм федерального законодательства об исполнительном производстве и налогового законодательства.

Уровень разработанности вопросов общего характера применения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве, как представляется, в настоящее время позволяет более детально рассмотреть возможности использования данной обеспечительной меры применительно к наложению ареста на дебиторскую задолженность при расследовании налоговых преступлений. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁴ (УПК РФ) определенным образом закрепляет правовой механизм, позволяющий при расследовании преступлений, в частности уклонения от уплаты налогов с организаций, применять наложение

¹ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.03.2019) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ареста на имущество. Не останавливаясь подробно на особенностях использования данного механизма в случае наложения ареста на иные виды имущества, подчеркнем, что для анализируемой группы преступлений представляется целесообразным применять именно наложение ареста на право требования, поскольку ущерб, причиняемый государству налоговыми преступлениями, варьирует от десятков миллионов до миллиардов рублей, и не всегда удается обеспечить возмещение ущерба только путем наложения ареста на движимое, недвижимое имущество и денежные средства. Органам предварительного следствия должен быть предложен арсенал дополнительных мер, который позволял бы возместить причиненный преступлением ущерб в максимально возможном объеме.

Результаты системного анализа процессуальных норм свидетельствуют о том, что определенные правовые (процессуальные) основы для этого имеются. Так, п. 13.1 ст. 5 УПК РФ, раскрывая понятие имущества, прямо включает в него, помимо прочего, имущественные права, в том числе права требования и исключительные права.

Как уже подчеркивалось, данный вопрос не получил должного исследования и разрешения в научной литературе в рамках уголовно-правового блока дисциплин, следственная практика наложения арестов на имущественные права также носит лишь эпизодический характер, нет опубликованных статистических данных о частоте использования в следственной и судебной практике наложения арестов такого вида.

Кроме того, определенные сложности вызывает тот факт, что нормы УПК РФ не определяют особенности наложения ареста на право требования (дебиторской задолженности), в отличие, например, от Федерального закона «Об исполнительном производстве»¹, в ст. 76 и 83 которого содержатся нормы, определяющие порядок обращения взыскания на дебиторскую задолженность и порядок ее ареста. Несмотря на это, как представляется, имеющееся в УПК РФ правовое регулирование является достаточным для применения рассматриваемой меры процессуального принуждения. Думается, что при применении рассматриваемой меры следует руководствоваться общим порядком наложения ареста на имущество с учетом особенностей, характерных именно для наложения ареста на права требования.

Особенности ареста данного вида имущества, по сравнению с арестом иных объектов вещных прав (недвижимости, автомобилей, денежных средств и безналичных денежных средств), обусловленные характером имущества, на которое может быть наложен арест, влияют в основном на специфику подготовительных мероприятий, проводимых следователем. В отличие от объектов недвижимости, автомобилей и счетов в банках, сведения о дебиторской задолженности не подлежат регистрации в каких-либо государственных реестрах, в связи с чем обращению в суд с ходатайством должна предшествовать поисковая работа следователя, в рамках которой устанавливается наличие (существование) права требования как такового. Арест может быть наложен на право требования, являющееся бесспорным и подтвержденным договорами, счетами на оплату, товарными накладными, актами приема-передачи выполненных работ (оказанных услуг), актами сверки задолженности с должниками, документами бухгалтерского учета, решениями суда — всеми теми документами, которые подтверждают надлежащее исполнение обязательств со стороны должника. Перечисленные документы в первую очередь изымаются следователем при расследовании дел об уклонении от уплаты налогов, что облегчает поиск «должников».

Как показывает судебная практика, недостаточным является подтверждение наличия дебиторской задолженности лишь по акту сверки взаимных расчетов. Так, Арбитражный суд Поволжского округа в постановлении от 12 марта 2021 г. как недостаток в исследовании доказательств указал, что к акту сверки не приложены первичные документы бухгалтерского учета, подтверждающие наличие дебиторской задолженности, а сам по себе акт сверки не является первичным документом бухгалтерского учета, поскольку не позволяет установить основания возникновения задолженности².

В качестве положительного примера наложения ареста на дебиторскую задолженность приведем следующий случай. Следователем возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 199 Уголовного кодекса Российской Федерации. Общая сумма неуплаты руководством ООО «А» (название изменено) налога на добавленную стоимость по мнимым взаимоотношениям с рядом организаций повлекла причинение ущерба бюджетной системе государства на сумму более 48 млн рублей. В добровольном

¹ Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12 марта 2021 г. № Ф06-293/2021 по делу № А57-23005/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

порядке подозреваемый (директор и учредитель общества) ущерб не возмещал, в связи с чем следователем были предприняты меры по установлению имеющегося как у подозреваемого, так и у самой организации имущества. Помимо объектов недвижимости, транспортных средств, были истребованы сведения о движении денежных средств по расчетным счетам. Результаты анализа движения указанных средств позволили установить ряд контрагентов, с которыми имелись реальные и актуальные взаимоотношения. Данным контрагентам были направлены соответствующие запросы, а исходя из сведений, содержащихся в поступивших от них ответах, установлено наличие договорных отношений и прав требований. Так, ООО «А» выступало исполнителем по договору строительного подряда, часть работ по которому была выполнена и сдана заказчику. Таким образом, перед ООО «А» имелись подтвержденные, но не исполненные к тому моменту обязательства на сумму более 100 млн рублей, т. е. ООО «А» имело бесспорное право требования к своему контрагенту — казенному предприятию «У» (название изменено). С учетом полученных данных следователем было возбуждено ходатайство о наложении ареста на право требования ООО «А» к своему контрагенту.

В обосновании ходатайства было указано, что подозреваемый являлся учредителем общества с долей 100 % в уставном капитале. Сделана ссылка на ч. 2 ст. 14 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», согласно которой действительная стоимость доли участника соответствует части стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру его доли. Указано также, что общество, являясь правообладателем имущественных требований указанной дебиторской задолженности, может беспрепятственно переуступить права требования долга третьим лицам, с помощью чего уклонится от возмещения ущерба, причиненного государству.

1. Ефремова Е. А. Общие положения организации на досудебной стадии уголовного судопроизводства обеспечения возмещения причиненного преступлениями ущерба // Закон и право. 2021. № 7. С. 166—171.

2. Цыренов Ж. В. Об объективности формирования статистической отчетности по обеспечению возмещения ущерба на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (89). С. 145—151.

В резолютивной части постановления следователь ходатайствовал перед судом о наложении ареста на право требования ООО «А» к казенному предприятию «У», возникшее на основании договоров на выполнение подрядных работ по строительству, с установлением ограничений в виде запрета на совершение любых действий, приводящих к изменению либо прекращению правоотношений, на основании которых возникла задолженность, а также на уступку права требования третьим лицам, в том числе наложения залоговых обязательств. Данное ходатайство судом удовлетворено.

Результаты рассмотрения особенностей использования такой меры принудительного характера, как наложение ареста на имущество, позволяют обосновать ряд выводов. Будучи, как уже указывалось, мерой принудительного характера, урегулированной процессуальным законодательством, наложение ареста на имущество может использоваться в процессе расследования преступлений различных видов, в том числе при расследовании уклонения от уплаты налогов с организаций. Принимая во внимание, что законодательно закреплена возможность наложения ареста не только на движимое или недвижимое имущество и денежные средства, но и на права имущественного характера, наложение ареста на право требования следует рассматривать в качестве самостоятельного вида исследуемой меры принудительного характера. Поскольку данная мера процессуального принуждения позволяет достаточно эффективно обеспечивать возмещение ущерба, причиненного преступлением государству, целесообразность интегрирования порядка ее использования в уголовный процесс, следственную практику и, соответственно, в методику расследования уклонения от уплаты налогов видится обоснованной с учетом приведенных в статье обстоятельств.

1. Efremova E. A. General provisions of the organization at the pre-trial stage of criminal proceedings to ensure compensation for damage caused by crimes. Law and Code, 166—171, 2021. (In Russ.).

2. Tsyrenov Zh. V. On the objectivity of statistical reporting on the provision of compensation for damages at the pre-trial stages of criminal proceedings. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 145—151, 2020. (In Russ.).

3. Исаева Р. М. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе: вопросы законодательной регламентации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1 (79). С. 74—79.

4. Шараева Я. А., Мовсисян А. Г. О проблемах наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 108—111.

5. Федорова Н. Г. Криминалистические аспекты наложения ареста на имущество // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2007. № 13. С. 91—97.

6. Хабیبова Л. Д. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 3 (28). С. 20—22.

7. Шараев С. Ю., Валеев Д. Х., Волкова Т. В. Актуальные вопросы правоприменительной практики по применению законодательства об исполнительном производстве: опыт Двенадцатого арбитражного апелляционного суда // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 251—281.

8. Ефремова Е. С. Погашение недоимки за счет дебиторской задолженности налогоплательщика: нужно ли вносить изменения в законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 40—47.

9. Берсенев А. Н. Обращение взыскания на дебиторскую задолженность сомнительная правовая конструкция // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 5. С. 49—52.

3. Isaeva R. M. Arrest of property in criminal proceedings: issues of legislative regulation. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 74—79, 2018. (In Russ.).

4. Sharaeva Ya. A., Movsisyan A. G. On the problems of arrest of property in criminal proceedings. Jurist-Pravoved, 108—111, 2019. (In Russ.).

5. Fedorova N. G. Criminalistic aspects of the seizure of property. Bulletin of the Volga Region Academy of Public Service, 91—97, 2007. (In Russ.).

6. Khabibova L. D. Seizure of property in criminal proceedings. Actual problems of modernity: science and society, 20—22, 2020. (In Russ.).

7. Sharaev S. Yu., Valeev D. Kh., Volkova T. V. Topical issues of law enforcement practice on the application of legislation on enforcement proceedings: the experience of the Twelfth Arbitration Court of Appeal. Bulletin of Civil Procedure, 251—281, 2021. (In Russ.).

8. Efremova E. S. Repayment of arrears due to the taxpayer's accounts receivable: is it necessary to amend the legislation. Actual problems of Russian law, 40—47, 2019. (In Russ.).

9. Bersenev A. N. Foreclosure on accounts receivable dubious legal construction. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 49—52, 2013. (In Russ.).

Нагаев-Кочкин Юрий Вадимович,
аспирант кафедры криминалистики,
судебно-экспертной
и оперативно-розыскной деятельности
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета
Российской Федерации;
kochkin821@yandex.ru

Nagaev-Kochkin Yuri Vadimovich,
postgraduate student
at the department of criminalistics,
forensic and operational investigative activities
of the Saint Petersburg Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation;
kochkin821@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 26.06.2023; approved after reviewing 05.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

УДК 340.12+343.2

doi: 10.25724/VAMVD.A170

**О РОЛИ ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ
ГУМАНИЗМА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Александр Владимирович Шипков

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, ashipkv@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена роли научного наследия философов различных исторических эпох в формировании гуманизма в уголовном праве России. Большое влияние на становление современного правового гуманизма, по мнению автора, оказали акты международного публичного права, устанавливающие одним из приоритетных направлений деятельности государств необходимость защиты прав и свобод человека вне зависимости от того, является он законопослушным гражданином или же социально опасным элементом общества. В основе актов международного права лежат взгляды философско-гуманистов разных исторических эпох, поставивших человека, а также его права и свободы на высшую ступень общественных ценностей. В статье представлена периодизация исторического процесса развития философских учений о гуманизме. Автор рассмотрел формирование этих учений в рамках следующих исторических этапов: Античность, раннее христианство, Средневековье, Возрождение, Новое время. На каждом этапе через призму уголовного права анализируются труды виднейших философов-гуманистов.

Ключевые слова: гуманизм, человек, ученые-философы, Античность, раннее христианство, Средневековье, Возрождение, Новое время, наказание, пытки, милосердие, преступление, права и свободы, естественное право, справедливость, смертная казнь

Для цитирования: Шипков А. В. О роли философских учений в формировании гуманизма в уголовном праве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 158—164. doi: 10.25724/VAMVD.A170

**ON THE ROLE OF PHILOSOPHICAL DOCTRINES
IN THE FORMATION OF HUMANISM
IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA**

Alexander Vladimirovich Shipkov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, ashipkv@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the role of the scientific heritage of philosophers of various historical epochs in the formation of humanism in the criminal law of Russia. The author highlights an important role in the formation of modern legal humanism to acts of international public law, which establish one of the priority areas of state activity — the need to protect human rights and freedoms, regardless of whether he is a law-abiding citizen or a socially dangerous element for society. The acts of international law are based on the views of humanist philosophers of different historical eras, who placed man, as well as his rights and freedoms at the highest level of social values. In the course of the research, the author of the article carried out a periodization of the historical process of the development of philosophical doctrines about humanism. He considers the dynamics of humanism at the following historical stages: the ancient period; the period of early Christianity; the era of the Middle Ages; the Renaissance; Modern Times. At each stage, the author analyzes the works of the most prominent humanist philosophers through the prism of criminal law.

Keywords: humanism, man, scientists and philosophers, the Ancient period, the period of early Christianity, the Middle Ages, the Renaissance, Modern Times, punishment, torture, mercy, crime, rights and freedoms, natural law, justice, the death penalty

For citation: Shipkov A. V. On the role of philosophical doctrines in the formation of humanism in the criminal law of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 158—164, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A170

Впервые в истории российского уголовного права гуманизм нашел свое юридическое отражение в ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (УК РФ), и на данный момент гуманистической идеей пронизано большинство его норм, обеспечивающих безопасность человека и милосердие к лицам, совершившим преступления. Гуманизация уголовного законодательства России выступает результатом международной гуманистической политики, проводимой большинством стран мира с середины XX в. Положения о необходимости защиты прав и свобод человека, недопустимости причинения ему моральных и физических страданий находят свое отражение во многих актах международного публичного права. Так, гуманистической идеологией пронизаны Европейская конвенция о защите прав человека и свобод 1950 г., Международный пакт «О гражданских и политических правах» 1966 г., Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и др.

В основе актов международного права, а также уголовной политики большинства стран мира, в том числе России, лежат философско-гуманистические идеи, прошедшие длительный путь эволюции от Античности до современности.

Философский аспект идеи гуманизма в уголовном праве — один из наиболее слабо разработанных в науке, поэтому требует проведения более глубокого доктринального исследования. Рассмотрение философских гуманистических учений будет способствовать пониманию международной политики в области защиты прав и свобод человека, а также сущности гуманизма в уголовном праве.

При изучении гуманистических идей важно верно установить временные рамки исторического процесса формирования философских взглядов на роль и место человека в мире, что позволит рассмотреть особенности их эволюции в зависимости от политических, религиозных, социальных и экономических отношений, складывающихся на конкретном историческом этапе развития общества.

В науке принято выделять следующие этапы формирования философских гуманистических идей: Античность, период раннего христианства, Средневековье, Возрождение, Новое время. Остановимся подробнее на каждом.

Первый этап — период классической Античности (V в. до н. э. — I в. н. э.). Термин «гуманизм» (*humanus*) своими корнями уходит в Античность и в переводе с латинского означает «человечность» [1]. Идеи гуманизма зарождаются приблизительно в V в. до н. э. Именно в этот период формируется

антропоцентризм, и человек становится центральной фигурой в рассуждениях мыслителей. Уже тогда мыслители задумывались о причинах совершения преступлений, сущности наказания и его целях. Формируются идеи о неотвратимости и справедливости наказания, необходимости защиты общества от преступных посягательств, возможности исправления виновного лица, милосердия и т. д. Так, Протагор (486—411 гг. до н. э.) выступил против наказания из мести и впервые определил целями наказания исправление преступника, а также предупреждение совершения лицами преступлений. Он утверждал, что человек способен развить в себе добродетель, и наказание преступников имеет смысл лишь тогда, когда их можно перевоспитать [2; 3]. Протагор рассматривает наказание через призму целесообразности, что указывает на появление в его рассуждениях идей гуманизма по отношению к лицу, совершившему преступление. В учениях Демокрита (460—370 гг. до н. э.) гуманизм проявляется в защите интересов законопослушных граждан от преступных посягательств; жизнь виновного в совершении преступления лица не представляет какой-либо ценности. Он подчеркивает, что наказание должно защищать интересы людей и преступления должны караться сурово и неотвратимо [4]. Сократ (469—399 гг. до н. э.) говорит о справедливости наказания и ставит перед ним цель — нравственное исправление преступника, что позволяет сделать вывод о возможности суда назначить виновному более мягкое наказание [5]. Платон (приблизительно 429(427)—347 гг. до н. э.) рассуждает о неотвратимости наказания и обязательном возмещении причиненного ущерба, что указывает на защищенность прав потерпевших. Он индивидуализирует наказание, не допуская его распространения на родственников виновного. Цель наказания он видит в предупреждении преступлений и исцелении души. Проявляя милосердие, Платон допускает освобождение человека от наказания за невинный проступок и совершение преступлений в состоянии безумия, болезни¹. Аристотель (384—322 гг. до н. э.) заявляет о справедливом наказании и впервые говорит о необходимости оценки личности преступника, потерпевшего и обстоятельств, при которых было совершено преступление. Аристотель критиковал произвол судей, так как видел в них слуг народа². Цицерон (106—43 гг. до н. э.) и Сенека (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) говорили

¹ Платон. Законы. URL: <https://royallib.com/read/platon/zakoni.html#0> (дата обращения: 15.05.2023).

² Аристотель. Риторика. URL: <https://royallib.com/read/aristotel/ritorika.html#0> (дата обращения: 20.05.2023).

о возможном милосердии и снисхождении к виновному, которые имели место, несмотря на суровость и жестокость римских законов [6; 7]. Римское милосердие прослеживается в рассказе Валерия Максима о дочери, которая кормила грудью приговоренную к смертной казни и оставленную голодать в тюрьме мать. Впечатленные таким поступком судьи помиловали осужденную [8].

Второй этап — период раннего христианства (I—II вв.). Приблизительно в 33 г. в Палестине на основании учений Иисуса Христа зарождается христианская религия [9], в которой человек выступает образом и подобием божьим. В стихе 26 первой главы Книги Бытия говорится: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» [10, с. 6]. Вместе с тем христианская религия заявляет о всеобщем равенстве людей перед богом, зарождаются идеи любви к ближнему, недопустимости смертной казни, так как человек дорог богу и бог желает ему спасения [11; 12]. Цель наказания заключалась в исправлении виновного и обеспечении общественной безопасности. Именно в Ветхом Завете впервые встречаются упоминания о ценности человеческой жизни. В отличие от восточных стран, где имел место принцип причинения преступнику вреда большего, чем причинил он, в Ветхом Завете наказание соразмерно совершенному преступлению [13].

В рассматриваемый период происходит формирование философского базиса, на котором в дальнейшем были построены средневековые религиозные догмы. Зарождается религиозный гуманизм, представители ранней патристики развивают идеи о любви, милосердии, прощении, которые в последующем, в эпоху Средневековья, терпят кризис.

Третий этап — Период Средневековья (II—XIV вв.). В данный период произошли кардинальные изменения гуманистических взглядов на идеал человека, что вызвано, прежде всего, сменой картины мира. На закате греко-римской философии на смену античному гуманизму приходит теоцентризм, провозглашающий бога абсолютным бытием, выступающим причиной всего сущего¹.

Вплоть до XV в. формируется религиозный гуманизм, важную роль в развитии которого сыграли религиозно-философские учения патристики и схо-

ластики. Одной из особенностей учений поздней патристики и схоластики выступала нетерпимость к инакомыслию, которая часто сопровождалась жестокими пытками еретиков и применением в отношении последних смертной казни. Так, представитель патристики Августин Аврелий (329—389) негативно относился к еретикам (приравнивая их к заблудшим овцам, а церковь к пастуху) и поддерживал преследование их со стороны церкви и применение к ним телесных пыток и наказаний. В учениях Аврелия наказание ереси выступает актом любви. В последующем церковная инквизиция оправдывала совершаемые ей пытки учениями Аврелия [14; 15]. Представитель схоластики Фома Аквинский (1225—1274) также негативно относился к еретикам и поддерживал применение к ним пыток и наказаний вплоть до смертной казни².

В позднее Средневековье прослеживается проявление крайней жестокости к подсудимым со стороны светских судов и созданных в XII—XIII вв. инквизиционных трибуналов. В целях получения раскаяния к лицам, совершившим преступления, и еретикам (считавшимся религиозными преступниками) применялись такие жестокие пытки, как «стул Иуды», «мул», «железная дева» и т. д. Вместе с тем имели место и жестокие наказания: бичевание, четвертование лошаадьми, распиливание, колесование, сожжение, посажение на кол, поджаривание на вертеле и т. д.³ Особенности инквизиционного суда выступают непризнание наличия смягчающих вину обстоятельств, а также распространение наказания на родственников.

Одним из объяснений жестокости инквизиционного суда выступает то, что в средние века человек, совершивший преступление, считался грешником, и суть наказания заключалась в исцелении его души путем причинения телу страдания [16; 17]. Данное объяснение носит поверхностный характер, и истинная причина жестокого отношения к человеку заключалась в том, что наказание и пытки выступали средством подавления воли населения, внушения страха, имеющим целью защиту феодального строя и личных интересов представителей светской и религиозной власти.

Таким образом, зародившиеся в период раннего христианства идеи любви к человеку, милосердия, необходимости исправления виновного в период

¹ Энциклопедия социологии. Antinazi. 2009 // Словари и энциклопедии на Академике: интернет-портал. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1516> (дата обращения: 27.05.2023).

² Аквинский Фома. Сумма теологии. Вопрос 11. О Ереси. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/11> (дата обращения: 27.05.2023).

³ Пытки инквизиции. URL: <https://present5.com/pytki-inkvizicii-osnovatel-inkvizicii-papa-innokentij-3-1203/> (дата обращения: 27.05.2023).

Средневековья претерпевают кризис и смещаются антигуманной идеологией насилия, распространившейся на всех членов общества, чьи взгляды и убеждения противоречили интересам правящего класса.

Четвертый этап — эпоха Возрождения (XIV — начало XVII в.). Гуманизм как философское течение возник в эпоху Возрождения в XIV в. во Флоренции, в Италии, и с XV по XVI в. распространился на территории Западной и Восточной Европы. В центре ренессансного гуманизма стоит ценность человеческой жизни, человеческих прав и интересов. Интересными для изучения представляются взгляды таких ученых-философов, как Лоренцо Валла (1407—1457) [18], Пико Делла Марадолла (1463—1494) [19], Николая Кузанского (1401—1464)¹ [20], признававших человека высшей ценностью, отстаивавших его свободу, заявлявших о равноправии и недопустимости причинения человеку страданий. Особый интерес для изучения представляет социалистический труд философа Томаса Мора (1478—1535) «Утопия», в котором четко прослеживаются гуманистические взгляды на наказание, которое, согласно рассуждениям автора, должно быть справедливым и преследовать цель исправления преступника и искупления им вины. В «Утопии» Т. Мор развивает идею о необходимости применения к виновным лицам исправительно-трудовых наказаний, заключающихся в выполнении наиболее тяжелой и грязной работы. Именно посредством трудовой деятельности преступник мог искупить вину и загладить причиненный им вред. Вместе с тем в рассуждениях Т. Мора четко прослеживается возможность освобождения лица от наказания, а также назначение более мягкого наказания в случае раскаяния виновного. Томас Мор выступал против лишения жизни человека за совершенное им преступление, так как считал, что ни одно благо не может быть сопоставимо с ценностью человеческой жизни².

Период Возрождения выступает переходным этапом от эпохи Средневековья, где человек признается слабым, греховным и зависящим от божественных сил, к эпохе Нового времени, в которую провозглашается самостоятельность человека.

Пятый этап — Новое время (начало XVII — конец XIX в.). Именно в этот период отменяются инквизиционные трибуналы, схоластика и вера

терпит кризис, а человек, окончательно освободившись от церковного влияния, занимает самостоятельное место между природой и богом. Наиболее интересными в изучении гуманистических идей Нового времени представляются взгляды философов-просветителей, сыгравшие наиболее важную роль в становлении и развитии современного правового гуманизма. В своих трудах они пропагандировали идеи свободы, равенства людей и необходимости защиты их прав и свобод. Именно под воздействием идей таких великих просветителей, как Д. Локк, Д. Дидро, Ш. Монтескье, Вольтер, Ч. Бакариа и др., в 1766 г. императрицей Екатериной II был разработан наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. Наказ устанавливал равенство всех перед законом, призывал обеспечивать безопасность граждан империи, ограничивал применение смертной казни и отвергал пытки.

Один из основателей политической философии Томас Гоббс (1588—1679) утверждал, что наказание должно соответствовать тяжести совершенного преступления и должно быть направлено на предупреждение совершения преступлений как самим виновным, так и иными лицами. Он не допускал наказания невиновного человека, однако данный запрет не распространялся на людей, не являющихся подданными государства, так как они могли представлять опасность для государства. Т. Гоббс выделяет ряд смягчающих обстоятельств (заблуждение о законности своих действий; преступления, совершенные в порыве эмоций), при установлении которых подсудимый заслуживает снисхождения суда [21—23].

Истинный прорыв в развитии идей гуманизма в уголовном праве совершил французский правовед Шарль Луи Монтескье (1689—1755). Выступая против чрезмерно жестоких наказаний, не соответствующих тяжести совершенного преступления, он требовал смягчения уголовной политики, замены жестокого и несправедливого уголовного судопроизводства на правосудие, в основу которого должны быть положены принципы гуманизма, равенства и справедливости. Он также говорил о необходимости дифференцированного применения ответственности в зависимости от тяжести совершенного преступления. Несмотря на все человеколюбие Ш. Монтескье выступал сторонником смертной казни и приравнивал государство к врачу, а смертную казнь к лекарству. Кроме того, он считал, что в деспотических государствах казнь может быть более жестокой, чем в умеренных государствах, так как жители первых больше боятся смерти, чем дорожат жизнью, а вторых — больше дорожат жизнью, чем боятся смерти. Ставя свободу человека в зави-

¹ Кузанский Николай. Об ученом незнании. URL: https://royallib.com/book/kuzanskiy_nikolay/ob_uchyonom_neznanii_De_docta_ignorantia.html (дата обращения: 30.05.2023).

² Мор Т. Утопия. URL: https://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html (дата обращения: 02.06.2023).

симось от качества уголовного законодательства, Ш. Монтескье выступает против уголовного преследования за религиозные преступления [24].

Еще один философ-просветитель Франсуа Мари Аруэ Вольтер (1694—1778) также наделял человека естественными правами. Он выступал за ликвидацию инквизиционных трибуналов и отмену пыток, которые имели место во Франции. Размышления Вольтера о преступлении и наказании пропитаны идеями человеколюбия. Он выступал против смертной казни и жестоких наказаний. Вольтер говорил о соразмерности наказания совершенному преступлению и призывал к расширенному допуску защиты в процессе уголовного преследования [25—27]. Идеи гуманизма по отношению к преступнику также прослеживаются в учениях итальянского мыслителя Чезаре Беккариа (1738—1794), заявлявшего о соразмерности наказания совершенному преступлению, которое должно быть установлено уголовным законом. Определяя целью наказания превенцию преступлений и исправление виновного, он выступал против жестких наказаний и пыток. Ч. Беккариа рассматривал смертную казнь как средство ведения государством войны против своих граждан. Он считал необходимым заменить смертную казнь на пожизненное рабство, так как именно страх рабства может сдержать человека от совершения преступления. Ч. Беккариа не исключает возможности применения смертной казни, но лишь в случае угрозы безопасности государства. Беккариа говорил о всеобщем равенстве перед уголовным законом¹. Сторонником смягчения и ограничения уголовного наказания выступал американский политический деятель Бенджамин Франклин (1706—1790), который критиковал политику назначения наказаний, не соответствующих тяжести совершенного преступления.

Он ограничивал применение смертной казни преступлениями против жизни и призывал к замене данного наказания за совершение преступлений против собственности на возмещение ущерба в четырехкратном размере, однако применение смертной казни за совершение убийства допускал. Данный вид наказания он рассматривал как средство внушения страха людям, которое преследует цель недопущения совершения преступления [28].

Идеи философов Нового времени сыграли важную роль в становлении гуманизма. В этот период отменяются инквизиционные трибуналы, схоластика и вера терпит кризис, а человек окончательно занимает самостоятельное место между природой и богом. В Новое время человек становится общественным существом, наделенным неотъемлемыми естественными правами. Философами пропагандируются идеи свободы, равенства людей и необходимости защиты их прав и свобод.

Подводя краткие итоги изложенному, можно сделать вывод, что именно в рассматриваемые периоды формируются и развиваются идеи гуманизма, которые легли в основу современной международной политики, способствующей становлению и развитию гуманизма в уголовном законодательстве России. Особую роль здесь сыграли учения мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени, которые рассуждают о естественных правах и свободах, необходимости их государственного обеспечения, сущности и целях наказания. Распространяются идеи об отмене пыток и жестоких наказаний, милосердии, справедливости и т. д.

1. Философия: энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. Москва: Гардарики, 2004. 1072 с.

2. Гринберг М. С. Понятие наказания в уголовном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 3 (20). С. 159—167.

3. Платон. Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1. 632 с.

4. Нерсисянц В. С. Политические учения древней Греции. Москва: Наука, 1979. 262 с.

1. Philosophy: an encyclopedia. Dictionary. Ed. by A. A. Ivin. Moscow: Gardariki; 2004: 1072. (In Russ.).

2. Grinberg M. S. The concept of punishment in criminal law. Bulletin of Omsk University. Series "Law", 159—167, 2009. (In Russ.).

3. Plato. Essays. In 4 vols. Vol. 1. General ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House; 2006: 632. (In Russ.).

4. Nersesyants V. S. Political teachings of ancient Greece. Moscow: Nauka; 1979: 262. (In Russ.).

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. URL: https://royallib.com/read/bekkaria_chezare/o_prestuplenii_i_nakazanii.html#0 (дата обращения: 15.06.2023).

5. Степин В. С., Семигин Г. Ю. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Москва: Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.

6. Марк Тулий Цицерон. Речи: в 2 т. Москва: АН СССР, 1962. Т. 1. 452 с.

7. Луций Анней Сенека. Философские трактаты. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 396 с.

8. Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 309 с.

9. Пучков П. И., Казьмина О. Е. Религиозные организации современного мира. Москва: Изд-во МГУ, 2010. 368 с.

10. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. Москва: Изд-во Московской патриархии, 2010. 1376 с.

11. Суворов Н. С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. Санкт-Петербург: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1876. 338 с.

12. Криминология: учеб. пособие / под ред. А. И. Долговой. Москва: Норма, 2005. 912 с.

13. Райт К. Око за око. Этика Ветхого Завета. Черкассы: Коллоквиум, 2010. 642 с.

14. См.: Григулевич И. Р. Инквизиция. Москва: Политиздат, 1976. 273 с.

15. Мамонтов А. Л. Отношение Августина Блаженного к законам против дантистов (по материалам переписки) // Индоевропейское языковедение и классическая филология — XX: материалы чтений, посвящ. памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского. Санкт-Петербург: Наука, 2016. 1218 с.

16. Григулевич И. Р. Инквизиция. Москва: Политиздат, 1976. 273 с.

17. Ли Г.-Ч. История инквизиции в средние века: в 2 т. Санкт-Петербург: Брокгауз — Ефрон, 1911. 559 с.

18. Валла Л. О наслаждении // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Москва: Академия наук СССР, 1962. Т. 1. 684 с.

19. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология: в 2 т. Москва: Искусство, 1981. Т. 1. 493 с.

20. Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1979. Т. 1. 483 с.

21. Гоббс Т. Левиафан. Москва: Мысль, 2001. 478 с.

22. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Москва: Мысль, 1964. Т. 1. 583 с.

23. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Москва: Мысль, 1964. Т. 2. 748 с.

5. Stepin V. S., Semigin G. Yu. New philosophical encyclopedia. In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl; 2010: 692. (In Russ.).

6. Marcus Tullius Cicero. Speeches. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1962: 452. (In Russ.).

7. Lucius Annaeus Seneca. Philosophical treatises. Saint Petersburg: Aleteya; 2001: 396. (In Russ.).

8. Valery Maxim. Memorable deeds and sayings. Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; 2007: 309. (In Russ.).

9. Puchkov P. I., Kazmina O. E. Religious organizations of the modern world. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 2010: 368. (In Russ.).

10. Bible. The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate; 2010: 1376. (In Russ.).

11. Suvorov N. S. On church punishments. Research experience in church law. Saint Petersburg: Typography and chromolithography of A. Tranchel; 1876: 338. (In Russ.).

12. Criminology. Training manual. Ed. by A. I. Dolgova. Moscow: Norma; 2005: 912. (In Russ.).

13. Wright Ch. An eye for an eye. Ethics of the Old Testament. Cherkassy: Colloquium; 2010: 642. (In Russ.).

14. See: Grigulevich I. R. Inquisition. Moscow: Politizdat; 1976: 273. (In Russ.).

15. Mamontov A. L. The attitude of Augustine the Blessed to the laws against dentists (based on correspondence materials). In: Indo-European linguistics and classical Philology — XX. Materials of readings, dedicated in memory of professor Joseph Moiseevich Tronsky. Saint Petersburg: Nauka; 2016: 1218. (In Russ.).

16. Grigulevich I. R. Inquisition. Moscow: Politizdat; 1976: 273. (In Russ.).

17. Lee H. Ch. The History of the Inquisition in the Middle Ages. In 2 vols. Saint Petersburg: Brockhaus — Efron Publishing House; 1911: 559. (In Russ.).

18. Valla L. About pleasure. In: History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought. In 5 vols. Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1962: 684. (In Russ.).

19. Pico della Mirandola G. It's about human dignity. In: Aesthetics of the Renaissance. An Anthology. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Publishing House of Art; 1981: 493. (In Russ.).

20. Kuzansky N. Essays. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl; 1979: 483. (In Russ.).

24. Монтескье Шарль Луи де. Избранные произведения. Москва: Госполитиздат, 1955. 803 с.

25. Вольтер. Философские трактаты и диалоги. Москва: Эксмо, 2005. 432 с.

26. Морлей Д. Вольтер: [Жизнь и творчество]. Москва: Т-во И. Н. Кушнерев и К^о, 1889. 326 с.

27. Вольтер. По Коллини, Ваньеру, Штраусу и др. Санкт-Петербург: Знание, 1899. 150 с.

28. Франклин В. Избранные произведения. Москва: Госполитиздат, 1956. 634 с.

21. Hobbes Th. Leviathan. Moscow: Mysl; 2001: 478. (In Russ.).

22. Hobbes Th. Selected works. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl; 1964: 583. (In Russ.).

23. Hobbes Th. Selected works. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1964: 748. (In Russ.).

24. Montesquieu Charles Louis de. Selected works. Moscow: Gospolitizdat; 1955: 803. (In Russ.).

25. Voltaire. Philosophical treatises and dialogues. Moscow: Eksmo; 2005: 432. (In Russ.).

26. Morley D. Voltaire: [Life and works]. Moscow: Partnership of I. N. Kushnerev and K^o; 1889: 326. (In Russ.).

27. Voltaire. According to Collini, Vanier, Strauss, etc. Saint Petersburg: Znanie; 1899: 150. (In Russ.).

28. Franklin V. Selected works. Moscow: Gospolitizdat; 1956: 634. (In Russ.).

Шипков Александр Владимирович,

адъюнкт адъюнктуры

Волгоградской академии МВД России;

ashipkv@rambler.ru

Shipkov Alexander Vladimirovich,

associate adjunct

of the Volgograd Academy

of the Ministry of the Interior of Russia;

ashipkv@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 11.07.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication 11.09.2023.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных организациях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие по тексту рисунков, таблиц, диаграмм и формул.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);

— пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;

- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденному приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.